

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»**

ISSN 2713-2536

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА**

Электронный журнал
№ 2 (87) 2021 г.

**Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2021**

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [Электронный ресурс] : электрон. журнал / Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (1,38 МБ). – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Работы публикуются в авторской редакции.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Технический редактор *А.Ю. Денисова*

Дата выхода в свет: 30.06.2021.
Объем издания: 1,38 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 7 компакт-дисков

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл № ФС77-78909 от 14.08.2020

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

302027, Россия, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: orui@mvd.ru.
<http://www.orui.mvd.ru>.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент С.А. Синенко

Заместитель главного редактора – заместитель начальника Орловского
юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
(по научной работе) доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев

Члены редакционной коллегии:

заместитель начальника Барнаульского юридического института
МВД России (по научной работе) доктор юридических наук,
профессор Ю.В. Анохин;

профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного
университета доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор
юридических наук, доцент С.С. Безруков;

профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент В.Ф. Васюков
(секретарь редакционной коллегии);

профессор кафедры государственного и муниципального права Омского госу-
дарственного университета им. Ф.М. Достоевского доктор юридических наук,
профессор В.В. Головкин;

проректор по научной работе Байкальского государственного университета
доктор юридических наук, профессор О.П. Грибунов;

начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии доктор юридических наук,
доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, доцент О.В. Зиборов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук,
доцент А.И. Клименко;

Об изданиях - 1, 2, 3, 4, 5, 6

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского
военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации доктор юридических наук,
доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы, почетный работник высшего
профессионального образования В.П. Малахов;

главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем
правосудия Российского государственного университета правосудия доктор
юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем
правосудия Российского государственного университета правосудия
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор член научно-консультативного совета при Верховном Суде
Российской Федерации В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук,
доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения
безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-
исследовательского института ФСИН России доктор юридических наук,
профессор Н.Г. Шурухнов.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

**Журнал включён в Научную электронную библиотеку и систему
Российского индекса научного цитирования.
URL: <http://www.elibrary.ru>**

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021.

Об изданиях - 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства; история правовых учений

Алексеева Л.А., Майорова С.А. ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ	9
Беляева О.В. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООЩИТНОЙ СИСТЕМЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	13
Эсмантович Е.И. РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД ЕЕ НАХОЖДЕНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ	21

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Баженов О.Н. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ	31
Быстрова Ю.В. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	36
Зарубина К.А. ТРУДНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 210.1 УК РФ НА ПРАКТИКЕ	41
Кузнецов Д.Ю. ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	48
Подчерняев А.Н. К ВОПРОСУ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ ОБОРОТА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	55
Семенов В.Р. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА	61

Уголовный процесс

Гришин А.В., Волкова В.Р. УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	67
Гришина Е.Б. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ	72
Диваев А.Б. КОНФЛИКТ ЦЕЛЕЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	78
Малышева О.А. О ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОМ БАЛАНСЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	85
Павлов А.В. НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО, ПОСЛЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	90

Росинский С.Б. СЛЕДСТВЕННАЯ ВЫЕМКА (ИЗЪЯТИЕ) КАК «ТЕХНИЧЕСКИЙ» СПОСОБ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	96
Семенов Е.А., Плетникова М.С. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ И МОНГОЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	102

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Баранова Т.Ю., Озеров К.И., Кеменяш Ю.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АКТАМ КИБЕРТЕРРОРИЗМА НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА	108
Каширский Д.Ю., Баумтрог В.Э., Котова А.С. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ХИМИЧЕСКИХ ЛОВУШЕК УЧАСТКОВЫМИ-УПОЛНОМОЧЕННЫМИ И ОПЕРАТИВНЫМИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	113
Колычева А.Н. СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	117

Административное право; административный процесс

Калауов С.А. ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	123
Молотков М.Б. ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ «ПРОДВИЖЕНИЯ» ЗАКОНОТВОРЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ МВД РОССИИ	127
Ноговицина Е.Н. СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	132
Павлова Е.В. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	137

Информация для авторов	143
-------------------------------------	-----

Теория и история права и государства; история правовых учений

Алексеева Л.А., Майорова С.А.

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена правоприменению, как особой, сложной форме правореализации, поскольку, несмотря на относительную разработанность различных аспектов, связанных с правоприменением, ряд из них остаются дискуссионными, включая, как само определение понятия правоприменения, его признаки, так и его субъектный состав, и иные аспекты.

Создавая общеобязательные формально-определенные правила поведения, государство, безусловно, рассчитывает, что эти правила будут востребованы обществом, реализованы. Таким образом, именно реализация права позволяет абстрактным правилам поведения «обретать жизнь». А соотношение различных форм реализации права позволяет судить о степени демократизации государства и общества, поскольку именно реализация права выступает финальной стадией механизма правового регулирования.

Реализация права не раз оказывалась в фокусе государственно-правовых исследований, а различные аспекты правореализации находят свое отражение в отраслевых юридических дисциплинах.

По мнению В.Ф. Яковлева, по своему содержанию правореализационная деятельность представляет собой претворение в жизнь либо диспозиции (правоустановительная деятельность), либо санкций правовых норм. По форме деятельности реализация права может происходить властным или невластным порядком [1].

Традиционно теория права выделяет такие формы реализации как исполнение, соблюдение, использование и правоприменение. При этом первые три из обозначенных форм находятся в зависимости от характера предписания правовой нормы.

Так, использование права (иногда именуемое также как «осуществление права») имеет место при реализации управомочивающих норм, позволяющих субъектам правоотношений реализовать свои субъективные права. Так, например, ч. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации предоставляет гражданам Российской Федерации право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Использование права должно основываться на понимании субъектом содержания правовых дозволений и способов осуществления своих возможностей. Вместе с тем реализация данного права в полной мере зависит от волеизъявления гражданина. Безусловно, реальная возможность использовать предоставленные права находится в зависимости от выполнения государством своей обязанности создать для этого надлежащие условия, однако, этот аспект выходит за рамки вышеуказанной формы реализации права конкретным гражданином. Использование права чаще всего осуществляется в форме активных действий, но пассивная форма не исключается.

Исполнение права – это форма реализации обязывающих норм, позволяющая реализовывать свои права контрsubjектам правоотношений, в качестве которых могут выступать физические, юридические лица, государство. Исполнение права предполагает, что субъект совершает активные действия, обязательность которых вытекает из закона или договора. Так, например, часть 2 статьи 15 Конституции обязывает органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностных лиц, граждан

и их объединения соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. В случае неисполнения указанной обязанности вышеперечисленные субъекты права будут нести ответственность, предусмотренную различными отраслями права.

Соблюдение права связано с претворением в жизнь предписаний запрещающих норм. Соблюдение предполагает пассивное исполнение обязанностей субъектом правоотношения, несовершение действий, которые запрещены законом. Такие запрещающие нормы сосредоточены, например, в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, примером такой нормы может быть часть 5 статьи 13 Конституции, в которой запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Соблюдение права, по мнению М.Ф. Лукьяненко, можно отнести к «универсальным» формам реализации, поскольку оно пронизывает все стадии и стороны реализационного процесса, имеет всеохватывающий характер, касается каждого правоспособного субъекта, обеспечивает развитие правомерного поведения [2].

Неисполнение обязанностей и несоблюдение установленных в законодательстве запретов будут образовывать различные правонарушения, и влечь за собой применение юридической ответственности. К неиспользованию предоставленных законом прав, государство относится индифферентно, поскольку такого рода действия состава правонарушения не образуют.

Указанные формы правореализации предполагают самостоятельность действий субъектов правоотношений, отсутствие различных посредников для достижения целей, указанных в праве.

Что касается правоприменения, то данную форму реализации принято называть «особой» формой. Понятие правоприменения и его субъектный состав относятся к дискуссионным вопросам теории права.

В середине пятидесятих годов прошлого столетия на страницах юридической печати ряд авторов, в числе которых, С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, В.М. Горшенев, Д.А. Керимов, В.В. Лазарев, Н.В. Черноголовкин и другие, пришли к выводу о том, что правоприменение – это такая форма правореализации, которую могут осуществлять только специально уполномоченные государственные органы.

В тоже время другая группа ученых, в числе которых Ю.Х. Калмыков, П.Е. Недбайло, Г.И. Федькин, Л.И. Каск отстаивали точку зрения, в соответствии с которой субъектами применения права наряду с компетентными органами выступают другие субъекты права – граждане и негосударственные организации либо только граждане.

Как представляется с позиций развития современной науки, правоприменение выступает особой, опосредованной формой правореализации, поскольку, во-первых, аккумулирует в себе непосредственные формы реализации, а во-вторых, предполагает вмешательство специально уполномоченных органов или должностных лиц в процесс реализации права.

Вместе с тем, должностные лица, применяющие право, осуществляют свою деятельность не только в органах государства, но и на предприятиях, учреждениях, в организациях, акционерных обществах, органах местного самоуправления. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что правоприменение имеет властный характер, поскольку связано с реализацией властных полномочий, однако властный характер не обязательно является производным от государственной деятельности.

В некоторых случаях правом правоприменения обладают не только государственные органы и должностные лица, но и иные субъекты, которым (опять же на основе правовых норм) разрешено совершать подобного рода действия. Действительно, в современных условиях правоприменение могут осуществлять также частные нотари-

усы, адвокаты, кредитные организации и иные субъекты. В этой связи, рассуждая о субъектах правоприменения, целесообразно употреблять термин «специально уполномоченные органы» или «компетентные органы», а не «государственные органы».

Представляется возможным предложить определение понятия правоприменения, как властной деятельности специально уполномоченных компетентных органов и должностных лиц, направленной на разрешение конкретного юридического дела в результате которой принимается правоприменительный акт, содержащий предписания, обязательные для его адресатов.

В этой связи можно выделить характерные признаки правоприменения, отличающие его иных форм правореализации:

Во-первых, правоприменением занимаются специально уполномоченные, компетентные органы и должностные лица. Компетенция таких органов и должностных лиц либо прямо закрепляется в специальных нормативных актах, либо, на основе правовых норм делегируется государством. В юридической литературе высказывается справедливое мнение, что правоприменительная деятельность по «уровню использования правовых средств может быть отнесена к профессиональной деятельности» [3].

Во-вторых, в принятом решении, отраженным в правоприменительном акте, отсутствует какая-либо заинтересованность субъекта правоприменения. Решение выносится исключительно в соответствии с действующими нормативными правовыми актам и на их основе при объективном учете всех обстоятельств дела.

В-третьих, правоприменение имеет организующий характер, который проявляется в том, что субъекты правоприменения в своем правоприменительном акте дают обязательные к исполнению указания, направляя, организуя деятельность лиц, которым адресован правоприменительный акт.

В-четвертых, правоприменение является волевой деятельностью. При этом выраженная в правоприменительном акте воля имеет двойственный характер. С одной стороны, в нем отражается консолидированная воля общества и государства, а с другой стороны, – воля применяющего право субъекта, которая, безусловно, не является безграничной, а находится в рамках, установленных правом.

В-пятых, правоприменение не просто воплощает правовые предписания в жизнь – процесс правоприменения сам основан на правовых предписаниях. По справедливому замечанию А.Г. Самусевича, «осуществление правоприменения, как особой формы реализации права, обуславливается наличием процессуальной формы, которой собственно и является правоприменительная деятельность» [4]. Несмотря на детальную регламентацию правоприменения, оно имеет творческий характер. Исключение творческого подхода в применении норм права, его полная формализация, по справедливому замечанию Г.М. Лановой, ведет к «утрате смысла в нем как в особой форме реализации права» [5].

В-шестых, правоприменительная деятельность завершается вынесением правоприменительного акта, в котором содержатся предписания, обязательные для его адресатов. Неисполнение таких предписаний влечет за собой применение мер государственного принуждения.

В-седьмых, в форме правоприменения могут быть реализованы не все виды правовых норм.

Появление такой формы реализации права как правоприменение обусловлено тем, что в ряде случаев субъекты права не могут самостоятельно воспользоваться предоставленными им правами без вмешательства компетентного органа, который и будет выступать в качестве посредника. В этой связи представляется обоснованной точка зрения, высказанная К.Р. Хахалевым, что в качестве цели правоприменения можно рассматривать «создание необходимых юридических предпосылок для реализации права в ситуациях, когда обеспечение его действия без посредничества государства невозможно» [6]. Таким образом, правоприменение необходимо для обеспечения управления делами общества в важнейших публично-правовых и частных сферах обще-

ственной жизни посредством издания индивидуальных предписаний, содержащихся во властных управленческих правоприменительных актах.

Само правоприменение представляет собой процесс, имеющий различную протяженность во времени, но неизменно проходящий ряд обязательных стадий. Вопрос о количестве стадий правоприменения является дискуссионным, поскольку одна группа авторов, в числе которых, например С.С. Алексеев, В.М. Горшенев, В.В. Лазарев выделяет три основные стадии: установление фактических обстоятельств дела; выбор и анализ норм права; решение дела, выраженное в акте применения права. Н.Г. Александров, А.С. Пиголкин, Ю.Г. Ткаченко выделяют пять стадий: анализ фактических обстоятельств дела; выбор (отыскание) соответствующей нормы; удостоверение в правильности (подлинности) текста юридического источника, содержащего нужную норму и установление его силы; уяснение смысла и содержания нормы, ее толкование; принятие решения и издание акта, закрепляющего это решение.

Как представляется, невозможно определить юридическую основу дела, предполагающую выбор необходимой нормы права, без ее толкования. В этой связи разделение стадии определения юридической основы дела на выбор (отыскание) соответствующей нормы; удостоверение в правильности (подлинности) текста юридического источника, содержащего нужную норму и установление его силы; уяснение смысла и содержания нормы – вряд ли является целесообразным даже на уровне теории.

Фактическое время, затраченное на правоприменение, зависит от ряда объективных и субъективных факторов и может продолжаться от нескольких минут до нескольких лет, являя собой как краткосрочные простые действия, так и длительный процесс с рядом промежуточных решений. Таким образом, правоприменение в ряде случаев выступает в качестве сложносоставного процесса, где итоговое правоприменительное решение может быть предопределено рядом промежуточных правоприменительных решений, а субъектный состав правоприменителей – изменчивым и неоднородным. Особую значимость в подобного рода правоприменительном процессе приобретает фактическое соответствие каждого этапа предъявляемым требованиям.

В любом случае начинается правоприменительная деятельность с возникновения юридического факта или группы юридических фактов, именуемых фактическим составом. В любом случае правоприменителю необходимо удостовериться в реальности и объективности таких фактов. Далее при выборе юридической основы дела правоприменителю необходимо определить, каким образом действует выбранная им норма во времени, в пространстве и по кругу лиц, не утратила ли она силу, не противоречит ли она нормам, закрепленным в актах, имеющих большую юридическую силу, может ли она быть распространена на те общественные отношения, по которым необходимо вынести правоприменительное решение. Иными словами, необходимо оценить «применимость» нормы к данному делу [7]. Недостаточно высокий уровень правового сознания и правовой культуры правоприменителя нередко приводит к ошибкам. Именно в процессе правовой квалификации фактических обстоятельств дела чаще всего и возникают такого рода ошибки [8]. Завершается правоприменение, как было указано ранее, вынесением правоприменительного акта, исполнение предписаний которого может иметь как добровольный, так и принудительный характер.

Именно правоприменительный акт предопределяют существование правоприменения в качестве самостоятельной формы реализации права и самостоятельным средством регулирования общественных отношений.

Таким образом, в ряде случаев для утверждения режима законности не всегда бывает достаточно непосредственных форм реализации права, а требуется властная деятельность специально уполномоченных компетентных органов и должностных лиц. Эта деятельность основана на законе и существует во исполнение закона, поскольку позволяет в полном объеме реализовать цели, заложенные в праве. Несмотря на дискуссионность ряда аспектов, связанных с правоприменением, оно выступает неотъемлемым элементом механизма правового регулирования, обеспечивающим его эффек-

тивность, а, следовательно, требующим постоянного внимания как со стороны научного сообщества, так и практических работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев В.Ф. Реализация права и отраслевые методы правового регулирования // Проблемы применения советского права. Вып. 22. Свердловск, 1973. С. 5.
2. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 423.
3. Сапун В.А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Юридический журнал. 2006. № 12. С. 128.
4. Самусевич А.Г. К проблеме соотношения понятий «правоприменительная деятельность» и «правоприменение» (теоретико-правовой анализ) // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 28. С. 28.
5. Лановая Г.М. Юридико-техническая регламентация правоприменительной деятельности: пределы и условия эффективности // Администратор суда. 2009. № 4. С. 27-31.
6. Хахалев К.Р. Способы правоприменения в механизме реализации прав человека. М., 2015. С. 40.
7. Костенко М.А., Орлова Е.С. Правоприменительная деятельность: понятие, признаки и стадии осуществления // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4. С. 99.
8. Самусевич А.Г. Эффективность правоприменительной деятельности // Теория государства и права. 2019. № 3 (15). С. 105.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Лилия Алексеевна. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Майорова Светлана Анатольевна. Доцент кафедры административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук.

Нижегородская академия МВД России.

Служебный адрес: 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Ключевые слова: правоприменение; правоприменительная деятельность; стадии правоприменения; субъекты правоприменения.

УДК 340.1

Беляева О.В.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООЩИТНОЙ СИСТЕМЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются некоторые аспекты международной правозащитной системы, а также анализируется роль и место Российской Федерации в ней. Исследуется специфика влияния участия Российской Федерации в международных организациях на объем и возможности реализации прав и свобод человека и гражданина.

Внешняя политика – одно из основных направлений деятельности и функций любого государства. Основной формой ведения внешней политики считается участие государств в деятельности международных организаций. Именно деятельность на международной арене позволяет странам сосуществовать в едином мире, выстраивать экономические, торговые, политические и иные взаимоотношения. Это позволяет государствам развиваться, обмениваться накопленным опытом, необходимыми ресурсами. Успешная внешняя политика государств положительно влияет и на их население. В условиях набирающей обороты глобализации, люди имеют возможность заниматься наукой, туризмом, спортом, искусством, не ограничиваясь при этом рамками государственных границ.

Кроме того, успешная внешняя политика влияет и на внутренне благосостояние. Ведь как подчеркивал один из отцов-основателей США Б. Франклин: «Торговля не разорила еще ни одного народа». И действительно, экспорт излишней продукции и импорт недостающей позволяет государствам балансировать в условиях неравного распределения природных ресурсов, а также промышленных комплексов, сельскохозяйственных угодий.

Сегодня в дни, когда национальной безопасности нашего государства грозит огромное количество опасностей, вопросы внешней политики, а именно участия России в деятельности международных организаций привлекают к себе особое внимание. Военная напряженность в регионах, распространение пандемии коронавируса, терроризм во всех его проявлениях, транснациональная преступность, экологические и ресурсные проблемы – это лишь часть всех тех вопросов, которые важны для каждого члена общества, и которые должны решаться в процессе сотрудничества стран мира в рамках международных организаций.

Прежде всего, внешнеполитическая ценность международных организаций состоит в постоянном характере их деятельности. В отличие от международных комиссий и конференций, международные организации действуют с момента основания, а потому создаются предпосылки для формирования определенного пространства по гарантии соблюдения установленных договоренностей. Кроме того, постоянный характер действия позволяет устанавливать и гарантировать долгосрочное сотрудничество в самых разных областях: от экономики и здравоохранения до политики и мира. Согласно данным, размещенным в интернет-источниках, на сегодняшний день в мире насчитывается более 4000 международных организаций с различными направлениями деятельности, что лишь подчеркивает важность и актуальность их функционирования.

Вместе с тем, большой научный интерес вызывает именно разделение международных организаций по признаку локализации. Существуют универсальные международные организации, включающие в свой состав страны со всех континентов. Также их характеризует наличие более глобальных целей, например, обеспечение мира и международной безопасности. Ярким «представителем» универсальной международной организации является Организация Объединенных Наций, созданная в 1945 г. и включающая в себя на сегодняшний день большую часть признанных государств мира.

Локальные или региональные международные организации – включают в себя государства, находящиеся в определенном регионе. Их близость расположения и совместные внешнеполитические интересы служат основой для объединения. Естественно, что региональные организации несут более узкий по охвату спектр целей и задач. Например, Содружество Независимых Государств было создано в целях обеспечения регионального сотрудничества между странами бывшего СССР. Также, исходя из исторических примеров, можно говорить о том, что региональные организации со временем могут разрастаться, расширяя региональный охват и соответственно сферу влияния. Деятельность международных организаций имеет огромное значение для внешней политики Российской Федерации, что обуславливается рядом понятных причин:

- участие в международных организациях позволяет обеспечивать сотрудничество в различных отраслях жизнедеятельности государства;

- деятельность международных организаций – сдерживающий фактор военной напряженности, позволяющий идти на мирное урегулирование споров, что очень важно в условиях существования оружия массового поражения;

- международные организации могут служить ареной для выражения политических позиций и притязаний Российской Федерации, что особо актуально в связи с событиями, произошедшими в мире после вхождения Крыма в состав Российской Федерации;

- деятельность международных организаций – фактор обеспечения вопросов национальной безопасности. Исторический опыт показывает, что обеспечение безопасности от военной и иного рода агрессии очень важно. Наиболее остро на сегодняшний день стоят вопросы международного терроризма и транснациональной преступности. Они успешно решаются благодаря сотрудничеству в рамках международных организаций;

- деятельность международных организаций является гарантией исполнения обязательств отдельных стран, поскольку их неисполнение может повлечь санкции со стороны стран-участниц того или иного объединения. Особенно актуальным этот вопрос становится в условиях строительства газового трубопровода «Северный поток-2», а также выплаты по долгам за энергоресурсы со стороны отдельных стран в отношении России;

- деятельность международных организаций – это возможность обеспечения лучших условий жизни для граждан, а также межгосударственный обмен опытом, координацию усилий мирового сообщества при необходимости. Так, безвизовый режим пребывания в России для граждан некоторых иностранных государств значительно упрощает вопросы путешествия по миру [1]. Весной 2020 г. по миру начала распространяться пандемия коронавируса. По мнению многих политологов, именно совместная деятельность государств и сотрудничество позволит выйти из сложившегося кризиса всему мировому сообществу.

Таким образом, представляется, что участие в международных организациях является неотъемлемой частью внешней политики Российской Федерации, что обуславливается рядом причин, исходя из сложившейся обстановки. Так, например, Статус постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных наций (ООН) позволяет Российской Федерации также решать вопросы и экономического, культурного, экологического характера, а также выражать политическую волю государства, демонстрируя национальные интересы. Зачастую это позволяет определиться с кругом стратегических партнеров. Например, отечественные издания отмечают, что Россия достаточно часто поддерживает резолюции Китая в ООН, показывая схожесть направлений интереса и выражая надежду на сотрудничество.

Как уже говорилось ранее, универсальные организации включают в себя государства со всех частей земного шара и ставят перед собой задачи, охватывающие большую часть мирового сообщества. Именно поэтому участие в таких организациях для России необходимо. Посредством универсальных организаций Российская Федерация может реализовывать отдельные пункты стратегии внешней политики, создавая благоприятную обстановку на политической арене.

Кроме того, существует немало международных организаций, регулирующих международное сотрудничество в различных «гражданских сферах»: культуре, здравоохранении, экономике.

Так, Всемирный банк – является одной из наиболее влиятельных организаций в экономической сфере. Следует заметить, что указанное название организации, скорее, собирательное, поскольку фактически в мире функционирует две организации со схожими задачами:

- Международный банк реконструкции и развития;
- Международная ассоциация развития.

Как отмечает И.А. Мингес, Всемирный банк не ставит перед собой цель получение прибыли [2]. Данная организация имеет более широкие взгляды на задачи осуществления деятельности, связанные с вопросами развития. Основная цель Всемирного банка – создание условий для вступления всего мирового сообщества в третье тысячелетие в состоянии финансового благополучия. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- преодоление голода и нищеты;
- сокращение смертности, прежде всего, детей;
- обеспечение гендерного равенства;
- охрана материнства;
- борьба с распространением неизлечимых болезней;
- обеспечение устойчивого развития окружающей среды;
- формирование партнерских отношений, прежде всего, в экономической среде [3].

Основным механизмом реализации задач, поставленных перед Всемирным банком, является предоставление кредитов государствам по низким процентным ставкам, что может обеспечить возможности их ускоренного развития. Также организация предоставляет аналитические и консультационные услуги, разрабатывая программы для стран-заемщиков по улучшению экономического и социального положения.

Россия стала членом Всемирного банка в 1992 г., а в 1995 г. президент Банка Джеймс Д. Вулфенсон впервые посетил нашу страну. За время сотрудничества Российская Федерация посредством Банка реализовала более 70 проектов в различных областях на общую сумму займа 10,5 миллиардов долларов. Кроме того, Россия активно пользуется консультативными услугами Всемирного банка. Расположенные в Москве Центр обучения вопросам глобального развития и Центр общественной информации Банка помогают делиться опытом и знаниями с российскими партнерами.

Интерпол или Международная организация уголовной полиции - международная организация, основной задачей которой является объединение усилий национальных правоохранительных органов стран-участниц в области борьбы с общеуголовной преступностью. Штаб-квартира Интерпола расположена в Лионе, Франция. Данная организация по своей сути является уникальной, поскольку обеспечивает международные вопросы правоохранительной деятельности. Особо актуальной является работа Интерпола в сфере распространения транснациональной преступности: работорговли, наркоторговли, торговли оружием, а также распространения международного терроризма [4].

Региональными органами Интерпола являются Национальные бюро, включенные в состав МВД стран-участниц. Исключением не является и Российская Федерация. Членство в Интерполе дает возможность доступа ко всем базам данных Генерального секретариата Интерпола, оперативную круглосуточную связь с правоохранительными органами стран-членов Организации, возможность вывести на международный полицейский уровень огромный массив информации по разыскиваемым физическим и юридическим лицам, автомашинам, культурным ценностям, похищенным и утраченным документам. Участие в Интерполе позволяет обеспечивать Российской Федерации в полной мере правоохранительные функции, поэтому данное направление можно считать одним из приоритетных.

Международная организация по стандартизации – универсальная международная организация, занимающаяся выпуском стандартов. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации является полноправным членом данной организации. Стандартизация – одна из основных частей современной мировой торговли. Только продукция, соответствующая международным стандартам может пользоваться спросом в рамках торговли между государствами. Поэтому каждая страна-участница должна быть заинтересована в создании стандартов, соответствующих современным требованиям, но при этом подходящих под производительные способности самих государств.

Данный международный орган состоит из нескольких комитетов, которые отвечают за разные направления:

- соответствие выпускаемой в мире продукции стандартам – производится анализ соответствия, на основе которого делается вывод об эффективности деятельности;
- потребительская политика – привлечение к созданию стандартов именно потребителей продукции или услуг, обобщение положительного опыта в этой сфере;
- содействие развивающимся странам – у части развивающихся стран нет внутригосударственных возможностей выпуска продукции, соответствующей международным стандартам; организация оказывает содействие таким государствам, предоставляя специалистов, помогая в создании внутренних стандартов, создает условия для обмена положительным опытом между государствами в вопросах стандартизации.

Также следует рассмотреть еще один орган, который не всегда признаётся в качестве международной организации, однако имеет огромное влияние и важен для внешнеполитической деятельности Российской Федерации – БРИКС.

БРИКС – международная группа из пяти стран, которые собраны по признаку «развивающейся экономики»: Россия, Бразилия, ЮАР, Индия и КНР. Изначально указанная группа не создавалась как организация, имела характер министерских встреч и не предполагала совместной политической деятельности. Однако, с 2006 г. постепенно страны БРИКС стали объединять свои усилия в некоторых экономических вопросах. При этом, следует отметить, что страны БРИКС имеют огромный экономический потенциал и совместными усилиями могут стать ведущими экономиками мира [5]. Это обуславливает важность организации для Российской Федерации.

Кроме того, очень важным шагом в деятельности стран БРИКС стало создание в 2015 г. Нового банка развития, который должен подменить собой Международный валютный фонд. Впервые на основе денежных вливаний данных стран была создана международная банковская организация, которая продолжает распространять свое влияние на мировую экономику. При этом, целью функционирования Нового банка развития в рамках БРИКС является перевод межгосударственных платежей на уровень национальных валют, что позволит укрепить эти самые валюты и ослабить позиции доллара и евро на мировом рынке.

Отдельно следует обратить внимание на региональные международные организации, которые включают в себя участников из определенного района земного шара и, как правило, такие организации ограничивают задачи деятельности конкретно тем регионом, в котором существуют. Российская Федерация является членом большого числа региональных организаций, что способствует активному развитию международных отношений со странами-соседями. В этом плане, выигрышным считается географическое положение России. Так, располагаясь и на Европейском и на Азиатском континентах, Российская Федерация имеет возможность сотрудничать с государствами из обоих регионов, что увеличивает потенциал внешнеполитической деятельности в данном направлении. Рассмотрим некоторые из них.

Содружество Независимых Государств (далее – СНГ) – международная организация, координирующая вопросы сотрудничества между странами бывшего СССР. При этом не все государства, ранее входившие в состав Советского Союза, сегодня являются членами СНГ. Молдова и страны Прибалтики не входили в состав организации, Грузия вышла из состава в 2009 г. В СНГ входит 9 постоянных членов, Туркменистан является ассоциированным членом, не ратифицировавшим Устав СНГ – основной образующий документ организации. Согласно современным источникам Украина имеет спорный статус в составе СНГ, поскольку 1 апреля 2019 г. прекратил действовать договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной.

Организация является разноплановой по своему значению и задачам, поскольку включает широкий спектр возможностей в различных областях. К задачам по Уставу СНГ относятся:

- формирование единого пространства в большинстве сфер: экономической, культурной, политической, экономической;
- сотрудничество в правовой сфере;
- развитие единого торгового пространства;
- сотрудничество в вопросах международной безопасности и защиты;
- мирное разрешение споров [6].

Из приведенного перечня видно, что задачи функционирования СНГ распространяются на все сферы жизнедеятельности. Основной же задачей, по нашему мнению, является формирования единого комплексного пространства для стран бывшего СССР. Существование данной организации является очень важным, поскольку обеспечивает возможность тесной взаимосвязи между государствами. Единое экономическое пространство позволяет обеспечивать обмен торговой продукцией, которая обладает, прежде всего, меньшей себестоимостью, в отличие от европейской. Это особенно важно в период наложенных на Российскую Федерацию санкций.

Как видно, сотрудничество в рамках СНГ распространяется на все сферы жизнедеятельности государства. Особенно важно отметить совместную координацию Вооруженных Сил и укрепление международного сотрудничества в военной сфере для укрепления позиций в регионе.

Союзное государство – региональная международная организация, включающая Россию и Белоруссию, имеющая особый статус и природу. Союзное государство по своей сути имеет надгосударственный конфедеративный статус. Основная цель существования Союзного государства на сегодняшний день – унификация политических и экономических аспектов в двух государствах [7].

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) – международная региональная экономическая организация. Учреждена и функционирует с 2015 года в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе. В состав организации входят: России, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Армения. Вместе с тем, более 15 стран мира выразили интерес к деятельности ЕАЭС и рассматриваются в качестве возможных кандидатов на вступление. Среди них, например, Китай, Индия, Израиль, Монголия, Куба.

Основные задачи функционирования ЕАЭС закреплены в ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе и выражаются в правиле четырех свобод: товаров, услуг, рабочей силы, капитала. Данные составляющие являются важной стороной экономики государства, их свободное движение в рамках ЕАЭС позволит укрепить экономическое и торговое положение стран-участниц. Так, с 1 января 2018 г. вступил в действие Таможенный кодекс ЕАЭС, предусматривающий вопросы таможенного сообщения между странами-участницами.

ЕАЭС по сути является экономической копией Евросоюза. Российская Федерация заинтересована в экономической интеграции с соседями для укрепления экономического положения, создания возможности производства конкурентоспособной продукции. В целом, можно заметить успехи развития организации, выраженные в заинтересованности со стороны других стран, создании совместных нормативных актов регулирования, постепенной экономической и трудовой интеграции.

Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ),— региональная международная организация, провозглашаемыми целями деятельности которой являются «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам» [8].

По сути, ОДКБ является единственной военной международной организацией, куда входит Российская Федерация. Организация включает также Армению, Казахстан, Белоруссию, Таджикистан, Киргизию.

Следует отметить, что наращивание военного присутствия НАТО в Восточной Европе является отрицательным фактором для национальной безопасности Российской

Федерации. России необходимо военное сотрудничество с соседними государствами для укрепления совместных Вооруженных Сил и формирования готовности в случае военной агрессии.

В целом Российская Федерация старается поддерживать сотрудничество со странами СНГ во всех сферах, заключая различные соглашения и образовывая организации по направлениям деятельности. Это способствует эффективному процессу интеграции и обеспечения безопасности на союзных территориях, наращиванию экономических возможностей стран-партнёров.

В азиатском регионе Россия также осуществляет сотрудничество со стратегическими партнерами. Основной организацией для РФ в этом регионе является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

ШОС отличается смешанным характером сотрудничества, то есть организация не имеет конкретной направленности. Она создана в целях [9]:

- борьбы с транснациональной преступностью;
- противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму;
- развития экономического сотрудничества;
- развитие научного и культурного взаимодействия.

В качестве одной из задач учредительные документы выделяют: «Содействие в решении проблем, которые могут возникнуть в XXI веке», что можно трактовать очень широко.

Особенностью структуры ШОС является наличие Региональной антитеррористической структуры. Данная организация является одной из немногих международных, обеспечивающих реальное противодействие международному терроризму и иным экстремистским проявлениям. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) имеет статус юридического лица и право заключать договоры, приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им, открывать и вести банковские счета, возбуждать иски в судах и участвовать в судебных разбирательствах. Эти права от имени РАТС осуществляются директором Исполнительного комитета РАТС. Главные функции этого органа заключаются в координации усилий всех государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — разработка предложений по борьбе с терроризмом, сбор и анализ информации, формирование банка данных о лицах и организациях, оказывающих поддержку преступникам, содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с названными явлениями.

Стратегическое партнерство со странами азиатского региона – важное направление внешней политики Российской Федерации. Это обуславливается, прежде всего, активным развитием стран данного региона в начале века. Так, Индия и Китай имеют один из самых высоких показателей ВВП в мире, научные достижения Китая также известны на весь мир. Сотрудничество со странами ШОС в указанных сферах – выгодно для России с точки зрения макроэкономических и интеграционных процессов.

На европейском пространстве также имеется ряд организаций, членом которых является Россия.

Совет Европы — международная организация, содействующая сотрудничеству между её членами, государствами и странами Европы, в области стандартов права, прав человека, демократического развития, законности и культурного взаимодействия.

Будучи основанным в 1949 г., Совет Европы является старейшей в Европе международной организацией. В его состав входят 47 государств. Совет Европы является полностью самостоятельной организацией, не входящей в систему Европейского союза. Одним из самых значительных достижений Совета Европы считается разработка и принятие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Совет Европы – авторитетная международная организация, обладающая широким спектром задач в области обеспечения прав человека. Это наиболее влиятельный

орган международного сотрудничества, выступающий в качестве защитника прав человека и гражданина.

Естественно, что членство в Совете Европы – основной показатель правового государства и курса на обеспечение прав человека в Российской Федерации. Вместе с тем, со статусом Российской Федерации в Совете Европы возникали определенные проблемы. В настоящее время, Российская Федерация является полноценным членом Совета Европы с правом голоса, как и у остальных участников.

Из вышеизложенного следует, что сегодня международные органы играют важное значение во внешнеполитической деятельности государств на мировой арене. Они способствуют более эффективному сотрудничеству и принятию совместных решений, которые должны оказывать позитивное влияние как на составляющие благосостояния отдельных государств, так и на все межгосударственное сотрудничество.

Российская Федерация является участником большого количества региональных международных организаций, что обусловлено её положением в Азии и Европе одновременно. Российская Федерация старается выстраивать тесные внешнеполитические взаимоотношения со странами бывшего СССР, организовывая возможности для экономического, политического, культурного и военного сотрудничества. При всем этом, Россия является участником европейских и азиатских международных организаций. Членство в Совете Европы служит гарантом соблюдения в нашем государстве прав и свобод человека и гражданина, построении правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международное право: учебное пособие / сост.: И.К. Харитонов, Ю.П. Михальчук. Краснодар: КРУ МВД России, 2018.
2. Мингес И. А. Международное публичное право: учебное пособие / И.А. Мингес, Д.В. Бойко. Волгоград : ВА МВД России, 2016.
3. Литвинова Ю.И. Международное право: учебное пособие. Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2018.
4. Пузырева Ю.В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие / Ю.В. Пузырева, Д.Д. Шалягин. 2-е изд., доп. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
5. Международное право: учебное пособие / под ред. М.А. Бучаковой. Омск: Омская академия МВД России, 2018.
6. О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (вместе с Соглашением от 08.12.1991 «О создании Содружества Независимых Государств», Протоколом от 21.12.1991, «Соглашением о координационных институтах Содружества Независимых Государств», «Протоколом совещания глав независимых государств», решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 21.12.1991, «Соглашением о совместных мерах в отношении ядерного оружия», «Алма-Атинской декларацией») [Электронный ресурс]: Постановление Верховного Суда Рос. Федерации от 12 декабря 1991 г. № 2014-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Устав Организации Договора о коллективной безопасности (Кишинев, 7 октября 2002 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ольга Васильевна. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: Российская Федерация; внешняя политика; международная организация; международное сотрудничество.

УДК 342

Эсмантович Е.И.

РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД ЕЕ НАХОЖДЕНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Дальнейшее развитие теории и истории права и государства предполагают поиск путей совершенствования правового обеспечения территориального управления, его укрепления, децентрализации и демократизации, остается одним из ключевых направлений исследований юридической науки. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития магдебургского права, а также местного самоуправления на территории Беларуси времени Великого княжества литовского.

История белорусской государственности – это непрерывный процесс совершенствования высшего, центрального и местного аппарата власти в целях более эффективного управления территориями Беларуси, преодоления периодически возникающих кризисов, смена реформ и контрреформ.

Проблему развития местного самоуправления исследуют многие авторы. Взгляды В.О. Ключевского, В.В. Еремяна, М.В. Федорова, Г.В. Вернадского подробно изложены в их собраниях сочинений. Вопросы развития магдебургского права рассматриваются В.А. Келером в журнале «Спадчына», в многочисленных трудах по теории и истории права Т.И. Довнар, в монографии Н.В. Мисаревич «Магдэбургскае права на Беларусі». Вопросы развития местного самоуправления остаются значимыми и острыми на современном этапе реформирования права, в частности теории государства и права и истории государства и права, а также жизни общества и государства.

С принятием Конституции 1994 года в Республике Беларусь было положено начало формированию новой модели управления на местах – на основе принципа разделения властей, организационного и функционального обособления представительных и исполнительных органов. В этой связи появилась необходимость формирования и научного анализа концепции местного самоуправления, определения соответствия ее принципам территориального самоуправления, выработанным передовой научной мыслью и закрепленным в практике многих государств, международных документах – Всемирной Декларации и Европейской Хартии местного самоуправления.

Местное (территориальное) самоуправление – продукт многовекового процесса развития социального регулирования у народов в большинстве стран мира. Первые его организационные формы берут своё начало в муниципалитетах республиканской эпохи Древнего Рима. Уже в раннем средневековье в Европе существовали самоуправляющиеся общины и города.

В Беларуси за всю её историю также накоплен богатейший опыт местного самоуправления. Постоянное передвижение князей из города в город и сопровождавшие его

междоусобицы и споры вели к тому, что многие князья теряли свой авторитет в глазах населения той или иной земли. Князь не прикреплялся к месту владения, к тому или другому столу ни династическими, ни даже личными связями. Он приходил и иногда довольно скоро уходил, являясь как бы «политической случайностью» для той или иной земли. Население, естественно, стремилось заручиться сильной, авторитетной и, более того, постоянной властью, которая бы не приходила и не уходила, подобно князю, а была своей и лучше всего созданной ходом самой истории. Такой властью были волостные города [1, с. 116].

По мере упадка авторитета князей возрастает значение главных земских городов. Однако вместо трансформировавшейся правительственной знати основной социально-политической силой в этих городах становится само население, собиравшееся на вече. Городское собрание (вече) было всеобщим и повсеместно распространенным институтом в Древнерусском государстве как в больших и малых городах, так и в сельской местности. У каждого древнерусского города было свое собственное вече. Вместе с тем, подобное собрание в столице земли (княжества) представляло собой вече в специальном смысле этого термина, то есть вполне развитый социально-политический институт [2, с. 184].

Слово «вече» соответствует французскому «parlement» (буквально - место, где народ говорит о государственных делах). Как орган государственной власти вече представляло собой собрание полноправных граждан старшего города земли. Термин «вече» в исторических литературных памятниках упоминается в разных значениях: иногда он имеет значение всякого сблища или толпы, иногда тайного совещания-заговора (в 1169 г. в Новгороде «начаша вече десяти в тайне, по дворам на князя своего на Святослава на Ростиславича») [3, с. 462]. Вместе с тем, в его историко-юридическом смысле термин «вече» следует понимать как народное собрание для решения государственных дел.

В происхождении и истории развития народных собраний выделяют три эпохи. Первая – доисторическая: вече имеет такое же доисторическое происхождение, как и княжеская власть и власть боярской думы. Вторая эпоха в развитии народных собраний относится к временам IX-X вв., когда вече находится в процессе перехода от племенного собрания к городскому. Третья эпоха вечевых собраний (XI-XIII вв.) есть эпоха выделения этой формы власти в самостоятельную (как собрание простых граждан) и полного развития ее прав, совпадает со временем окончательного установления власти старших городов.

Как уже было отмечено выше, вече состоит из всех граждан города. Главную массу участников вече составляют простые граждане, «люди». Когда в 1068 г. киевский князь и его дружина (бояре) противились продолжению войны с половцами, то «людье киевский ни прибегоша Киеву, и сотвориша вече на торговищи, и реша, пославшеся к князю»... [4, с. 171]. В 1147 г. «всем сошедшим от мала до велика к святей Софье на двор» (по призыву князя, для обсуждения вопроса о войне с черниговскими князьями). В городском вече участвовали и меньшие люди, черные, смерды. В вечевом собрании имели право участвовать лишь полноправные граждане, т.е. мужи свободные, совершеннолетние и не подчиненные семейной власти: в 1147 г. киевское вече отказывается вести войну против Юрия Долгорукого: «не можем на Владимирове племя руки поднять, а на Ольговичей пойдем и с детьми» [3, с. 369]. Таким образом, вече, состоящее из простых граждан и выделившееся из совета старейшин, есть демократическая форма власти, т. е. главная роль при решении дел принадлежала именно простому народу. Вместе с тем, при нормальном порядке с вече сливается и боярская дума, бояре присутствуют на вече наравне с прочими гражданами: в 1177 г. во Владимире Клязменском, при борьбе с князем, «всташа бояре и купцы... по мале же дний всташа опять людье вси и бояре» [4, с. 194]. В вече участвуют также и лица духовные: на киевском вече в 1147 г. председательствует митрополит. В обычной обстановке (если вече собиралось не для

борьбы с князем) на нем мог присутствовать и князь: на том же киевском вече 1147 г. присутствует князь Владимир Мстиславич, управлявший здесь за отсутствием брата.

Таким образом, вече, несмотря на свой главный (простонародный) состав, не было органом власти одного низшего класса, а сочетало в себе и оба других элемента власти, было общеземской властью. Эта форма государственной власти создавалась не для борьбы с двумя остальными (понятие борьбы чуждо русскому государственному праву), а для единения, решения земских дел общей волей князя, бояр и народа.

Обычно собирал вече князь: в 1146 г. киевское вече созывает князь Игорь, в 1147 г. — Изяслав, а в другой раз по его же распоряжению — его брат князь Владимир, митрополит Климент и тысяцкий Лазарь. В Новгороде в 1148 г. тот же князь велел созвать вече. В 1097 г. Святополк «созвал бояр и кыян» для решения дела по обвинению Давидом князя Василька. При несогласии вече с князем и боярской думой оно созывалось кем-либо из граждан или сходилось само собой: в 1067 г. киевляне, разбитые половцами, прибежали в Киев, сами сошлись на вече «на торговищи». Иногда народ, сам составив вече, приглашал на него князя (вече в Полоцке в 1158 г.). Но такие собрания проводились лишь в том случае, если готовился или совершался переворот.

Практиковались два способа созыва вече: через биричей (глашатаев) и через колокол. Второй способ - наиболее демократический - утвердился в Новгороде.

По мере все большего упорядочения вечевых собраний определялось и их место. Так, в Киеве вече, начавшее открытое восстание против князя в 1067 г., сошлось на торговище. Но вече, действующее в единении с князем и созванное им, собирается на Ярославовом дворе (1146 г.) или на дворе Св. Софьи (1147 г.). Точно так же в Новгороде законными местами собраний были: Ярославль двор и у Св. Софии. Когда князь призывал народ для совещаний, то место таких собраний располагалось недалеко от княжеского дворца. Столь же законным местом могла быть и центральная святыня земли (к примеру, у собора), куда народ и без того собирался периодически в большие праздники.

При принятии решений на вече требовалось единогласие («единым устами» или «единодушно»). В действительности под единогласием скрывалось подавляющее большинство. При равном распределении голосов собрания повторялись до достижения соглашения. К примеру, в Новгороде в 1218 г. вече по одному и тому же вопросу продолжались целую неделю, пока не «сошлись братья все единодушно» [5, с. 134].

Вече являлось необходимой составляющей общеземской власти, поскольку участие народа в государственных делах было самым непосредственным и живым: «нрав есть первые чади всея пред враты граду творити веще и суды». Необходимость вечевой формы видна из ее всеобщности. По приведенному выше принципиальному выражению летописи, сначала новгородцы, смольняне, полочане, киевляне и «вся власти» собираются на вече, как на думу. Согласно этому, летописи сообщают факты вечевых собраний во всех древнерусских землях: кроме приведенных выше и других многочисленных случаев народных собраний в Киеве, Новгороде, Пскове, Полоцке, в земле Ростовской, в летописях упоминается вече в земле Волынской (1097), Галицкой (1231), Рязанской (1207) и Черниговской. Вместе с тем, в разных русских землях вече достигло неодинакового политического значения.

Права вече не ограничивались каким-либо одним родом дел (например, законодательством): они, подобно правам князя и думы, распространялись на всю сферу высших государственных дел управления и суда. В сфере управления вече не принимало постоянного участия в ведении текущих дел, но участвовало в назначении и смене чиновников. Так, в 1146 г. вече требует от князя смены тиунов киевского и выше городского (которые и сменяются), на их место назначаются тиуны по воле веча («а се вам и тиун по вашей воли»). Ростовцы (бояре и народ), говоря в 1176 г. о своей власти над пригородом Владимиром, угрожают или сжечь непокорный пригород, или посадить в нем своего посадника. Особенно активное участие вече принимает в военном финансовом управлении: самим народом на вече устанавливаются средства для ведения войны

(чрезвычайные налоги). В 1018 г. в Новгороде, во время борьбы Ярослава со Святополком Окаянным, вече решает: «хочем ся и еще бити с Болеславом (польским, союзником Святополка) и с Святополком. Начаша скот (деньги) събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен; и приведоша варяги, вдаша им скот» [4, с. 209].

Органы управления X-XI веков подразделялись следующим образом:

а) **центральные органы управления.** В древнерусской земле центральные органы не вполне выделялись, поскольку общеземское управление непосредственно осуществлял сам князь, боярская дума и вече. Но уже с X в. в центральном управлении можно различить две системы органов: собственно княжескую (дворовую) и земскую. Князь в управлении (как и в суде) мог заменять себя тиунами, управляющими от его лица.

Система земского управления (более древняя, чем княжеская) была построена по численному (математическому) делению общества: государство как целое составляло тысячу, а старшие города и провинции делились на сотни и десятки;

б) **местное управление.** Органы местного управления управляли пригородами и волостями. Составные части земли не всегда были однородны: пригороды входили в состав земли иногда целыми группами; иногда целые завоеванные земли становились провинциями другой земли; иногда же отдельные волости входили в состав земли как самостоятельные провинции. Сложные провинции могли именоваться прежними племенными названиями. Подразделение провинций, кроме обычного наименования «волость» могли называться еще погостами и вервями.

Общинно-вечевой строй Беларуси представлял собой развитие древнейших начал жизни славянских племен, которое шло в одном направлении с Европейскими народами. Сложившаяся в Беларуси ранняя форма самоуправления была близка к европейской. Вече главного города в качестве верховного органа распространяло власть на значительной территории, диктуя свою волю многочисленным пригородам и селам [6, с. 11].

Самоуправление было исходным моментом развития социально-политической жизни городов во всех без исключения странах феодальной Европы - у одних раньше, у других – позже. Как отмечал З.Ю. Копыцкий, городское самоуправление в восточно-европейских городах сложилось еще задолго до появления магдебургского права. «Когда магдебургские патриции только собирались выкраивать из феодального права – “Саксонское зеркало” — юридические одежды своему городу, на берегах Западной Двины и Днепра – в Полоцке и Киеве – давно уже шумело древнерусское вече, правили городами “мужи”, старшины, тысяцкие, сотники, десятники, а в их судебных решениях звучал голос “Русской правды” [7, с. 73]. Можно согласиться с этой мыслью, уточнив ее следующим образом: когда магдебургское право пришло на белорусские земли, там уже были элементы своего местного самоуправления, магдебургское право стало новым толчком для дальнейшего развития и конкретизации этого правового института в отношении белорусских городов.

С возрастанием роли городов в экономической жизни государства горожане все более настойчиво выступали с требованием политических гарантий. Условия феодальной эпохи диктовали предоставление такого рода гарантий в форме сословных привилегий, которые составляли базу социально-политического быта правящего класса. Как подчеркивал Ф.В. Тароновский, “приютившийся в городах торгово-промышленный труд требовал... свободы от произвола феодальных владельцев внутренней самостоятельной организации, самосуда и самоуправления” [8, с. 2].

Развитие торговли вызывало потребность свободно торговать, появились условия для возникновения свободной городской общины. Первая цель, которой стремились достичь горожане во всех государствах феодальной эпохи, было право организации городской жизни на основании самоуправления. В конце XIII века появился город в юридическом смысле как община свободных людей с правом частной юрисдикции и

самоуправления, ярмарочным правом и правом свободной торговли и других цеховых ремесел [8, с. 4].

Распространение городского права представляло из себя долгий путь заимствования: один город получал право от другого, затем передавал третьему и т.д. Постепенно выявились два окружения распространения городского права – Любек и Магдебург. Последний был наиболее известным, и городское самоуправление вошло в историю под названием “магдебургское право”.

Немецкое право начало проникать и на соседние земли, в частности, к полякам. Его приносили немецкие колонисты, которые заселили опустевшие польские территории. С XIV века магдебургское право начало вводиться в городах Великого княжества Литовского.

Таким образом, можно констатировать, что магдебургское право было заимствовано у Польши, куда оно пришло из Германии. Вместе с тем, для принятия магдебургского права на белорусских землях должны были созреть «свои» условия. Кроме того, если в ВКЛ городское самоуправление вводилось советом, то на Западе оно чаще всего завоевывалось горожанами, когда города достигали необходимой ступени экономического развития.

Для того, чтобы то или иное явление получило свое распространение, прижилось и активно использовалось, необходимы определенные предпосылки. И.А. Юхо выделяет правовые и политические предпосылки, Н.В. Мисаревич – экономические и социальные предпосылки распространения магдебургского права на Беларуси.

Правовые предпосылки. «Привилеи» на магдебургское право закрепили три принципа: отмена норм обычного права, литовского, русского; отмена власти и суда над служебными лицами великокняжеской администрации на местах; установление самоуправления.

Содержание привилегии – это, прежде всего, доказательство автономности горожан и элементов городского самоуправления. Но как проходил суд, как выбирался орган самоуправления, в привилегии мало известно. Возможно допустить два варианта. Либо города пользовались обычным правом, которое, возможно, на данном этапе исторического развития уже мало учитывало специфику местных потребностей и деятельность горожан, новое положение самого города как центра ремесла и торговли. Либо магдебургские нормы и порядок выборов органов управления дополнялись и корректировались в соответствии с местными традициями.

Отличия, которые встречаются в привилегиях, могли быть продиктованы местными особенностями, в том числе, степенью развития того или иного города. А.Б. Антанович считает, что с магдебургского права было взято только внешнее упорядочение городов, а мещане продолжали жить по местным обычаям [10, с. 57]. М.Ф. Владимирский-Буданов, наоборот, отмечал, что местные обычаи были полностью вытеснены «чужеземными» источниками права [11, с. 5]. По мнению В.Ф. Тарановского, и первое и второе утверждения – крайности, ближе всего к истине А. Кистяковский, согласно утверждениям которого местные обычаи действовали рядом с нормами магдебургского права [8].

Политические предпосылки. Правовую верхушку города составляли горожане-землевладельцы. Документы середины XV века называют, например, в Полоцке разные сословные группы горожан: мещане, бояре, дворяне. Последнюю категорию составляли простые люди, среди которых было немало крепостных. Недовольство простых людей росло в связи с тем, что договоры с другими государствами заключались от имени «бояр, мещан, дворян», а реального участия простых людей в жизни города не было. Возможность избавиться от самовольной власти и бесконтрольного суда великокняжеской администрации или владельца города, а также возможность создать свою систему самоуправления притягивало внимание горожан к магдебургскому праву.

Ознакомление с актами городских магистратов позволяет сделать вывод, что действительное немецкое право в городах ВКЛ населению было неизвестно и практи-

чески не применялось [12, с. 64]. Магдебургское право в белорусских городах не было нерушимым и бесспорным. Местные условия диктовали ряд отступлений, а политическая обстановка в городе, борьба против самоуправления членов магистрата давали немало оснований гражданам находить средства на усиление контроля за их деятельностью. Таким образом, введение магдебургского права на территории Беларуси не было простым копированием зарубежной модели права, а право на самоуправление – это древняя традиция наших предков.

Вместе с тем, магдебургское право помогло четко выделить самоуправление в качестве отдельного института правовой системы ВКЛ, сформировать систему представительных, исполнительных и судебных органов местного самоуправления, разделить их компетенцию и создать надлежащую финансовую базу их деятельности, установить четкую правовую связь между великокняжеской властью и местным самоуправлением, точно обозначить их взаимные права и обязанности.

Процесс создания в том или ином городе органов самоуправления шел на основании специального документа - привилеи на магдебургское право, которая содержала определенный комплекс прав и обязанностей горожан в отношении как к верховной власти, так и к основным сословиям общества. Правоотношения горожан между собой и другими слоями населения и государства регулировались правовыми обычаями, правовыми нормами, которые фиксировались в грамотах и статутах [13, с. 55].

Наделение города такой привилеей обуславливало новое положение административной единицы в социальной иерархии, отличало и выделяло её из окружающих населенных пунктов. В соответствии со статутом Великого княжества литовского 1588 года каждый житель города с магдебургским правом мог на равных привлекать к ответственности представителей высшего сословия, что указывает на особый статус жителей таких городов. Из этого можно сделать вывод, что юридический статус горожанина зависел только от наличия или отсутствия магдебургского права, но не от размера города или количества жителей в нем.

С получением привилеи на самоуправление город становился автономной юридической единицей в государстве. Горожане руководствовались в своей жизни особыми законами и владели собственным комплексом прав, который отличался от прав остального населения. Кроме этого, город как центр торговой и промышленной деятельности, выделял своих жителей из других социальных групп не только правом, но и качеством и сферой труда.

Экономические предпосылки. Чем более заметной становилась роль городов в экономической жизни государства, тем настойчивее выступали горожане с требованиями экономической свободы. В рассматриваемый период города Беларуси исполняли несколько функций: хозяйственную, административную и военную. Первая не исчерпывалась ролью ремесленничества и торговли. Отдельным городам были свойственны специальные виды экономической деятельности. Так, Витебск и Полоцк были крупными портовыми городами. Брест исполнял функции речного порта и центра сухопутных дорог из Украины, Беларуси, Литвы в Польшу. Крупные, а также некоторые средние и малые города, были торговыми центрами.

Города Беларуси оставались звеном феодальной системы производства и общественных отношений, что на определенном этапе развития общества явилось тормозом дальнейшего экономического развития городской жизни. Феодальное государство наделяло города и некоторыми административными функциями. Самые большие города стали административными центрами воеводств и поветов, средние – исполняли роль административных центров поветов.

В процессе развития сложились города, которые отличались друг от друга масштабом и характером своей экономической деятельности. С этой точки зрения все городские поселения Беларуси можно подразделить на города и местечки, в зависимости от масштаба экономической деятельности – на большие, средние и малые города.

Наибольшее развитие городская жизнь получила в западной части территории Беларуси. Внешняя торговля для феодального хозяйства особенно хорошо сложилась на западе благодаря вывозу продуктов поместья на западноевропейские рынки, что послужило дополнительным фактором для развития товарно-денежных отношений. Предоставляя городам самоуправление и выделяя их в отдельную административно-хозяйственную единицу, владельцы желали поднять экономическое развитие государства путем повышения хозяйственной производительности и деятельности городского населения [9, с. 426]. Вместе с процессами развития торговли и ремесла произошел рост и городского населения за счет беглых пригонных крестьян, вольных людей, которые поселились в города, а также переселенных в города самими феодалами.

Крупные города стали экономическими центрами, расцвет которых зависел от полученного самоуправления. От таких городов шли торговые пути в разных направлениях. Именно экономическая составляющая явилась причиной, по которой собственники городов предоставляли право на самоуправление. Н.В. Мисаревич приводит примеры привилегии Могилеву 1577 г., в которой подчеркивалось, что наличие у города магдебургского права позволит увеличить доход казны. «Где мещане нищают, там и доходы уменьшаются, а там, где мещанам гарантированы права и справедливый порядок, в таком городе приумножение есть» ВКЛ [14, с. 95].

Социальные предпосылки. Концентрация в городах ремесленной и торговой деятельности содействовала росту городского населения. Социальная структура городов была разнородной, что объяснялось различными источниками их пополнения. Государство поощряло переселение в города с целью расширения доходов (в виде налогов, которые они должны были платить), оговаривая в привилегиях льготы для новопоселенцев. Поскольку население городов не было однородным (в нем проживали и нищие, и купечество, и ремесленные мастера), магдебургское право было направлено, в том числе, и на урегулирование противоречий между различными слоями населения, установление мира и порядка в городе [14, с. 97].

Как отмечал В.И. Пичета, владельцы городов быстро определились с вопросом, какие же города должны в первую очередь получить магдебургское право [9, с. 426].

Первым городом Беларуси, который получил право на самоуправление на основе магдебургского права, был Брест. 15 августа 1390 года Великий князь Литовский и король Польский Ягайло выдал брестчанам привилегию на самоуправление. В 1391 году такое право получил Гродно, в 1498 г. – Полоцк, 1499 г. – Минск.

Золотым веком для белорусских городов стал XVI и первая половина XVII века. Непосредственно в этот период привилегию на магдебургское право получило наибольшее количество городов, а также была окончательно сформирована структура управления такими городами, оформлены его атрибуты – печать и герб [15, с. 6]. Всего на этнических землях Беларуси к концу XVIII века, когда изменились организационные и правовые начала самоуправления, на условиях магдебургского права функционировало около 120 свободных поселений.

В зависимости от владельца города делились на великокняжеские (государственные) и частнособственнические. Основным принципом самоуправления по магдебургскому праву в частнособственнических городах было выделение горожан как социальной группы из крепостнического населения и наделение их особыми привилегиями и льготами. Горожане исключались из-под непосредственной власти и суда «наместника» магната, создавались органы городской власти, которые осуществляли право на самоуправление (выборы городской власти, определение порядка комплектования судебных органов), определялся порядок налогообложения, торговли и т.д. Магдебургское право для горожан частнособственнических городов – основная сословная привилегия, которая практически уравнивала их с горожанами великокняжеских городов ВКЛ.

Введение самоуправления в частнособственнических городах – свидетельство заинтересованности собственника в создании и поддержании необходимого экономи-

ческого уровня таких городов. На введение магдебургского права оказывал влияние политический фактор, который, в свою очередь, зависел от общего политического положения в соответствующий период, а также от направления городской политики относительно великокняжеских городов и воли того или иного магната относительно частнособственнических городов. Опираясь на сильный, в экономическом и политическом смысле город, магнаты проводили свою политику как внутри страны, так и за ее пределами.

Чаще всего, анализируя вопрос об организации и деятельности органов управления и суда городов с магдебургским правом, исследователи обращались к правовому положению и полномочиям центральной фигуры магистрата – войта. Следует также отметить, что организация органов управления по магдебургскому праву разрушала уже существующее самоуправление, это происходило двумя путями: 1) назначение княжеским указом войтов, с правом передавать свою власть по наследству и передачей в их пользу права суда над горожанами и 2) фактическим расширением власти старост. Этому способствовало и противоречие привилегий, которые давались войтам, и привилегий, которые давались городам. В то время, когда городские привилегии дают право на создание органа управления и определяют их судебные права, привилегии, которые получают войты, дают им право князя на суд над местными жителями, и выделяют значительную часть городских земель и прибыли. Таким образом, должность войта давал ему земельную собственность и делала представителем городского сословия и его судьей [10, с. 26]. Рассматривая войта с точки зрения назначения его на должность можно заметить, что собрание считало своим неотъемлемым правом распоряжения войтовской должностью как своей собственностью, и всегда подчеркивало это право как прерогативу верховной власти [16, с. 38].

В Беларуси войты назначались на разное время. Характерной чертой являлся тот факт, что на войтовскую должность большей частью назначались особы управляющего сословия – помещики и шляхтичи. Назначение на должность войта лиц, которые занимали такие высокие государственные должности, как воевода, писарь и т.д., свидетельствует о том, что эта должность была достаточно прибыльной, раздавалась особам как вознаграждение за их службу на других должностях.

В соответствии с нормами привилегий, войт стоял во главе городской власти. Приступая к выполнению своих обязанностей, он давал присягу, в которой обязывался при исполнении своих полномочий руководствоваться выданной привилегией на магдебургское право и стремиться к улучшению положения горожан.

С введением в городе магдебургского права власть переходила в руки административного и судебного органа городского самоуправления – магистрата, который делился на две коллегии, состоящие из выборных членов. Согласно привилегии на магдебургское право, данное Полоцку в 1498 году, войт выбирал «двадцать радец, половину закону римского, а другую половину грецкого». Затем радцы совместно с войтам «постолиито мають обирати про между себе, на каждый годъ, два бурмистры, одного закону римского, а другого грецкого, которых же руками, обапольно постолиито мает быти ряжено» [17, с. 246].

В связи с тем, что количество избирателей было ограничено, то состав магистрата из года в год складывался почти из одних и тех же особ, что было одной из причин злоупотребления с их стороны. Это приводило к резким протестам основной массы горожан. Они добивались права участия в выборах магистрата. К примеру, в 1588 году городским массам Могилева удалось создать контрольно-ревизионный орган, состоящий из двенадцати человек «посполитых», которые выбирались каждый год в основном из средних слоев горожан и находились под юрисдикцией магистрата. В обязанности «посполитых» входило: следить за правильным использованием городских средств, вместе с радой принимать решения по разным вопросам городской жизни. Они добились изменения порядка выборов членов городской рады, расширения своих полномочий при магистрате и выбора дополнительных служебных особ: городская община вы-

бирала со своего окружения 12 человек «посполитых», после присяги они вместе с радой выбирали новый состав коллегии магистратов [18, с. 52].

Магистрат действовал в двух составах: бурмистры с радцами и войт с ловниками. В состав «войта-ловницкой» коллегии входили «ловники». Их должность была выборной. Они принимали участие только в судебных разбирательствах. Количество их могло быть разным, но рассмотрение дела происходило только в присутствии не менее половины всех «ловников». Критерием для выбора на эту должность было время проживания в городе и общественные блага городу, принесенные кандидатом в «ловники». Время полномочий «ловников» не превышало одного года. В компетенцию «войта-ловницкого суда» входили полномочия по рассмотрению уголовных дел, право первой апелляции на решение бурмистрского суда, рассмотрение дел, в которых одна из сторон не находится в юрисдикции города [19, с. 124].

Рада определяла общее направление развития городского хозяйства, решала вопросы благоустройства города, принимала решение о сборе средств с населения на городские нужды. Но главное место отводилось функциям исполнительной и судебной власти. Войту с «ловникам» отводилось в основном только судебная функция. Обязанностью рады являлся сбор налогов и сборов, которые складывали основную часть бюджета города. Как административный и распорядительный орган, рада наблюдала за ведением торговли, производства и распространение продуктов пекарями, мясниками, рыбаками, устанавливала цены на хлеб, единые меры продажи зерна на рынке, осуществляла сбор налогов, устанавливала нормы и правила внутри городской жизни [20, с. 28]. В распоряжении рады находилась тюрьма, гостиные дворы, рынки, городские весы, которыми распоряжались назначенные служебные особы. Рада следила за тем, чтобы торговля велась только на рынке и категорически запрещала торговлю на улицах и в помещениях, запрещала закупать нужные для производства товары в количестве, которое превышало производственные потребности мастера. Рада строго следила за сохранением земельных участков, которые принадлежали городу. Только с разрешения рады происходило распределение участков, передача их во владение, в наследство, купля-продажа. После окончания своих полномочий рада делала отчет о своей деятельности, этот отчет должен был быть утвержден войтом.

Деятельность рады может создать впечатление бескорыстного служения общественным интересам, порядку и законности. Однако, имеется немало подтверждений обратной стороны ее деятельности. В записях магистратских книг можно найти жалобы на злоупотребление членов рады своей властью в целях личного обогащения.

Право самоуправления, данное городам, хорошо выглядело на бумаге, но фактически контролировалось войтом и его ближайшим окружением.

Вместе с тем, получение привилегий на самоуправление означало, что города достигли достаточно высокого социального и экономического уровня развития и сравнялись в этом отношении со многими польскими и немецкими городами. Дальнейшее историческое развитие самоуправления, представляющее не меньший интерес и будучи не менее поучительным, оказало существенное влияние также на формирование современной концепции и системы самоуправления в Беларуси, которая не только не утратила своего значения, но и получила дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Сочинение в 9 т., Т.1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1984. 362 с.
2. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. 457 с.
3. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том второй. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.

4. Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том первый. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
5. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., 1997. 354 с.
6. Симанчук М.Н. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 3-5.
7. Копыцкий З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – XVII в. Мн.: Наука и техника, 1975. 192 с.
8. Тарановский Ф.В. Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи: Историко-юридическое исследование. Брест, 1998. 204 с.
9. Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М.: Академия наук СССР, 1964. 548 с.
10. Магдэбургскае права на Беларусі: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвеч. 500-годзю выдачы гораду Мінску граматы на Магдэбургскае права / Под рэд. У.М.Хоміча, Т.І.Доунар, І.А.Юхо. Мн.: Право і эканоміка, 1999. 258 с.
11. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1968. 308 с.
12. Юхо І.А. Крыніцы Беларуска – Літоўскага права. Мн.: Беларусь, 1991. 238 с.
13. Юхо І.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Мн.: БГУ, 1978. 142 с.
14. Мисаревич Н.В. Социальные и экономические аспекты распространения магдебургского права на белорусских землях // Известия Гомельского государственного университета имени Ф.Скорины. 2015. № 5 (92). С. 93-98.
15. Цітоў А. Вольныя беларускія месцы (самакіраванне у нашых гарадах XVI – XVII ст.). Мн.: БР ФПДР, 1996. 36 с.
16. Дружчыц В. Войты і іх улада у беларускіх гаспадарскіх месцах з майдэбургскім правам. Мн., 1968. 326 с.
17. Жалованная грамота о предоставлении Полоцку Магдебургского право, 4.10.1498 г. // Белоруссия в эпоху феодализма: сборник документов и материалов: В 3 т., Т. 1. Мн.: АН БССР, 1972. С. 263-266.
18. Абецедарский Л.С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI-XVII в. / под ред. З.Ю.Копыцкого. Мн.: Высшая школа, 1978. 256 с.
19. Вішнеўскі А.Ф., Саракавік І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мн.: Веды, 1997. 108 с.
20. Арэпук Л.Л. Самакіраванне у гарадах Беларусі XV-XVI ст. // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Сер. Гуманіт. Навук. 2001. № 2. С. 28-32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эсмантович Евгений Игоревич. Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права.

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

Служебный адрес: 46019, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Кирова д. 119.

Ключевые слова: магдебургское право; привилегия; местное самоуправление; магистрат; судебная власть.

УДК 342.39

Баженов О.Н.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ

В данной статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за совершение террористического акта. Обозначены проблемы, связанные с законодательной конструкцией и применением соответствующих уголовно-правовых норм в свете изменений, внесенных в действующее законодательство, и намечены пути их решения. Автор обосновывается мысль о необходимости расширения законодательной трактовки целей террористического акта, а также целесообразности выделения экстремистских и террористических преступлений в самостоятельную главу УК РФ.

В соответствии с Конституцией в Российской Федерации высшей ценностью выступают права и свободы человека [1].

Одной из важнейших функций государства является обеспечение общественной безопасности на его территории, то есть безопасности жизни и здоровья его граждан, где бы они ни находились. Следовательно, чем безопаснее чувствует себя гражданин и общество в целом, тем выше уровень их уважения к органам государственной власти.

Любые действия террористического характера направлены, прежде всего, на дестабилизацию общественного порядка, создание напряжения в обществе, и, как следствие, на подрыв авторитета государства в глазах его граждан и насильственный захват власти.

В последние годы в Российской Федерации наблюдается тенденция на увеличение числа преступлений террористической направленности. Так, в 2019 году было выявлено и зафиксировано 1806 преступлений террористического характера, что на 6,7 % больше, чем за предыдущий год, а в 2020 году таких деяний было совершено уже 2342, что на 29,7 % больше аналогичного показателя предшествующего периода [2].

Статистические данные наглядно показывают, что угроза терроризма еще высока и поэтому, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, рассматривается как главная угроза для безопасности нашей страны и ее граждан [3].

Анализируя криминологическую обстановку в России и за рубежом, можно прийти к выводу о существовании серьезной опасности международного характера. Терроризм представляет собой угрозу для национальной безопасности каждого государства и является доминирующим фактором такой угрозы [4, с. 43].

В связи со сложившейся обстановкой Российская Федерация выработала соответствующую уголовно-правовую политику, направленную на борьбу с терроризмом. На сегодняшний день противодействие терроризму занимает важнейшее место во всей правоохранительной деятельности. Исследователи отмечают сложность, многогранность, историческую изменчивость и динамизм терроризма как особого явления [5, с. 222].

В этой связи террористический акт является одной из форм практического проявления терроризма, предусматривающий совершение определенного преступного деяния, в террористическом акте выражается уголовно-правовая составляющая терроризма.

Несмотря на то, что вопросы уголовно-правового регулирования ответственности за террористический акт были и остаются в поле зрения как советских, так и современных исследователей, определенные моменты, связанные с уяснением сущности данного преступления, не нашли однозначного понимания. Как на уровне законодательства, так и в теории уголовного права, отсутствуют сущностные критерии определения данного понятия.

Понимание сути террористических проявлений существенно отличалось на протяжении развития отечественного уголовного законодательства новейшего времени.

Так, в советский период развития общества и государства, террористическая деятельность всегда предусматривала в качестве своей цели причинение вреда посредством воздействия на государственного или общественного деятеля. Следовательно, уголовной ответственности подлежали такие формы ее проявления, как убийство или нанесение тяжких телесных повреждений государственному или общественному деятелю, что свидетельствует о некоторой синонимичности понятий терроризм и террористический акт.

На момент своего принятия, Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривал ответственность, как за терроризм (ст. 205), так и за террористический акт, направленный на государственного и общественного деятеля (ст. 277). Эти деяния предусматривались разными статьями, что свидетельствовало о разграничении названных категорий.

Принятый в 2006 году закон «О противодействии терроризму» [6] закрепил легальное определение терроризма и террористического акта, подобные изменения были отражены и в УК РФ.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 153 – ФЗ, внес существенные изменения в название соответствующих статей. Так, статья 205 стала именоваться как террористический акт, при этом остались признаки, ранее присущие терроризму, в то же время из ст. 277 исчезло указание на террористический акт.

Тем самым, законодатель, по сути, изменил лишь название статьи 205 УК РФ, оставив в качестве определяющих для террористического акта признаки, характерные ранее для терроризма, а убрав понятие террористического акта из ст. 277, он теперь не рассматривает эти действия применительно к государственному или общественному деятелю. Таким образом, с позиции законодателя, при системном толковании норм ст. 205 УК РФ, можно сделать вывод, что совершение террористического акта является одним из проявлений терроризма.

При формулировании понятия террористического акта, законодатель в нормах статьи 205 УК РФ перечислил наиболее распространенные действия, которые могут быть совершены субъектом преступления, такие как взрыв и поджог. Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку в законе говорится о совершении иных действий. Тем не менее, необходимо наличие определенных целей: дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решения.

Между тем М.В. Андреев отмечает, что статья 205 УК РФ устанавливает, как преступные не весь перечень целей актов терроризма. В этой статье, по мнению автора, следовало бы определить в качестве целей террористических актов провокацию войны, изменение международного общественного мнения в отношении государства и значительный перечень других целей террористов [7, с. 19].

Представляется, что в юридической литературе обоснованно указывается на недостаточность законодательной трактовки целей террористического акта и слишком узкую ее формулировку. В частности, целью террористического акта может являться

оказание давления на другие организации, а не только международные, на других лиц, обладающих определенным авторитетом и влиянием в обществе. В этой связи мы полагаем, что формулировку цели террористического акта, содержащуюся в статье 205 УК РФ, целесообразно расширить путем закрепления возможности воздействовать на юридические и физические лица.

Тем самым можно с уверенностью говорить, что террористическая деятельность создает угрозу безопасности отдельных людей, общества, государства и международного сообщества.

Поскольку терроризм в целом, и террористический акт в частности, создают угрозу множеству объектов уголовно-правовой охраны, положения статьи 205 УК РФ нуждаются в совершенствовании в плане определения объекта совершения террористического акта.

В Уголовном кодексе деяния, имеющие своей целью экстремистские мотивы, образуют преступления, посягающие на основы конституционного строя и государственную безопасность, а составы преступлений террористического характера отнесены к преступлениям, посягающим на общественную безопасность. Однако данный вывод представляется не вполне логичным. В научных работах имеются мнения ученых, согласно которым представляется более обоснованным включить составы преступлений террористической направленности, в том числе и ст. 205 в главу 29, содержащую составы преступлений, посягающие на государственную власть и основы конституционного строя.

Литературные источники содержат указание на такие последствия террористического акта, как максимально высокое количество погибших и раненых, нагнетание в обществе страха и тревоги для психического воздействия, причинение значительного вреда материальным объектам. Это влечет крупные расходы материальных и финансовых средств на их восстановление, задействование значительных кадровых и материально – технических ресурсов для выявления и нейтрализации террористов и исключение возможности для совершения других террористических актов. Идет внушение населению обеспокоенности, неизвестности, незащитности перед новыми террористическими актами, привлечение новых финансовых средств и человеческих ресурсов в деятельность террористических организаций, дискредитация в глазах населения государственных органов [8, с. 113].

О том, что объектом посягательства при совершении террористических актов является безопасность государства, говорят многие исследователи феномена терроризма. Ю.С. Горбунов отмечает, что в попытках изменения охраняемых правом общественных отношений субъекты террористических актов затрагивают безопасность государства и угрожают его территориальной целостности, конституционному строю и так далее. Исследователь высказывает предположение ввести в число признаков диспозиции статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации нарушение безопасности государства [9, с. 38].

На основании изложенного следует вывод о том, что существует насущная потребность обособить экстремистские и террористические преступления, закрепив их в отдельной главе Уголовного кодекса Российской Федерации. Такое обособление даст правоприменительным органам возможность правильного определения объекта преступных посягательств. Примером такого обособления служит Уголовный кодекс Республики Грузия, который содержит раздел «Преступления против государства», в который входит глава «Терроризм».

Терроризм – явление весьма динамичное, и в этой связи законодатель неизбежно сталкивается с необходимостью совершенствования уголовно-правовых норм, регулирующих его проявления, и, в частности, нормы ст. 205 УК РФ. Однако не всегда вносимые изменения можно рассматривать как позитивные. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2008 года № 321-ФЗ в УК РФ были внесены поправки, вызывающие неоднозначное отношение в научной среде.

В п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ предусматривается ответственность за совершение террористического акта, повлекшее умышленное причинение смерти человеку. На основании этого совершение убийства при террористическом акте не образует совокупности преступлений, как это было ранее. Тем самым норма ст. 205 УК РФ в своей структуре содержит и норму об умышленном причинении смерти человеку, т.е. убийстве.

Криминализация умышленного причинения смерти при террористическом акте породило множество проблем, связанных как с пониманием данной законодательной конструкции, так и с юридическими последствиями такого изменения.

В уголовном законе два умышленных преступления не могут содержаться в одной статье УК РФ. Кроме того, отнесение убийства к квалифицирующим признакам теракта ослабило уголовно-правовую защиту жизни. Поэтому п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ нужно изложить: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли гибель человека».

Построение квалифицирующих признаков любого состава преступления должно отвечать принципам законодательной техники и логики построения УК. Однако квалифицирующие признаки террористического акта в существующей редакции страдают рядом недостатков.

В частности, в п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ произошло объединение таких квалифицирующих обстоятельств, как совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, однако общественная опасность данных форм посягательства существенно отличается, что подтверждается нормами других статей УК РФ. Кроме того, с точки зрения института наказания такое законодательное решение также необоснованно, в частности, это проявляется в невозможности назначить наказание в виде пожизненного лишения свободы членам организованной группы террористов. В этом усматривается противоречие с принципом справедливости [10, с. 207].

Таким образом, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ свидетельствует о смягчении ответственности и непоследовательности законодателя при конструировании отдельных квалифицирующих обстоятельств. В этой связи необходимо согласиться с позицией авторов, предлагающих выделить признак организованной группы в особо квалифицирующий признак и вернуть его в ч. 3 ст. 205 УК РФ, как это было ранее предусмотрено. Существующая законодательная конструкция не в полной мере учитывает общественную опасность разных проявлений групповой формы соучастия и не вполне обоснована с точки зрения института наказания.

П. «б» ч. 2 ст. 205 УК предусматривает ответственность за террористический акт, повлекший по неосторожности смерть человека. Этот квалифицирующий признак «перешел» из части третьей во вторую. Налицо смягчение уголовно-правовой репрессии. Кроме того, трудно представить, что, совершая террористический акт общественно опасным способом, субъект преступления не осознает, что при этом может произойти гибель людей. Террорист может и не желать гибели конкретных лиц, но он это сознательно допускает, следовательно, действует с косвенным умыслом.

Для решения данной проблемы представляется целесообразным исключить из диспозиции ч. 2 ст. 205 УК РФ указание на причинение смерти по неосторожности и вместо данного квалифицирующего обстоятельства предусмотреть причинение тяжкого вреда здоровью.

Еще одной проблемой является наличие в статье о террористическом акте целого набора оценочных признаков, часть из которых раскрывается через положения иных нормативно-правовых актов, например, когда речь идет об объектах атомной энергии. Однако многие из них не имеют законодательной регламентации, и возникает вопрос: как можно квалифицировать деяние по признакам, значение которых не известно? В этой связи возникает потребность определить значение оценочных категорий через закрепление их понятия в законодательных и подзаконных актах.

Полагаем, что подобные изменения будут способствовать более четкому пониманию уголовного закона и его применению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 декабря. Рос. газ. 2020. 4 июля.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.02.2021).

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

4. Назарова Н.А. Борьба с терроризмом в современной России // Скиф. 2020. № 5–1 (45). С. 40-43.

5. Багаева А.А. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий и классификации // VII Международный молодежный юридический форум «Экстремизму – отпор»: сборник научных статей / под ред. Л.Т. Кокоевой, А.М. Цалиева. 2019. С. 214-228.

6. О противодействии терроризму: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2016 г. № 35-ФЗ: ред. от 8 декабря 2020 г. // Рос. газ. 2006. 10 марта; Рос. газ. 2020. 11 декабря.

7. Андреев М.В. Проблемы противодействия терроризму в международно-правовой доктрине // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 2 (12). С. 18-23.

8. Белявский Д.Г. Последствия совершения террористических актов для личности, общества и государства // Закон. 2006. № 12. С. 112-115.

9. Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 31-40.

10. Шевченко И.В. Совершенствование уголовного законодательства по противодействию террористической деятельности // Проблемы реализации российского законодательства на современном этапе: сборник научных статей адъюнктов, аспирантов, соискателей. Вып. 1. Саратов, 2007. С. 207-213.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Баженов Олег Николаевич. Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

Служебный адрес: 302026, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Ключевые слова: терроризм; террористический акт; противодействие терроризму; квалифицирующие признаки состава преступления.

УДК 343.3

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В данной статье рассматривается институт освобождения лица от уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности. Затронуты проблемы, возникающие в судебно-следственной практике, при применении данного института; а также проблемы, связанные с применением сроков давности в уголовном праве, связанные с переквалификацией преступных деяний, а также с изменением категорий преступлений. Анализируются преступления, по которым сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности не применяются. Дается оценка предложенным изменениям в уголовный закон относительно введения такой категории как «уголовный проступок».

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности уголовного преследования - гуманный уголовно-правовой институт, основу которого составляет правило: если государству в лице его компетентных органов не удалось в течение установленного законом разумного срока привлечь к уголовной ответственности лицо, совершившее данное преступление, то государство отказывается от уголовного преследования правонарушителя. Однако, позиция в научной среде насчет «гуманности» данного института весьма противоречива. Так как в рамках этого правового института лицо, совершившее противоправное деяние, избегает уголовной ответственности фактически по формальным мотивам, что в свою очередь для него может создать чувство безнаказанности. Действительно, лицо совершило преступление, данный факт установлен, однако, ответственность за него он не несет, и, как следствие, им может быть совершено более тяжкое преступление с уверенностью в том, что оно также останется безнаказанным [1].

Обратимся к нормативным положениям, закрепившим правовой институт освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Так, п.3 ч.1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению при истечении сроков давности уголовного преследования [2].

Таким образом, истечение срока давности – это своеобразный правовой барьер для проведения процедуры привлечения лица к уголовной ответственности. Причем данный правовой барьер непреодолим для органов следствия, так как, даже усматривая в действиях лица состав преступления в силу закона они вынуждены отказаться от преследования.

В соответствии с действующим Уголовным кодексом Российской Федерации [3], лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истекло два года, средней тяжести - шесть лет, тяжкого преступления - десять лет, особо тяжкого – пятнадцать. По каждому преступлению сроки привлечения исчисляются самостоятельно. Сроки давности уголовного преследования действующий закон связывает только с категорией преступления.

Однако в уголовном праве имеются преступления, к которым сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности не применяются.

Данная позиция законодателя вполне объяснима, так как это преступления, которые посягают на установленный правопорядок, на общество и безопасность в целом, используя при этом не только насилие, но и устрашение, оказывающие негативное влияние на психику людей. Это **геноцид** (ст. 357 УК РФ), **терроризм**, повлекший за собой преднамеренное убийство человека (п.3 ст. 205 УК РФ), **акт международного терроризма**, который повлек за собой смерть человека (п.3 ст. 361 УК РФ), **захват залож-**

ника с последующей его гибелью (ст. 206 УК РФ). Гуманно отнестись к лицу, совершившему данные преступления, с логической и правовой точки зрения достаточно сложно.

Интересным в судебно-следственной практике является вопрос о сроке давности привлечения к уголовной ответственности за убийство. Действительно с нравственной точки зрения «гуманное» отношение к убийце весьма затруднительно, однако, с правовой возможны варианты. Основываясь на нормах Уголовного кодекса РФ, анализируя статью 105 «Убийство», а именно – санкцию данной статьи, следует отметить, что по части первой наказание составляет от 8-15 лет лишения свободы, а уже по второй части – квалифицированный состав реальный срок лишения свободы составляет от 8 до 20 лет или пожизненное заключение.

Анализируя судебную практику в части освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего убийство, имеет значение, прежде всего начало течения срока исковой давности, которое связано с констатацией смерти конкретного лица при обнаружении трупа. Также обязательным условием освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности для органов суда являются обстоятельства, связанные с личностью виновного, его поведения за истекший период, наличия или отсутствия правонарушений. При этом суд в обязательном порядке учитывает: мотивы совершённого убийства; характеристику личности погибшего; смягчающие, отягчающие обстоятельства; отношение к труду обвиняемого; наличие семьи, достатка, уровня жизни, интересов; раскаяние в содеянном; целесообразность наказания; другие признаки.

В качестве примера можно привести следующий случай из судебной практики. 18 января 2021 г. Льговский районный суд Курской области [4] вынес приговор в отношении жителя Брянской области М.В.В, обвиняемого органами предварительного следствия в убийстве по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Суть преступного деяния инкриминируемого М.В.В. заключается в том, что изначально в отношении него его знакомым на территории складских помещений, в людном месте, было применено физическое насилие, а именно удар кулаком в голову, с целью оказания давления при вымогательстве денежных средств. После совершения Г. данных преступных деяний, М.В.В взял в руки охотничье ружье, изначально не преследуя цель его применения по назначению, а только с целью устрашения. Далее М.В.В. было произведено два выстрела: один в воздух, один в Г., выстрел оказался смертельным. Рассмотрев представленные по делу доказательства, судом было учтено, что изначально на М.В.В. напал и оказал физическое воздействие Г., умысла на убийство у М.В.В не было, охотничье ружье было применено в порядке необходимой обороны, так как после произведенного выстрела в воздух Г. не прекратил свое противоправное поведение и продолжал занимать наступательную позицию и оказывать на М.В.В. психофизическое воздействие. Учитывая данные обстоятельства, в судебном заседании деяние М.В.В. было переквалифицировано на часть 1 статьи 108 УК РФ. В итоге М.В.В был приговорен к 1 году исправительных работ с удержанием в доход государства и на основании пункта «а» части 1 статьи 78 Уголовного Кодекса Российской Федерации освобождён от наказания ввиду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Курский областной суд, рассмотрев доводы апелляционных жалоб, суть которых сводилась к необоснованной переквалификации и, соответственно, назначение несправедливого наказания, признал их несостоятельными, оставив их без удовлетворения, а приговор – без изменения.

В виду сложившейся судебной практики по делам освобождения от уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности, за убийство, разночтений в нормах права в части обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, у судебных органов при вынесении итогового акта правосудия не возникает. Но по статьям, где предусмотрена высшая мера наказания, то есть пожизненный срок лишения

свободы, вопрос о возможности отбывания наказания по истечении сроков давности, находится в исключительной компетенции суда. Речь идет о коллизии: как быть, когда в старом преступлении обвиняется женщина или пожилой мужчина. По закону пожизненное заключение к ним не применяется. Значит ли это, что и сроки давности надо применять к ним автоматически.

Одно из таких дел в 2018 г. рассмотрел Верховный суд Российской Федерации. Согласно фабуле уголовного дела жительница Московской области Н. в начале 2000 года совершила убийство. Много лет она была в розыске, а потом истекли сроки давности привлечения ее к уголовной ответственности, однако впоследствии, спустя 17 лет, она нашлась. Статьи, которые ей вменили, предусматривали в том числе пожизненное лишение свободы. Однако, в соответствии с нормами УК РФ к ней невозможно применить наказание в виде пожизненного лишения свободы. В связи с чем, все нижестоящие суды автоматически применили срок давности и закрыли дело. С таким решением не согласились ни прокуратура, ни потерпевшие. И в данном случае, было указано на то, что суд не учел, что совершено особо тяжкое преступление из корыстных побуждений, последствиями которого явилась смерть А., не приняты во внимание характеризующие данные о личности Н., которая ранее трижды привлекалась к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений, отбывала наказание в виде лишения свободы, не учтены выводы экспертов в акте судебной психологической экспертизы, согласно которым Н. является алчной, циничной, расчетливой, самовлюбленной, эмоционально нечувствительной к другим людям, при задевании ее чувств проявляет агрессию, легко идет на обострение конфликта, вспыльчива, обидчива, злопамятна.

Верховный суд, изучив материалы, отменил постановление о прекращении уголовного дела. А сам пример включен в обзор судебной практики с детальными разъяснениями. Как пояснили в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда, совершение лицом преступления, за которое предусмотрено пожизненное заключение, свидетельствует о его высокой общественной опасности, поэтому в отношении его применяются иные правила, касающиеся сроков давности [5].

Рассматривая в целом институт освобождения лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков исковой давности на материалах судебной практики, возникают сомнения в объективности его применения органами следствия.

Ярким примером злоупотребления данным правовым институтом является следующий случай. В поселке Морозовский Свердловского района Орловской области в апреле 2015 года на почве распития спиртных напитков произошла драка между двумя односельчанами. Однако в ходе драки произошла неоднозначная для квалификации ситуация. Один из борющихся ФИО повалил другого на землю, а затем придавил собой к земле, сев на грудную клетку, и надавив на подбородок К.А.С. рукой. Далее ФИО более не применял по отношению к К.А.С. никаких насильственных действий. Но К.А.С., встав на ноги, поднял с земли нож и ударил ФИО в живот, от полученного ранения ФИО скончался.

Первоначально в апреле 2015 г. в отношении К.А.С. было возбуждено уголовное дело и предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство). В октябре 2015 г. его действия были пере квалифицированы на ч. 1 ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны). Впоследствии К.А.С. было предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего), позже пере квалификация произошла снова на первую часть статьи 108 УК РФ. Учитывая, что согласно статье 15 УК РФ, деяние, предусмотренное первой частью статьи 108 УК РФ относится, к преступлениям небольшой тяжести, по прошествии двух лет, а именно - в мае 2017г. руководитель следственного вынес постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении К.А.С. в связи с истечением срока давности уголовного преследования [6].

Данный пример налицо показывает ущербность применения правового института освобождения от уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности. Однако все же хочется отметить, что данная ошибка органов следствия была устранена и в сентябре 2020 года К.А.С. был приговорен к семи годам лишения свободы по статье 111 УК РФ.

При рассмотрении такого основания освобождения от уголовной ответственности как истечение сроков давности основополагающее значение, как для органов следствия, так и для сторон по делу, имеет дата, с которой начинает отсчитываться данный срок. И в данном случае позиция законодателя ясна, им является день совершения противоправного деяния независимо от времени наступления последствий.

Так, Орловский областной суд освободил Троицкого от назначенного наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Как было установлено в суде, 17 ноября 2013 года в ночном клубе «Два Пальца» в танцевально-развлекательном центре «Сфера-Т» С. Троицкий умышленно в целях возбуждения у неопределенного круга лиц ненависти и вражды по отношению к представителям народов Кавказа публично исполнил песню «Бей чертей», содержащую высказывания, побуждающие к насильственным действиям против представителей народа Кавказа. Действовал он группой лиц по предварительному сговору с двумя неустановленными следствием лицами, все происходило согласовано в нарушение ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации, запрещающей пропаганду или агитацию, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду.

Ранее песня «Бей чертей» решением Гагаринского районного суда г. Москвы от 22 мая 2013 года была признана экстремистской.

Во время концерта музыкантами группы «Коррозия Металла» и Сергеем Троицким исполнялась песня «Бей чертей». Троицкий объявил со сцены название песни и сказал, что данная композиция запрещена прокуратурой г. Москвы, но они ее исполняют для публики.

Уголовное дело по данному факту было возбуждено спустя почти 9 месяцев после события преступления – 26 августа 2014 года. Почти год оно расследовалось, и в суд было передано 1 июня 2015 года.

Советский районный суд г. Орла 29 сентября 2015 г. вынес приговор.

Суд признал С. Троицкого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 150 тыс. рублей.

На приговор была подана апелляционная жалоба С. Троицкого и его адвоката В. Тарасова.

В областном суде дело первоначально было назначено к слушанию на 17 ноября 2015 г. Однако в этот день сам Троицкий в судебное заседание не явился. О дате, месте и времени судебного заседания был извещен надлежащим образом. Представитель государственного обвинения и адвокат по назначению В. Тарасов просили отложить слушание дела, «чтобы не нарушать право на защиту».

В следующем судебном заседании представитель государственного обвинения просила суд оставить апелляционные жалобы без удовлетворения. В связи с тем, что с момента совершения преступления прошло больше двух лет, прокурор просила суд изменить приговор Советского районного суда г. Орла и освободить С. Троицкого от наказания вследствие истечения срока давности уголовного преследования [7].

Течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда, либо от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со ст. 76.2 УК РФ и возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной (ч. 3 ст. 78 УК РФ).

На практике вызывает сложность исчисление сроков по преступлениям, связанным в ненадлежащем оказании услуг в сфере здравоохранения.

Например, приговором Советского районного суда г. Орла от 29 декабря 2016 г. врач-нейрохирург отделения нейрохирургии БУЗ Орловской области «БСМП им. Н.А. Семашко» Таканаев А.А. осужден по ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) к 2 годам ограничения свободы, с лишением права заниматься врачебной деятельностью сроком на 2 года. От отбывания наказания Таканаев А.А. был освобожден на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ за истечением срока давности уголовного преследования [8].

Рассматривая представленные примеры, можно подытожить тот факт, что освобождение от уголовной ответственности во всех представленных случаях было возможно только ввиду того, что изначально преступное деяние было квалифицировано таким образом, что применяемая санкция не превысила определенный порог в три года лишения свободы и преступления, были отнесены к преступлениям небольшой тяжести, на основании статьи 15 УК РФ.

Анализ судебной практики и норм действующего Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в категорию «преступления небольшой тяжести» объединены деяния, которые существенно различаются по характеру общественной опасности.

Таким образом, можно прийти к неутешительному выводу, что данная категория преступных деяний может являться почвой для злоупотребления со стороны органов следствия и защиты. В связи с чем, на брифингах и совещаниях все чаще поднимается вопрос о эффективности предварительного следствия и сокращении сроков расследования для обеспечения надлежащего качества следствия.

С научной точки зрения, полагаем, что в данном случае необходима корректировка действующего законодательства. Эта тема неоднократно прослеживалась в научных кругах, а недавно – 13 октября 2020 Пленум Верховного Суда РФ вновь принял решение о внесении проекта на рассмотрение в Госдуму об отнесении ряда преступлений небольшой тяжести к уголовным проступкам. Это явный шаг, направленный на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства.

Так как в данном случае, в отличие от иных оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, законодатель установит в качестве оснований освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, конкретные составы преступлений, характеризующиеся, во-первых, минимальной степенью общественной опасности этого деяния, во-вторых, отсутствие судимости у лица, его совершившего.

Конечно, эффективность той или иной законодательной новеллы может показать только практика, но все же внесение данной нормы, полагаем, имеет определенные положительные стороны. В частности, можно отметить, что предлагаемая классификация преступлений позволит более дифференцировать уголовную ответственность за их совершение в зависимости от характера общественной опасности.

Введение нового основания освобождения от уголовной ответственности даст положительный эффект для рассмотрения дела в суде, а именно позволит существенно упростить судебную процедуру, а также сократить сферу применения уголовного наказания за счет назначения иных мер уголовно-правового характера, не влекущих за собой судимости и связанных с ней негативных последствий, а также в той или иной мере скорректировать действия следственных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др. М.: Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. 316 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 5 апреля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 5 апреля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приговор Льговского районного суда Курской области от 18 января 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: http://govsky.krs.sudrf.ru/?url=http%3A%2F%2Fgovsky.krs.sudrf.-ru%2Fmodules.php%3Fname%3Dpress_dep%26op (дата обращения: 15.02.2021).
5. Верховный суд объяснил, когда срок давности не применяется [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/08/23/verhovnyj-sud-obiasnil-kogda-srok-davnosti-ne-pri-menjaetsia.html> (дата обращения: 15.02.2021).
6. Суд вынес частные представления орловским следователям за прекращение уголовного дела по убийству селянина [Электронный ресурс]. URL: https://newsorel.ru/fn_277028.html (дата обращения: 15.02.2021).
7. Орловский областной суд освободил Троицкого от назначенного наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.orl.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=478 (дата обращения: 15.02.2021).
8. Вынесен обвинительный приговор по уголовному делу в отношении заведующего патологоанатомического отделения БУЗ ОО «БСМП им. Н. А. Семашко» [Электронный ресурс]. URL: <https://procrf.ru/news/595413-vyinesen-obvinitelnyiy-prigovor-ro.html> (дата обращения: 15.02.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Быстрова Юлия Викторовна. Заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора. Доктор юридических наук, доцент.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.

Служебный адрес: 302000, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Ключевые слова: сроки давности в уголовном праве; истечение сроков давности в уголовном праве; категория преступления; уголовный проступок.

УДК 343.1

Зарубина К.А.

ТРУДНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 210.1 УК РФ НА ПРАКТИКЕ

В данной статье представлен анализ, а также пути решения основных проблем применения ст. 210.1 УК РФ на практике: трудности квалификации состава преступления, определения значения понятий «высшее положение» и «преступная иерархия»; проблемы, связанные с конкуренцией норм ч. 4 ст.210 и ст. 210.1 УК РФ, исправлением осуждённых по ст. 210.1 УК РФ в условиях действующего пенитенциарного режима и др.

Федеральным законом Российской Федерации от 1 апреля 2019 г. № 46 в нормы УК РФ внесено ряд изменений: была значительно преобразована ст. 210 УК РФ [16], введена в действие ст. 210.1 УК РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии) [17], которая вызвала широкие дискуссии по поводу целесообразности существования такой нормы уголовного закона, особенностей квалификации состава преступлений и т.п.

По нашему мнению, появление в УК РФ подобной нормы права обусловлено особо интенсивным развитием организованной и профессиональной преступности в стране. Безусловно, борьба с этими особо опасными видами преступной деятельности в настоящее время становится как нельзя актуальной, поскольку именно организованная и профессиональная преступность объективно наносит наибольший вред обществу и государству, создаёт, сохраняет и преумножает криминальные традиции, обычаи, «законы» и т.п. Однако привлечь к уголовной ответственности представителей и тем более лидеров таких преступных группировок с каждым днём становится всё сложнее и сложнее. Преступники-профессионалы изобретают более изощрённые способы совершения преступлений, лучше ведут так называемую «разведывательную» и конспиративную работу, легко уходят от уголовного преследования. Последнее «качество», к слову, отдельные исследователи относят даже к признакам криминального профессионализма [8, с. 50-55]. Лидеров таких особо опасных преступных сообществ привлечь к уголовной ответственности ещё сложнее, поскольку они редко самостоятельно осуществляют общественно опасную деятельность, чаще участвуют в преступлениях, совершаемых преступными сообществами (организациями), структурными подразделениями, координируя действия членов таких объединений, а равно и создавая устойчивые связи между ними. Причём, как правило, лидеры таких сообществ (организаций) делают это фактически номинально, не вдаваясь в частные вопросы, и скорее осуществляют стратегическое руководство, тем самым, оказывая значительное влияние на преступный мир, антиобщественную деятельность отдельных группировок и криминальных элементов. Кроме того, именно лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, наиболее интенсивно распространяют и преумножают криминальную субкультуру, поэтому их статус сам по себе детерминирует совершение тяжких и особо тяжких преступлений, чаще всего корыстной и корыстно-насильственной направленности. Поэтому законодатель, вводя в действие новую статью УК РФ, основывается на необходимости борьбы с такими особо опасными преступниками. Причём средством для этого было выбрано несколько «необычное», таких лиц привлекают к уголовной ответственности не за деяние, как «устанавливает» уголовно-правовая доктрина, а за статус, принадлежность к высшим преступным кругам.

Полагаем, что такое законодательство – это очередная попытка освободить сотрудников правоохранительных органов от необходимости доказывания преступлений, совершённых особо опасными преступниками (даже руководства преступной деятельностью, её координации, разработки преступных планов и т.д. – деяний, описываемых в диспозиции ст.210 УК РФ), с целью оперативного привлечения таких лидеров к уголовной ответственности. Однако такое истолкование смысла нормы закона сталкивается с рядом противоречий, в первую очередь, связанных с фактическим нарушением основополагающих принципов уголовного права, общей теории криминализации. Некоторые исследователи проводят аналогии введения данной статьи с теорией опасного состояния личности, распространённой и особо почитаемой в советском уголовном праве [9, с. 159-161]. Кроме того, достаточно абстрактное определение субъекта, обтекаемые формулировки состава преступления, отсутствие необходимых разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по данной статье и т.п. приводят к трудностям применения указанной нормы уголовного закона на практике.

Условно проблемы применения статьи можно разделить на несколько групп: трудности с квалификацией состава преступления – определением субъекта, значения понятий «высшее положение» и «преступная иерархия»; вопросы, связанные с конку-

ренцией ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ; возможности исправления осуждённого по ст. 210.1 УК РФ в условиях действующего пенитенциарного режима и некоторые другие.

Начать квалификацию преступления по данной статье необходимо с установления условных границ, определения понятий «высшее положение» и «преступная иерархия». В виду того, что данная терминология в уголовном законодательстве стала использоваться ещё с 2009 г. (после введения в действие ч. 4 ст. 210 УК РФ – «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии») [18], обратим внимание на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по этому поводу. В п. 24 Постановления Пленума от 10 июня 2010 г. указывается: «Решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов и т.п.<...> О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.» [14]. Так, для того чтобы решить вопрос о субъекте необходимо, в первую очередь, ориентироваться на действия такого лица, по сути, детерминирующие совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Однако в официальном толковании термины «преступная иерархия» и «высшее положение» по-прежнему не определены, поскольку формулировка диспозиции той же ст. 210.1 УК РФ лишь воспроизводит наименование статьи и при этом не содержит ни одного имеющего формальную определенность признака. Безусловно, в правовом государстве и не должна официально узакониваться такая криминальная градация, поскольку, как справедливо замечает Т.В. Якушева, указанная терминология имеет криминологическое происхождение, не вполне пригодное для сферы уголовно-правового регулирования [20, с. 732-734]. Однако, если именно статус (а не деяние) лица – основание для привлечения к уголовной ответственности, разъяснения по этому поводу, во избежание судебных ошибок, необходимы, причём в максимально исчерпывающей форме.

Общепринятого толкования данной терминологии в научном сообществе также не существует. Некоторые учёные считают, что в настоящее время наиболее чётко выражена и хорошо исследована криминологами лишь тюремная иерархия, но её нельзя полностью отождествлять с преступной (упоминаемой в законе) [15, с. 75-76], поскольку эти системы распределения статусов абсолютно не исчерпываются друг другом. Большинство учёных сходятся во мнении, что в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ идёт речь о так называемых «ворах в законе», криминальной элите, появившейся в нашей стране (согласно общепринятой точке зрения) в 1930-х гг. в результате перераспределения лидерства в высших преступных кругах, образования новой «касты» преступников, развития системы лагерей [5, с. 18-22; 19, с. 36-39; 12, с. 109-110]. Однако, полагаем, что фокусировать своё внимание лишь на представленном варианте преступной иерархии (преимущественно на «ворах в законе») было бы неправильно, поскольку, к примеру, большинство их «приближённых» («положенцы» – фактически заместители «воров», «смотрящие» – лица, принимающие решения в определённых сферах деятельности, направлениях и др.) [7, с. 50-58] не имеют данного статуса, но между тем своим влиянием порождают совершение различных преступлений. К тому же, многочисленный «класс» преступников-профессионалов также оказывает самое непосредственное воздействие на развитие организованной и профессиональной преступности в стране – наиболее опасных видов преступной деятельности, в том числе посредством сохранения и преумножения обычаев и традиций, «законов» криминального мира.

Современное научное сообщество также указывает на необходимость уточнения географического критерия при определении признаков принадлежности того или иного лица к высшей преступной иерархии, поскольку это напрямую связано с квалификацией преступлений по ст. 210.1 УК РФ. Так, исследователи считают, что, применяя данную норму закона, следует обращать особое внимание на то, является ли лицо признанным преступным «лидером» в районе, городе, ином территориальном образовании или его криминальный «авторитет» признаётся на региональном, общегосударственном уровне или даже в международном масштабе. Причём относительно решения данного вопроса не существует единого мнения. С одной стороны, некоторые исследователи отмечают (указывая на положения ст. 11 и 12 УК РФ), что в ст. 210.1 УК РФ по умолчанию идёт речь о некоем высшем преступном положении, признаваемом на всей территории страны [1, с. 165-169]. Иные уточняют, что, наиболее существенное влияние на криминальный мир (за что фактически и устанавливается уголовная ответственность по ст. 210.1 УК РФ) имеют лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии надгосударственного уровня (уровня конфедерации) [4, с. 465-476], в связи с чем именно этих лиц необходимо привлекать к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ. Однако в отечественной судебной практике встречаются примеры, когда подобным особо опасным криминальным статусом обладают лидеры преступного мира отдельного города, района, иного территориального образования. Так, в печально известной банде Цапков, заменившей собой государство в 1990-2010-х гг. в кубанской станице Куцевкой Краснодарского края, подобным особо опасным криминальным статусом обладали сразу несколько лиц, а одного из «главарей» этой банды даже называли «царём Куцевки». И, несмотря на то, что ни одному из фигурантов дела «Куцевской ОПГ» не была вменена ч. 4 ст. 210 УК РФ [11], об отсутствии особого влияния на криминальный и даже «обычный» мир станицы Куцевской Краснодарского края в течение продолжительного периода времени рассуждать не приходится, поскольку даже сам факт наличия в кубанской станице «своей» системы управления и «своей» судебной власти указывает на особое влияние в станице членов и тем более «главарей» банде Цапков. Это даёт нам все основания полагать, что опасными преступными «полномочиями», а равно и особым криминальным «авторитетом», статусом способны обладать преступники не только «общегосударственного», но и даже регионального и «станичного» уровня. Ввиду чего заключим, что разделять «лидерство» в преступной иерархии по географическому признаку нецелесообразно. Кроме того, необходимость уточнения данного критерия в процессе квалификации преступлений по ст. 210.1 УК РФ значительно усложнит формирование доказательной базы, в связи с чем, по нашему мнению, рассматривать подобный территориальный признак, квалифицируя общественно опасные деяния по ст. 210.1 УК РФ, необходимо только в контексте исследования сферы преступного влияния того или иного лица, масштаба распространения его криминальной «власти».

Ещё одной трудностью применения данной нормы закона считается возможность и порядок установления принадлежности конкретного лица к криминальной элите. Даже если в уголовно-правовой доктрине появится единое толкование сущности преступной иерархии, определится её структура, «ранги», то с какой «ступени» такой классификации преступник будет относиться к «высшему» эшелону, и по каким признакам следует обнаруживать эту принадлежность. Безусловно, ни одно преступное сообщество, организация не будут выдавать специальные ярлыки на лидерство своим «авторитетам». И обнаружить эти связи для правоохранительных органов крайне сложно. Конечно, те же «воры в законе» дают специальные клятвы, нередко оставляют об этом соответствующие записи, как правило, набивают символические татуировки на теле (чаще всего рисунок орла с расправленными крыльями [3, с. 60], а на груди – сердце, пронзенное кинжалом (символ смерти за измену)) [2, с. 74] и т.п. Однако основываться на данных признаках абсолютно неправомерно. В связи с этим нормативно необходимо выработать своеобразные критерии относимости того или иного лица к высшему кругу

этой элиты, причём делать это в определённой степени формализовано, принимая за основу не внешние признаки принадлежности лица к верхушке преступной иерархии, а внутренние связи, характер и степень влияния потенциального преступника на криминальный мир и т.п.

Как замечают некоторые исследователи [15, с. 75-76], целесообразность введения в действие ст. 210.1 УК РФ вызывает сомнения и с точки зрения основ теории криминализации и квалификации преступной деятельности, поскольку в процессе правоприменения нередко возникает конкуренция норм - ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Это связано с тем, что фактически состав преступления ч. 4 ст. 210 поглощает состав ст. 210.1 УК РФ, а поскольку в соответствии с правилами квалификации при полном совпадении признаков преступления выбирается та норма закона, где санкция за совершение того или иного общественно опасного деяния более суровая, целесообразность введения в действие ст. 210.1 УК РФ определённым образом теряет смысл, и лицо, совершившее определённые ч. 1 и 1.1 ст. 210 деяния и при этом занимающее высшее положение в преступной иерархии, стоит привлекать к уголовной ответственности именно по ч.4 указанной статьи, а не по ст. 210.1 УК РФ.

Кроме того, в процессе правоприменения существует опасность привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ преступников, не являющихся особо опасными криминальными лидерами, поскольку под преступное сообщество в данном случае можно легко «подвести» тот же совет директоров какой-либо компании, где один из членов замешан в нарушениях закона. В данном случае речь идёт о, так называемой, «беловоротничковой» преступности. Однако, с нашей точки зрения, подводить под определение преступного сообщества деятельность каких-либо советов организаций, компаний, иных объединений, которые образовывались не для занятия общественно опасной деятельностью, а для выполнения каких-либо иных «мирных» задач, функций, где один из членов подобных объединений замешан в преступной деятельности не совсем верно. В связи с этим считаем целесообразным исключить действие ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ применительно к лицам, привлекаемым за преступления в сфере экономической, к примеру, за совершение преступлений, предусмотренных ст. 159–160, 165, 171–183, 185–185.6 УК РФ и некоторыми другими [20, с. 725].

Отдельным вопросом следует рассмотреть возможность реального исправления лица, осуждённого по ст. 210.1 УК РФ. Как показывает практика, для того чтобы цели наказания были достигнуты, в первую очередь, преступника необходимо лишить возможности в дальнейшем осуществлять преступную деятельность. Именно с этой целью особо опасных преступников лишают свободы, зачастую, на весьма продолжительный срок. Однако лидеры криминального мира и в местах лишения свободы не теряют свой «социальный» статус, за который и предусмотрена уголовная ответственность по ст. 210.1 УК РФ, и даже после освобождения не лишаются его, а значит и не утрачивают общественную опасность. Кроме того, в условиях изоляции такие «авторитеты», как правило, продолжают отдавать приказы, сохранять и преумножать криминальные традиции и обычаи, воспитывать «смену» и т.д. Поэтому если деяния, описанные в диспозиции ч. 1 и 1.1 ст. 210 УК РФ, виновное лицо осуществлять в местах лишения свободы более не сможет, то использовать свой криминальный статус для воздействия на преступный мир даже в изоляции – вполне. Во взаимосвязи ряд исследователей выделяют и иные проблемы: возможность применения положений об обратной силе уголовного закона (применимо к данной категории преступников), трудности определения сроков давности за привлечение к ответственности по ст.210.1 УК РФ и другие [13, с. 43-48].

Таким образом, введение в действие в 2019 г. ст. 210.1 УК РФ породило ряд противоречий как общетеоретических, так и практических, связанных, в первую очередь, с возможностью и невозможностью привлечения к уголовной ответственности лица не за совершение какого-либо общественно опасного деяния, а за формальную принадлежность к определённому «рангу». На концептуальном уровне давно решен вопрос, что уголовная ответственность наступает только за деяния, а Конституция РФ

гарантирует свободу мыслей, слова. Следовательно, сам факт принадлежности к какой-либо социальной группе, даже с асоциальными установками не может быть основанием для привлечения члена этой группы к уголовной ответственности. Кроме того, статус не гарантия того, что лицо представляет реальную общественную опасность, поскольку в настоящее время, например, «звание» «вора в законе» можно легко купить. На это указывает тот факт, что в советский период через процедуру «коронования» проходило 2-3 преступника в год, а после распада СССР (в середине 1990-х) в титул «вора в законе» возводили по 3-4 человека в месяц [6, с. 119-123]. Поэтому о влиянии таких мнимых «авторитетов» на преступный мир стоит говорить с некоторой натяжкой.

Как отмечают учёные, введение данной нормы закона (по примеру Грузии) было сделано, в первую очередь, с целью облегчения процесса доказывания лидерства того или иного лица в преступной иерархии [10, с. 147-152]. Однако подобные уступки прямо противоречат доктрине уголовного права и требуют детальных разъяснений. На это указывает и тот момент, что судебные инстанции также не спешат выносить приговоры по этой статье. Например, в 2019 г. по 210.1 УК РФ было возбуждено всего 5 уголовных дел, а таких криминальных авторитетов в стране по данным неофициальной статистики куда больше. По нашему мнению, решить отдельные вопросы, касаемые порядка применения статьи на практике, помогут выработанные критерии лидерства преступной иерархии, прописанные законодательно. Например, наличие в распоряжении у того или иного лица экономических ресурсов (именуемых у «воров в законе» «общаком»), особых криминальных связей с властными структурами, влиятельными криминальными элементами, квазисудебных полномочий и др. Причём эти «функции» не обязательно должны реально осуществляться, для признания факта наличия высшего положения в этом мире достаточно лишь обладать возможностями подобного управления, воздействия на криминальную среду. При этом за основу необходимо брать не внешние признаки такого неформального лидерства, а степень и характер влияния того или иного лица на преступный мир. Кроме того, возможно, статью следует дополнить определением понятий «высшее положение» и «преступная иерархия», поскольку разъяснения Верховного Суда РФ 2010 г. также не дают исчерпывающего ответа на вопрос: кого всё-таки стоит считать таким лидером, а кого – нет. Пока же эта норма уголовного закона имеет, скорее, оценочный характер, в связи с чем следственная и судебная практика сталкивается со значительными противоречиями и трудностями в правоприменительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агильдин В.В., Ловцевич С.Е., Лохова А.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. № 24. С. 165-169.
2. Бандитский Петербург. Документальные очерки. Т 1. ОЛМА Медиа Групп, 2004. 475 с.
3. Бронников А.Г., Бронников Д.В. Татуировка за решеткой. Прикамский соц. ин-т, 2003. 250 с.
4. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 465-476.
5. Важенин В.В., Васильченко Д.А., Зуев Е.А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 18-22.
6. Воронцов А.В. К вопросу о структуре криминальной среды России // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 119-123.

7. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 50-58.
8. Забелич А.А. Криминологические и правовые аспекты понятия рецидивной и профессиональной преступности // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 50-55.
9. Иванчин А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) – пример необоснованной криминализации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV – Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общей ред. Н.А. Лопашенко, Саратов. Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. 432 с.
10. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 2101 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 147-152.
11. Кушевская Русь [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/04/87826-ya-my-kuschevka> (дата обращения: 16.11.2020)
12. Мальчук Ольга Ивановна История развития феномена «вор в законе» // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С.109-110.
13. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С.43-48.
14. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10.06.2010 № 12. Рос. газ. 2010. 17 июня. № 130.
15. Семенов В.Р., Гришин Н.С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210. 1 УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 75-76.
16. Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. (без изменений и дополнений) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19960613/raz09.htm> (дата обращения: 25.01.2020).
17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 01.04.2019 № 46-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 36-39.
20. Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 723–734.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Кристина Александровна. Аспирант.
Юго-Западный государственный университет.

Служебный адрес: 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября д. 94.

Научный руководитель: Шевелёва Светлана Викторовна. Доцент кафедры уголовного права. Доктор юридических наук.

Юго-Западный государственный университет.

Служебный адрес: 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября д. 94.

Ключевые слова: преступная иерархия; профессиональный преступник; криминальный профессионализм; «вор в законе»; «преступный авторитет».

УДК 343.1

Кузнецов Д.Ю.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье проводится ретроспективное исследование начального этапа становления и развития специального направления уголовной политики российского государства в сфере противодействия процессам криминализации детей и подростков. Определяя в качестве отправной точки в подобном анализе начало применения практики специализации и индивидуализации подхода к несовершеннолетним преступникам, автор рассматривает развитие отечественного уголовного законодательства во второй половине XIX века. Указанный период представляет значительный интерес по ряду причин. Так, во-первых, с указанного времени начинается накопление различных данных уголовно-правовой статистики, что позволило исследователям оценить состояние преступности в Российской империи, в целом, а также выявить ее частные тенденции. Во-вторых, многие реформы периода правления Александра III имели значительное научное обоснование. Изменение политики государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей не стало исключением. Таким образом, вторая половина и конец XIX века отмечены едва ли не первым в отечественной истории продуктивным диалогом законодателя с представителями юридической доктрины. На основании проведенного анализа в работе сделаны выводы о целесообразности применения положительного опыта прошлых лет в современной правовой системе.

Как известно, важной целью назначения наказания совершившему преступление лицу является предупреждение совершения им новых преступлений. В этой связи особое значение приобретают вопросы предупреждения уголовно-правовыми средствами преступлений несовершеннолетних. Очевидно, что, оставаясь без должного реагирования государственных органов и учреждений, в том числе, в вопросах ресоциализации, несовершеннолетние способны в скором времени обратиться закоренелыми преступниками, представляющими особую опасность для общества. В то же время, практикой знаком и положительный опыт, когда методологически верные индивидуализированные принудительные меры вкупе с последующим надзором позволяли преодолеть процессы криминализации в детской и подростковой среде.

В современном российском уголовном законодательстве, а также вполне устоявшейся правоприменительной практике главным инструментом, обеспечивающим индивидуализацию и специализацию мер, применяемых к несовершеннолетним преступникам, являются принудительные меры воспитательного воздействия, регламентиро-

ванные в статье 90 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Что касается несовершеннолетних, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления, то особенности законодательного подхода к ним обеспечиваются гарантиями и ограничениями, установленными положениями главы 14 УК РФ. Добавив к этому базовые нормы статьи 20 уголовного закона, мы получим, по сути, полный перечень уголовно-правовых норм и институтов, обеспечивающих специфику уголовного преследования и наказания несовершеннолетних. С одной стороны, подобный подход можно признать удачным, поскольку он обеспечивает преемственность и системность уголовного законодательства. Однако, с другой стороны, определенные вопросы вызывает недостаточная дифференциация несовершеннолетних преступников, представленных в действующем уголовном законодательстве как однородная аморфная масса.

Следует отметить, что предпринимаемые ранее попытки реформирования данного раздела законодательства обычно сводились к простой деконструкции действующих правовых норм, что, само по себе, недопустимо. Ярчайшим примером таких попыток явился проект федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» [2], ранее справедливо отвергнутого Государственной Думой. Однако нельзя забывать и о том, что в истории российского государства законодателем делались вполне успешные попытки по специализации уголовно-правовой политики в сфере предупреждения преступлений несовершеннолетних, а сама проблема противодействия указанному виду преступности не раз становилась предметом научного осмысления видными отечественными учеными-юристами. В этой связи думается, что учет такого опыта может быть полезен и на современном этапе, поскольку вопросы превенции криминогенных процессов в детской и подростковой среде едва ли способны утратить свою актуальность.

Юридическая наука с советских времен пришла к осознанию объективности явления подростковой преступности и ее неразрывной диалектической связи с криминальной активностью взрослых лиц. Об этом в свое время исчерпывающе высказался знаменитый криминолог Ю.М. Антонян [3]. В этой связи основным инструментом выявления различного рода тенденций, присущих преступности несовершеннолетних является уголовная статистика, которая, пусть и регулярно получает изрядную порцию критики, но, тем не менее, позволяет получить относительно объективное представление о происходящих в обществе явлениях и процессах.

Среди главных критиков применения статистического метода при изучении феномена подростковой преступности, безусловно, следует упомянуть Н.А. Селезеву, которая в своей кандидатской диссертации концептуально подвергла переосмыслению сложившиеся на основе применения официальной статистики представления об уровне преступности несовершеннолетних [4]. Среди главных недостатков, присущих уголовно-правовой статистике исследователь отмечал ее значительную регулируемость. Отчасти с подобным мнением следует согласиться. Так, проходя службу в следственных подразделениях, автор настоящей статьи имел определенный опыт расследования уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних. В этой связи, обращает на себя внимание та частота, с которой производство предварительного следствия по делам в отношении подростков, совершивших преступления небольшой либо средней тяжести, оканчивается возбуждением перед районным судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия. Такой подход, безусловно, позволяет сдерживать рост числа несовершеннолетних осужденных, однако общего числа преступлений, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, от официальной статистики никак не спрятать, что делает ее едва ли не единственным репрезентативным источником сведений о протекающих в обществе криминогенных процессах.

Первые известные отечественной истории обобщения сведений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, следует отнести к середине XIX века. При этом, рассматривая данные статистики конца 50-х – начала 60-х годов позапрошлого

столетия, сложно определить какую-либо тенденцию в динамике ее развития. Количество подсудимых и осужденных оставалось стабильно значительным, что, само себе, ни о чем не говорит в отрыве от более ранних показателей, которые не подвергались учету и не систематизировались. Так, в 1857 году число подсудимых составляло 383,2 тысяч человек (из них было осуждено 60,4 тысяч). Затем, в 1858-1859 годах указанный показатель вырос до 404,1 (70,7) и 422,6 (72,4) соответственно. Однако уже в 1860 году отмечено снижение до уровня 393,0 (72,5). При этом в 1861 году, в котором, как известно, начались знаменитые реформы Александра II, начался значительный рост указанных показателей преступности, а именно, было зафиксировано 433,5 тысяч подсудимых и 79,7 тысяч осужденных. Подобная динамика продолжилась и в дальнейшем. Так, в 1865 году обвиняемыми по уголовным делам числились 510,5 тысяч человек, осуждено было 94 тысяч [5, с. 898]. Преступность несовершеннолетних всегда соответствует основным законам и тенденциям, присущим взрослой преступности. В связи с этим, в отмеченный период развития российской правовой системы уместно говорить и об обострении проблемы криминализации подростков.

Уже со следующего десятилетия становятся доступны обширные статистические данные, характеризующие динамику совершения преступлений несовершеннолетними. В соответствии с такими данными, в период 1874-1894 годов общая численность несовершеннолетних преступников увеличилась вдвое. Здесь следует отметить, что уголовная ответственность в тот период наступала с 10-летнего возраста, а в 21 год лицо приобретало статус совершеннолетнего [6, с. 3]. Великий отечественный юрист Н.С. Таганцев в своих работах говорил и о менее явном, но не менее важном статистическом показателе – доли несовершеннолетних, совершивших преступления групповым способом, среди всех несовершеннолетних преступников. Значение данного показателя с 1855 по 1868 годы выросло с 62 до 67 % [7, с. 33]. Такая особенность свидетельствует также о качественном росте преступности несовершеннолетних.

Первое десятилетие XIX века, в целом, отмечено повышением интереса российской юридической науки к историко-правовым аспектам проблемам противодействия преступности несовершеннолетних. Пытаясь определить первый законодательный акт, придавший несовершеннолетним преступникам специальный правовой статус с присущими ему гарантиями и ограничениями, исследователи обычно упоминают Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, выделившее несовершеннолетних в отдельную категорию и предусмотревшее для них отдельные ограничения на предмет применения уголовно-правовых мер [8]. Однако, исходя из приведенных статистических данных, следует признать, что отмеченный нормативный правовой документ в части, касающейся несовершеннолетних, спустя двадцать лет утратил какую-либо актуальность и перестал соответствовать явлениям объективной действительности.

Обострение процессов криминализации в детской и подростковой среде пробудило живой интерес с этой проблеме со стороны представителей стремительно развивающейся во второй половине XIX века отечественной правовой науки. Прежде всего, ученых-юристов интересовали причины, обусловившие рост числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

В этой связи следует упомянуть знаменитого исследователя и одного из первых ученых, давших осмысление в своих работах первым систематизированным данным уголовной статистики, – профессора А.Ф. Кистяковского, который отмечал, что «среди малолетних преступников только самый ничтожный процент детей происходит от достаточных родителей, а что все остальные суть дети или нищих и бродяг, или преступников, или умерших и без вести пропавших, и людей, коих обеспечение сомнительно. Едва ли можно сомневаться, что заброшенность детей, бедность и безнравственность родителей, играют исключительно господствующую роль между причинами преступности детей. Статистические цифры показывают, что почти все преступления, совершаемые малолетними, заключаются или в нищенстве и в бродяжестве, или в краже и

мошенничестве» [9, с. 12]. Подобным представлениям о детерминантах, обусловившим повышение криминальной активности детей и подростков, вторил и исследователь чуть более позднего периода М.Н. Гернет, указывающий на преобладание в числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними, тайных хищений имущества [10, с. 57].

Одновременно с осмыслением статистических данных в российской правовой мысли второй половины XIX века начинается и активная разработка законодательных мер, направленных на выработку наиболее удачного и эффективного подхода в вопросах профилактики и предупреждения преступлений несовершеннолетних. По наиболее фундаментальным вопросам в этой области юридических знаний следует обратиться к трудам классика и «отца» русского уголовного права Н.С. Таганцева. По его мнению, значение несовершеннолетия в уголовном праве заключается в трех основных аспектах. Изначально, по мнению исследователя, существует «эпоха» жизни человека, во время которой лицо в принципе не может быть привлечено к каким-либо уголовно-правовым мерам в силу малолетства. Затем наступает период, в течение которого несовершеннолетний уже может привлекаться к ответственности, однако применяемые к нему меры значительно отличаются от мер, применяемых ко взрослым лицам. Так, применяемые к подросткам меры являются не столько наказательными, сколько исправительно-воспитательными, поскольку ориентированы, прежде всего, на профилактику новых преступлений. Говоря о третьем аспекте, Н.С. Таганцев отмечал, что в последующий период своего взросления несовершеннолетний преступник подлежит более широкому перечню наказаний, однако их применения должно быть гуманнее, чем к лицам, достигшим совершеннолетия [11, с. 7-8].

Анализируя проблему предупреждения преступлений несовершеннолетних, до-революционные юристы исходили из убеждения в том, что большинство подростков, совершая преступление, якобы не осознают настоящей опасности и законодательной запрещенности совершаемых ими действий. В этой связи и реализуемая в отношении подростков государственная политика должна радикально отличаться от общей уголовной и пенитенциарной политики. В отношении несовершеннолетних преступников на первое место должно выходить не наказание как таковое, а элемент перевоспитания. Весьма показательным в этой связи является мнение профессора А.Ф. Кистяковского, который писал, что «причина совершения малолетними преступлений лежит большей частью не в них самих, а вне их. Сами малолетние являются только бессмысленными и бессознательными орудиями, посредством которых выражает себя преступность окружающей их среды» [8, с. 11].

Учитывая приведенные мнения, легко понять, почему прогрессивные ученые-юристы второй половины XIX века обрушились с критикой, действовавшей в тогдашней Российской империи системы уголовного преследования, наказания и исправления несовершеннолетних, никак практически не отличавшей данную категорию лиц от взрослых преступников. Следует согласиться с тем, что меры по предупреждению преступлений должны строиться на учете индивидуальных особенностей преступников, в отношении которых они реализуются. В этой связи недопустимо объединять в процессе частной превенции лиц, перешагнувших черту закона по принципиально различным причинам.

В 2001 году в Москве была издана монография одного из крупнейших современных исследователей проблемы преступности несовершеннолетних Э.Б. Мельниковой, содержащая едва ли не первое комплексное исследование уголовно-правовых, криминологических и процессуальных вопросов противодействия процессам криминализации в подростковой среде. Анализируя исторический опыт реформирования российской правовой системы в части реализации ювенальной политики, автор справедливо отмечает, что начало подобного реформирования берет свое начало в 60-е годы XIX столетия и основывается на идее специализации и индивидуализации мер наказания, профилактики и предупреждения преступлений несовершеннолетних, что фактически совпадает с высказанными видными учеными-юристами теориями [12, с. 33]. Подобное

совпадение позволяет предположить, что идеи российской юридической профессуры послужили стимулом к государственному реформированию. Мысль о приоритете предупреждения перед наказанием и осознание необходимости специализации органов и учреждений, вовлекаемых в процесс исправления криминализованных подростков, в полной мере нашли свое отражение в конкретных мерах, предпринятых отечественным законодателем в последующие десятилетия.

Учитывая сказанное, даже простое рассмотрение законодательных актов в сфере предупреждения преступлений несовершеннолетних, принятых во второй половине XIX века, способно выявить ряд любопытных тенденций.

Так, в 1876 году был принят Устав «О предупреждении и пресечении преступлений» [13]. Данный нормативный документ предусматривал комплексный подход к профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Наибольшие обязанности и полномочия в этой связи были возложены на полицию, которой предписывалось попечение над детьми и подростками, как подверженными криминализации, так и не совершивших каких-либо противоправных деяний, выражаясь современным языком, в порядке общей превенции. В этом же ряду следует рассматривать и Положение «О негласном полицейском надзоре от 1 марта 1882 года [14], введившего обязанность осуществления негласного полицейского надзора («без испрошения разрешения») за студентами, исключенными из высших учебных заведений, как потенциально опасных для общества лиц.

Говоря о мерах частной превенции, следует отметить, что правовое реформирование не обошло стороной и эту сферу. Так, с начала судебной реформы Александра II отмечается начало оформления полноценного правового статуса несовершеннолетних в уголовном законодательстве, что проявлялось, прежде всего, в специализации применяемых к ним мер. Анализ законодательных изменений в этой части показывает, что законодатель достаточно быстро согласился с представителями правовой науки относительно ключевой роли индивидуализации и специализации принудительных мер, применяемых в контексте предупреждения преступлений несовершеннолетних.

В этой связи в 1864 году был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [15], предоставивший суду полномочия по замене отдельных видов наказаний, применяемых к несовершеннолетним, на такую меру, как направление в воспитательно-исправительные заведения. Подобную новеллу вполне можно считать, своего рода, прообразом современных принудительных мер воспитательного воздействия. Кроме того, сфера дискреционных полномочий суда значительно расширилась, путем предоставления права вместо заключения в тюрьмы отправлять совершивших преступления подростков в исправительные приюты для так называемого «нравственного исправления», что должно было обеспечивать предупреждение совершения ими новых преступных посягательств. Подобные исправительные приюты были вскоре учреждены с изданием Закона «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» от 5 декабря 1866 года [16].

Указанные изменения, произошедшие в отечественной правовой системе, свидетельствуют, прежде всего, об учете законодателем достижений прогрессивной юридической науки. Уход от карательного характера правосудия в отношении несовершеннолетних к перспективным мерам профилактики соответствовал упомянутым выше причинам и условиям, обусловившим повышение криминальной активности несовершеннолетних во второй половине XIX века. В этой связи, не останавливаясь на достигнутом, отечественными учеными были предложены новые, не менее прогрессивные для своего времени меры.

Так, неоднократно упомянутый в настоящей статье Н.С. Таганцев своей работе о проблеме ответственности и исправления подростков, изданной в 1871 году, когда уже можно было подводить первые итоги эффективности нового вектора государственно-правовой политики по предупреждению преступлений несовершеннолетних, сформулировал комплекс предложений по реформированию действовавшего на тот момент

законодательства. Так, автор предлагал продолжить политику специализации учреждений и органов, вовлекаемых в процесс уголовного преследования, наказания и исправления несовершеннолетних преступников; говорил о недопустимости привлечения к ответственности лиц младше 12-летнего возраста, признавая возможность применения отдельных воспитательных мер с 10 лет; указывал на недопустимость объединения разнородных по степени своей опасности групп несовершеннолетних в тюрьмах и исправительных приютах, что не соответствовало целям предупреждения преступлений данной категории лиц, поскольку давало возможность подросткам обмениваться порочным опытом [17, с. 121-124]. В целом, можно констатировать, что Н.С. Таганцев выступал последовательным сторонником идеи расширения свободы судебного усмотрения, а также активным апологетом идеи специализации и дифференциации мер по предупреждению преступлений несовершеннолетних.

И снова ученый-юрист был услышан законодателем, поскольку принятый 2 июня 1897 года Закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости» [18], который увенчал эпоху реформирования государственно-правовой политики России по предупреждению преступлений несовершеннолетних второй половины XIX века, практически в полной мере транслировал идеи великого юриста.

Данный нормативный документ официально закрепил высказывавшиеся ранее предложения, предусмотрев всесторонние меры, обеспечивающие несовершеннолетним особое место в процессе уголовного преследования. В частности, впервые в истории отечественного правопорядка на законодательном уровне регламентировалось участие законных представителей несовершеннолетних в судебном разбирательстве. Кроме того, предусматривались принципиально новые меры пресечения, применяемые к несовершеннолетним (ответственный надзор, заключение в отделение при исправительных колониях и т.п.). Продолжая политику специализации и дифференциации применяемых к несовершеннолетним мер, закон 1897 года закреплял идею отказа от карательной направленности уголовного процесса в отношении несовершеннолетних, отчетливо придавая ему воспитательный характер, что достигалось посредством установления значительных процессуальных гарантий, декларирования нежелательности либо невозможности содержания в местах лишения свободы несовершеннолетних совместно со взрослыми, а также использования для исполнения наказаний воспитательно-исправительных учреждений.

С учетом сказанного, к концу XIX века в Российской империи завершилось формирование нового направления государственно-правовой политики в отношении несовершеннолетних, отдающей приоритет мерам исправления, перевоспитания и, наконец, предупреждения преступлений, относительно наказания, как таковому. Законодатель явственно продемонстрировал в принимаемых нормативных актах понимание того, что профилактика и предупреждение преступлений несовершеннолетних способны дать гораздо больший результат, чем простое привлечение данных лиц к ответственности за содеянное, что, само по себе, является заведомо обреченной на неудачу борьбой с последствиями проблемы, но не ее решением. В этой связи особенно важным представляется то обстоятельство, что произошедшие в отечественной правовой системе анализируемого периода изменения имели фундаментальное научное обоснование. Законодатель не просто слышал ученых-юристов, но активно реализовывал их аргументированные предложения. Подобный диалог ученых с официальной властью представляется наиболее логичной и методологически верной формой государственно-правового реформирования, что позволяет с уверенностью утверждать о целесообразности применения такого опыта взаимодействия законодателя с представителями правовой науки и на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996.17 июня, № 25, ст. 2954.
2. Проект федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции». Внесен А.С. Автономовым, Н.Л. Хананашвили [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Антонян Ю.М. Предупреждение преступности несовершеннолетних. М.: Общество «Знание» РСФСР, 1982. 40 с.
4. Селезнева Н.А. Ответственность несовершеннолетних по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.08. М., 2004. 151 с.
5. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия / под общ. ред. ген.-майора Н.Н. Обручева / сост. офицерами Ген. штаба В.Ф. Де-Ливроном, бар. А.Б. Вревским, Н.Н. Мосоловым [и др.]. Санкт-Петербург: Военная тип., 1871. 922 с.
6. Харсеева О.В. Борьба с преступностью несовершеннолетних в России в середине XIX – начале XX вв.: Историко-правовое исследование (на материалах Курской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.01. М., 2007. С. 32.
7. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 144 с.
8. Дубоносова А.Э. Развитие идей предупреждения правонарушений несовершеннолетних в правовой мысли России (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.01. М., 2008. 25 с.
9. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обозрением русских учреждений. Киев: Тип. Завадского. 1878. 231 с.
10. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М.: Университетская типография, Страстной бульвар., 1905. 203 с.
11. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 144 с.
12. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2001. 270 с.
13. Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1876 г. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1876. 96 с.
14. Положение от 1 марта 1882 г. «О негласном полицейском надзоре» // Развитие организационно-правовых основ управления полицией России в XVIII – начале XX в.: учебное пособие / под ред. Р.С. Мулукаева. М., 2002. 198 с.
15. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв. Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8. М., 1991. 679 с.
16. Закон Российской империи от 5 декабря 1866 г. «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XII. Отделение второе. СПб.: Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1868. 68 с.
17. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 144 с.
18. Закон Российской империи от 2 июля 1897 «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости» // Новый закон о малолетних и несовершеннолетних преступниках. М., Издание Юридического книжного магазина А.Ф. Сорова, 1897. 16 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Дмитрий Юрьевич. Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; уголовная политика; ювенальная юстиция; предупреждение преступлений; исправление и перевоспитание подростков.

УДК 343.2

Подчерняев А.Н.

К ВОПРОСУ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ ОБОРОТА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В статье раскрываются основные механизмы мошеннических действий с участием автомобилей, или направленных на завладение ими. Автор актуализирует проблему обмана в ходе сделок в отношении транспортных средств, рассуждает о возможной квалификации таких преступлений. Уделено внимание обману покупателей автомобилей, в части касающейся сведений о пробеге транспортного средства, его техническом состоянии и безопасности, совершению сделок посредниками или не первыми собственниками. Автор приводит примеры мошенничества, связанного с реализацией транспортных средств, находящихся в залоге кредитных организаций, а также в собственности лизинговых компаний. Классифицированы наиболее распространенные способы легализации криминальных автомобилей. Автором также предпринята попытка систематизировать мошенничество с автомобилями в страховой сфере. Сформулирован вывод о распространенности мошенничества в сфере оборота транспортных средств и его причинах.

Современные коммуникативные процессы демонстрируют ряд тенденций, среди которых использование средств передвижения является важнейшим условием поддержания взаимодействия как отдельных граждан, так и государственных и частных институтов. Очевидно, что в современном мире границы районов, округов, городов, стран весьма условны. Сегодня трудно представить себе жизнь без личного или общественного транспорта, а деятельность коммерческих структур, большинства государственных организаций напрямую зависит в той или иной степени от трафика транспортных средств, возможности реализовывать оперативное передвижение грузов и людей в различных масштабах.

Не удивительно, что во многих семьях сегодня имеется автомобиль, а многие лица, его не эксплуатирующие, стремятся к приобретению транспортного средства. В крупных регионах на 1 тыс. населения зарегистрировано в среднем 300 машин. Автопарк и далее будет расти [1]. Подогревают спрос и широкий спектр предложений на рынке от премиальных авто до автомобилей бюджетного сегмента, а финансовую поддержку стремятся оказать кредитные учреждения, лизинговые компании. Высокий спрос сохраняется и на автомобили с пробегом.

Очевидно, что с учетом высокой стоимости большинства транспортных средств, при одновременном спросе на них, автомобили зачастую становятся предметом преступного посягательства. Автомобилизация порождает неблагоприятные явления, среди которых не только высокий уровень дорожно-транспортных происшествий, но и

значительный уровень «автомобильной» преступности [2]. Нередко машины становятся инструментами мошеннических схем, с помощью которых злоумышленники совершают хищения денежных средств потенциальных покупателей, продавцов, или страховых компаний. Таких схем существует достаточно много, однако не всегда действия преступников по тем или иным основаниям квалифицируются по статьям Уголовного кодекса РФ, высока и доля латентных преступлений, когда недобросовестные действия дельцов не привлекают внимания правоохранительных органов в силу сложившейся правоприменительной практики.

Интересно, что последние изменения уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения отвечают вызовам сегодняшнего дня и учитывают грубые нарушения правил дорожного движения [3]. Система дорожно-транспортных преступлений претерпела ряд изменений, связанных как с редактированием их диспозиций, так и с корректировкой санкций [4]. Подобные меры в отношении обеспечения безопасности дорожного движения носят своевременный характер, и закладывают прочные предпосылки к снижению уровня правонарушений на дорогах страны [3]. При этом противоправная деятельность, связанная с оборотом транспортных средств, остается без существенного внимания законодателя. Отсутствует в ряде случаев и единая правоприменительная практика. Сказанное, позволяет сформировать мнение об акцентах современной уголовной политики. Признание того или иного деяния настолько общественно опасным и распространенным, что возникает потребность во введении государственного принуждения в отношении лиц, его совершающих, выбор таких мер, которые бы гарантировали реальную безопасность от подобных посягательств, носят уголовно-политический характер [5].

Представляется, мошенничество в сфере оборота транспортных средств следует признать одной из тенденций современной преступности. При этом обобщения судебной практики на уровне Верховного Суда РФ не сформировано, несмотря на обилие преступных схем, а также сложностей доказывания как факта совершения самого преступления, так и виновности в них фигурантов. Вообще, мошенничество в правоприменительном аспекте, по мнению многих экспертов, является сложным составом.

В этой связи, интересно рассмотреть существующие способы обмана, в которых, как уже отмечалось, транспортные средства выступают в качестве предмета посягательства или средства обмана. Конечно, авторская позиция, изложена в данной публикации всего лишь попытка систематизировать мошенничество в сфере оборота транспортных средств, при этом уровень дискуссионности по предложенной теме достаточно высок.

Наиболее часто недобросовестные действия продавцов транспортных средств выражаются в реализации транспортных средств с характеристиками, существенно отличающимися от заявленных. Существует целая индустрия по продаже автомобилей с пробегом, которые не отвечают официальным характеристикам продавца. Такие нечестные продажи совершают как частные лица, так и автосалоны, различные площадки по реализации транспортных средств.

Действительно, стоимость автомобиля с минимальным пробегом, без поставарийного ремонта, с исправными механизмами существенно выше машины с противоположными характеристиками. Неудивительно, что продавцы транспортных средств вводят в заблуждение потенциальных покупателей относительно характеристик своего товара.

До 50 % реализуемых транспортных средств предлагаются с измененными показателями одометра, попросту со скрученным пробегом, что способствует продаже автомобиля по завышенной стоимости, а доход от таких операций в условиях современного спроса и уровня цен измеряется в сотнях тысяч рублей. К сожалению, при всей очевидности обмана, в текущий момент действия таких злоумышленников остаются безнаказанными. Трудности, в основном, связаны с особенностями доказывания субъективной стороны мошенничества, что в таких случаях связано с доказыванием факта

обмана, заведомости представленных недостоверных сведений об автомобиле. Да и сделки в подобных случаях выглядят вполне легально, покупателю предоставляют товар для проверки, оценки, и принятия решения без какого-либо давления со стороны продавца. Иными словами, представленный способ обмана лежит в плоскости гражданско-правовых отношений. По крайней мере, до тех пор, пока не установлен умысел на хищения денежных средств покупателя за счет завышенной стоимости.

Стоимость автомобиля завышается и в случаях сокрытия от покупателя его исправности и (или) истории ремонтов узлов и агрегатов. Часто под видом исправных и целых автомобилей продаже подвергаются машины ранее бывшие в жутких авариях, фактически восстановленные из состояния, не пригодного к дальнейшей эксплуатации. Надежность кустарно отремонтированных узлов и агрегатов вызывает справедливое сомнение. Во многих случаях такие автомобили не имеют средств активной безопасности, имеющиеся подушки ранее срабатывали и не восстанавливались. При этом автомобиль также предоставляется к осмотру без каких-либо ограничений для покупателя. А достоверную информацию по окрасу и замене запасных частей продавец сообщать не обязан. В конце концов, предполагается, что автомобили с пробегом могут иметь историю ремонтов. Осознает это и будущий собственник. Существенным затруднением при попытке оценить такие действия как мошенничество может стать факт реализации автомобиля посредником или не первым собственником, когда истинную историю, произошедшую с автомобилем, продавец списывает на реального или первого собственника. При вскрытии факта обмана о текущем пробеге машины, производимых ранее ремонтов, и других свойствах автомобиля в процессе сделки, продавец, очевидно, заявляет о своей не информированности о данных обстоятельствах.

Более очевидны с точки зрения уголовно-правовой оценки, а значит, наказуемы мошеннические схемы по реализации автомобилей, не являющихся собственностью продавца, когда такое право инсценируется с помощью различных манипуляций. Рассмотрим такие ситуации.

Так, продавец может сбыть автомобиль, находящийся в собственности банка или другой кредитной организации в качестве залога по кредиту, подделав паспорт транспортного средства, или оформив его дубликат. Подобные действия чреваты изъятием автомобиля у покупателя в случаях уклонения собственника от погашения кредита. В таких случаях обман квалифицируется вполне обоснованно, а действия продавца оцениваются как мошенничество.

Например, при покупке дорогостоящего автомобиля в лизинг с минимальным первоначальным взносом, авто не ставится на учет на лизинговую компанию, являющуюся собственником. Информация об этой компании вытравливается из паспорта транспортного средства, поддельвается договор купли продажи, акт приемки, с указанием другого юридического лица. После этого автомобиль фиктивно продается еще одному юридическому лицу, затем физическому лицу, после чего реализуется добросовестному покупателю. После такой цепочки, доказать виновность недобросовестного лица крайне проблематично ввиду того, что в паспорт транспортного средства оно вписывалось вполне реально, никаких манипуляций с документами не проводило. При этом злоумышленники совершают хищение равное стоимости автомобиля за вычетом первоначального взноса, что может достигать по премиальным маркам нескольких миллионов рублей [6].

Нередко осуществляется продажа автомобиля, приобретенного ранее незаконно, и легализованного различными способами. Среди способов легализации существуют такие приемы как:

- использование легальных документов автомобиля, уже стоящего на учете (зарегистрированного) в Госавтоинспекции, владельцем транспортного средства, пришедшего в негодность;

- приобретение рамы автомобиля, его кузова или полностью разбитого транспортного средства с документами на него, для дальнейшего использования для легализации исправного транспортного средства, приобретенного незаконно;
- изготовление поддельного паспорта транспортного средства, договора купли-продажи, акта осмотра зарегистрированного за рубежом автомобиля (например, в республиках Беларусь, Казахстан) для постановки на учет в Госавтоинспекции.

В большинстве представленных обстоятельств преступники прибегают к изменениям маркировки транспортного средства, способы которой в научной и методической литературы хорошо освещены, и заключаются, как правило, в изменениях VIN номера, дублирующих табличек на кузове (раме) автомобиля или замены целой детали или ее части с располагающимся на ней номером. Сказанное характерно и для оборудования – двигателя, т.к. оно имеет идентификационный номер и проверяется при снятии и постановке авто на учет.

Как и в случае продажи залогового авто, реализация «кривого» автомобиля может свидетельствовать об обмане покупателя, а значит мошенничестве по ст. 159 УК РФ, однако в таких ситуациях возможна квалификация по ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем». Не исключена ситуация добросовестного заблуждения собственника об истории легализации своего автомобиля, предшествующей его владения им.

Изменение идентификационных данных возможно и в случае обмана, когда недобросовестный продавец реализует бывшее в дорожно-транспортном происшествии авто, восстановленное из двух транспортных средств, приобретенных легально, т.е. без признаков совершенного ранее хищения.

Представляют интерес правоохранительных органов и действия мошенников в сети интернет, когда транспортное средство выступает средством достижения преступного результата. Так, существуют преступные схемы, в которых злоумышленники сводят между собой продавца транспортного средства, разместившего объявление на том или ином популярном интернет-ресурсе по продаже автомобилей и покупателя потенциального автомобиля с пробегом. Мошенник выступает посредником и замыкает на себя общение с продавцом и покупателем, при этом вводятся в заблуждение и первый и второй, считая, что ведут переговоры с покупателем и продавцом соответственно. В такой схеме преступник может указать свой расчетный счет, на который будут зачислены средства на покупку автомобиля. Продавца автомобиля подбирают по реальному объявлению, прощупывая его несколькими благовидными звонками. Для привлечения покупателя используют фиктивное объявление о продаже машины с указанием своего контактного номера телефона.

Свое «почетное место» в рейтинге мошенничеств в сфере оборота транспортных средств занимают незаконные действия по необоснованному получению страховых выплат. Так, распространены ситуации, когда оформление дорожно-транспортного происшествия происходит после того, как оно реально случилась, вслед за оформлением страхового полиса. Такие мошеннические схемы используются автовладельцами, не имеющими на момент происшествия открытого страхового полиса.

В сфере страховых выплат существуют и другие способы мошенничества:

- инсценировка не существующего в реальности дорожно-транспортного происшествия с последующей выплатой на ремонт По ОСАГО или КАСКО;
- инсценировка хищения транспортного средства, с выплатой полной стоимости по КАСКО;
- инсценировка хищения деталей транспортного средства, в объеме, исключающем дальнейшую его эксплуатацию с выплатой полной стоимости по КАСКО.

Известный интернет портал «Drom.ru» опубликовал перечень наиболее распространенных случаев обмана в ходе купли-продажи автомобиля.

Так, например, если продавец уже после телефонного разговора, еще до осмотра машины, предлагает оставить задаток, то практически со стопроцентной вероятностью

на том конце телефона висит мошенник. Он всячески подталкивает человека отправить денежные средства на банковский счет, телефон или электронный кошелек в счет залога, мотивируя это необычайной выгодой предложения и обилием желающих приобрести его машину. Как правило, после перевода суммы задатка связь с продавцом пропадает. Такой вид мошенничества особо популярен у заключенных: ведь реального автомобиля и встречи с покупателем для осуществления махинации не требуется.

Если цена в объявлении значительно ниже рыночной, то, вероятно, покупателю предложат машину без документов или авто в неликвидном состоянии, собранное из нескольких битых машин. Однако, стоимость продаваемого автомобиля может быть немного ниже средней, и это, на первый взгляд, вполне можно объяснить срочностью продажи.

В случае договоренности сторон о сделке продавец предлагает оставить задаток и написать расписку. Расписка о получении денег пишется быстро, на эмоциях, и продавец как бы ненароком забывает указать цену продажи. После чего цена в объявлении мгновенно вырастает, и покупатель вынужденно стоит перед выбором: либо остаться без задатка, либо купить автомобиль по явно завышенной цене.

Автомобили с зарубежными номерами могут показаться привлекательным предложением по цене значительно ниже рынка. На первый взгляд, единственное видимое отличие от похожих, но более дорогих предложений, иностранные номера и зарубежный учет, причем в странах Таможенного союза. На самом же деле под красивым объявлением и заманчивым описанием скрывается целый комплект мошеннических уловок. Как правило, под видом «союзных» автомобилей, с использованием доверенностей и прочих «документальных» ухищрений, описанных в пункте выше, продаются машины-«распилы». Поставить на учет такую покупку и легально эксплуатировать ее не удастся.

Существует множество ловушек с документами. Значительная часть рисков исходит от так называемых «перекупов», т.е. частных лиц, по факту являющихся перепродавцами. Обычно они заранее готовят автомобиль от имени прежнего собственника, вплоть до подписи последнего. В отдельных случаях перекупщик может заполнить все документы сам и расписаться за продавца, что является незаконным. Так или иначе, юридическая чистота сделки, как правило, остается под вопросом, а покупатель несет значительные риски вплоть до ареста транспортного средства и потери уплаченных денежных средств.

Если третье лицо представляет продавца по доверенности, это полностью не освобождает от рисков и не гарантирует возможного отсутствия проблем. Доверенность вполне может быть поддельной, равно как и паспорта закрепленных в ней лиц.

У продавца на руках может иметься дубликат паспорта транспортного средства, выданный взамен утерянного. Особенно на это стоит обратить внимание в случае «срочной продажи» нового авто с околонулевым пробегом. Как уже отмечалось выше такой способ используется при реализации кредитных автомобилей [7].

Существуют риски и для продавцов автомобилей. Уже упомянутый интернет-ресурс «Drom.ru» так классифицирует возможные варианты обмана собственника транспортного средства.

Например, потенциальные покупатели машины предлагают заключить договор. Как правило, готовых документов у частного продавца не бывает. Этим и пользуются мошенники. В этой схеме важная деталь это пункт с условиями передачи автомобиля в договоре. В документах не сказано, когда продавец обязуется передать автомобиль покупателю и что будет являться доказательством этого. В автосалонах для этого обычно подписывают отдельный акт приема-передачи, но частные лица делают это крайне редко. Сделка состоялась, деньги у продавца на руках. Покупатель уехал на машине. Спустя время раздается звонок — покупатель просит переоформить автомобиль на его родственников или друзей. Казалось бы, продавец ничем не рискует: деньги все равно уже в кармане. Более того, в отдельных случаях мошенники и вовсе предлагают доплатить

за причиненные неудобства. Внимание притупляется еще и из-за спешки, которую всячески стимулируют покупатели.

Однако фамилии в первом и втором договорах разные. На переоформление приезжает только второй покупатель и сразу после подписания нового документа уничтожает первый документ, попросту демонстративно его выбрасывает. Однако на деле оказывается, что это не более чем копия. Когда же подпись второго покупателя поставлена, возвращается первый и требует передать ему автомобиль, апеллируя к первому договору. Позже появляется и второй покупатель, а вместе они давят на продавца, обвиняя его в мошенничестве продажа одного автомобиля двум лицам. Фигуранты требуют вернуть деньги, угрожая обращением в полицию.

Нередко продавцу звонит мошенник, готовый, по его словам, приобрести предлагаемый автомобиль. Проблемой является лишь то, что на данный момент покупатель якобы находится в командировке, живет в другом регионе или не обладает нужной суммой. Но ради автомобиля он готов внести крупный залог на карту автовладельца. Однако банк налагает ограничения на максимальную сумму разовых операций. Впрочем, мошенник заявляет, что знает, как их обойти, но для этого ему необходимы данные карты и паспорта владельца. Ну а после завершения операции продавец для подтверждения перевода должен передать специальный пин-код, который приходит в виде sms-сообщения на телефон держателя карты. После таких манипуляций мошенник получает полный доступ к карте и ее содержимому. Если деньги с банковской карты не спишут сразу, спустя время есть риск получить уведомление из банка с требованием внести платеж по кредиту и санкциях за просрочку. Мошенники нередко имеют связи в банках или кредитных организациях и работают в сговоре с их сотрудниками [7].

Не менее известный среди автолюбителей журнал «За рулем» представил в своей публикации еще один способ противоправного завладения транспортным средством. Большинство владельцев автомобилей продает их самостоятельно, не прибегая к услугам посредников. Так, например, автовладелец размещает объявление на интернет-площадках. При этом, проводит отбор покупателей по собственным критериям. Наконец такой покупатель появляется, не похож на перекупщика, внимательно осматривает автомобиль, задает вопросы, торгуется. Вроде все в порядке и можно ударить по рукам. Затем на месте составляется договор купли-продажи, и покупатель готов передать деньги. Чтобы владелец продаваемого автомобиля не сомневался, покупатель предлагает прямо при нем снять деньги с карточки в банкомате. Продавец окончательно успокаивается, т.к. банкомат не выдаст фальшивые купюры. При снятии денег человек прикрывает банкомат телом чтобы никто не узнал PIN-код от карточки, затем продавец передает деньги, чаще всего прямо в холле банковского отделения. Продавец пересчитывает. Быстро подписывается договор, покупатель уезжает на автомобиле.

Однако, затем оказывается, что практически все купюры фальшивые. Потерпевший узнает об этом в магазине или банке. Таким способом криминальные элементы задействовали на рынке продажи подержанных автомобилей трюк, который раньше использовался у обменников. Ловкачи подменяют настоящие купюры на фальшивые. Причем на черном рынке именно пятитысячные считаются наиболее схожими с оригиналом [8].

Таким образом, обман в сделках с автомобилями распространен, однако далеко не всегда оценивается как состав преступления. При этом сфера оборота транспортных средств была и остается привлекательной для совершения мошенничества, появления новых приемов в арсенале преступников. Вообще, мошенники, пользуясь пробелами законодательства и правоприменительной практики, модернизировали свои методы отъема денег у добропорядочных водителей. Мошенники при помощи нехитрых психологических приемов манипулируют поведением жертвы, подсознательно внушая, что перед вами честные и порядочные люди. При этом наиболее действенными приемами являются эксклюзивность сделки – привлекательная стоимость автомобиля, а также вынужденная поспешность в принятии решения о приобретении машины [7]. Залогом

предотвращения негативных последствий может быть здравый расчет и взвешенное решение покупателя. А со стороны правоохранительных органов оперативная реакция по оценке новых мошеннических схем на рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заседание президиума Госсовета по вопросам безопасности дорожного движения 14 марта 2016 года в г. Ярославле [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51506>.
2. Подчерняев А.Н. Транспортное средство как предмет преступного посягательства // Закон и право. 2018. № 3. С. 81.
3. Подчерняев А.Н. Состояние безопасности дорожного движения: уголовно-правовой анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 3 (80). С. 93.
4. Баранчикова М.В. Принцип справедливости уголовной ответственности в деятельности по противодействию дорожно-транспортной преступности // Наука и практика. 2016. № 1(66). С. 20.
5. Цепелев В.Ф. Уголовно-политическая обусловленность уголовного законодательства [Электронный ресурс] // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Mercedes G63 AMG и обман года!!! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZffwYgx6SOc>
7. Тресков В.И. Осторожно: мошенничество! Как защитить себя и своих близких [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты». 2018. Выпуск 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Жулье у банкомата: как кидают при продаже машины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zr.ru/content/articles/916732-kak-pri-prodazhe-ostatsya-bez-m/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Подчерняев Александр Николаевич. Начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: мошенничество; транспортное средство; реализация автомобилей.

УДК 343.2

Семенов В.Р.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

Настоящая статья посвящена уголовно-правовому анализу состава нарушения неприкосновенности жилища. Актуальность статьи определяется значительным количеством осужденных за данное преступление. В статье рассмотрены особенности основных и факультативных признаков объекта и объективной стороны состава, дано толкование субъекту преступления. Также статья содержит авторское мнение относительно вопросов квалификации нарушений неприкосновенности жилища.

Неприкосновенность жилища является одним из ключевых конституционных прав человека, за нарушение которого лицо будет подлежать уголовной ответственности [1]. Уголовно-правовые меры в ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации направлены на противодействие нарушениям конституционного права каждого человека на неприкосновенность своего жилища и распоряжении им по своей воли. Данная норма гарантирует защиту интересов лица на использования своего жилого помещения, которое в свою очередь является составной частью личной жизни человека.

Уголовное дело о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса РФ, является в соответствии с ч. 3 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации делом частно-публичного обвинения и возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшего [2].

К признакам права на неприкосновенность жилища следует отнести: не отчуждаемость; приобретается на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества либо путем наследования; доступ и нахождение в жилище возможно только с согласия проживающих в нем; нарушение права на неприкосновенность жилища можно только при наличии указанных в законе оснований; нарушение права на неприкосновенность жилища влечет уголовную ответственность.

Уголовная ответственность по статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации, наступает только в случае, когда виновным лицом осуществляется несанкционированное вторжение в частную собственность (дом, квартиру либо иное жилое помещение) без согласия на то проживающих в жилище людей. Против воли лица, то есть, не учитывая согласие и выбор, которые затрагивают вопрос о нахождении посторонних лиц на территории собственника или иного законно проживающего в жилище лица, что повлекло прямое нарушение прав и свобод человека.

Основной состав незаконного проникновения в жилище содержится в части первой соответствующей статьи и не включает в себя обстоятельства, которые повышают или снижают общественную опасность деяния. Непосредственный объект данного преступления - общественные отношения, охраняющие право на неприкосновенность жилища. Предмет преступления является составной частью объекта. Включает в себя, как правило, предметы материально-внешнего мира либо интеллектуальные ценности, на которых направленно уголовно-наказуемое посягательство. Предметом преступления по статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации выступает жилище. Потерпевший – правовой статус человека, которому был причинен вред или угроза причинения такого вреда посредством преступного посягательства. Потерпевшим по статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации являются лица, проживающие в жилище на законных основаниях. К ним относятся: собственники данного жилого помещения, имеющие документы подтверждающие их имущественные права; лица, находящиеся в жилом помещении по воли собственника; лица, вселенные в жилое помещение по воли собственника.

Состав преступления является формальным, то есть по конструкции объективной стороны, преступление считается оконченным с момента совершения преступного действия, описанного в диспозиции статьи 139 Уголовного кодекса Российской Федерации. Общественно опасное деяние выражается в виде действия – проникновения, т.е. вторжения лица на территорию жилища. При этом проникновение должно быть иметь преступный характер. Виновное лицо должно иметь умысел на совершение рассматриваемого состава преступления. Существуют случаи вхождения в жилище, без получения фактического согласия жильцов, но не являющиеся общественно опасным деянием. Одними из ярких примеров являются: доставка почтовых отправлений или оказание медицинской помощи, цель посещения при таких обстоятельствах не носит противоправного характера [3].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него,

но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения [4]).

Отсутствие согласия собственника или иного проживающего лица на входение в жилое помещение так же является ключевым элементом преступления статьи 139 Уголовного кодекса Российской Федерации. Фактически, если вышеуказанное лицо по собственной воле дало свое разрешение на нахождение виновного у себя дома, то состав преступления, а именно нарушение неприкосновенности жилища, будет отсутствовать. Несогласие может быть выражено различными способами: вербальным, то есть словесное указание, требование или просьба; невербальным, то есть передача информации через образы, к ним относятся жесты, мимика, интонация; в виде запертой двери; в виде табличек, надписей и иных вещей материального мира, указывающих на недопустимость входения в жилище. При ограничении воли потерпевшего может существовать применение к нему физического или психического принуждения.

Место совершения преступления – жилище потерпевшего лица. Оно имеет особое социальное значение, так как является важным условием естественного существования человека, хранит в себе элементы личной, культурной, духовной и бытовой ценности для собственника. Способ проникновения в жилище, а именно совокупность приемов и методов, с помощью которых совершается преступление, для квалификации основного состава рассматриваемого преступления значения не имеет.

Субъект преступления – лицо, совершившее преступное посягательство и способное отвечать за свои деяния, а именно нести уголовную ответственность. Такое лицо должно обладать тремя критерия, наличие которые дает нам понять о том, что виновное лицо подлежит уголовной ответственности. К ним следует отнести: виновное лицо является физическим, то есть субъектом преступления может быть исключительно человек; возраст уголовной ответственности – период времени от рождения до момента совершения преступления (16 лет); вменяемость – лицо во время совершения преступления осознавало характер и общественную опасность своих действий и могло руководить ими. Что касается психического отношения лица к незаконному проникновению в жилище, то оно характеризуется исключительно виной в форме прямого умысла.

Правильная квалификация преступления при его расследовании существенно влияет на допустимость применения уголовно-правовых норм к конкретному субъекту преступления. Данный процесс значительно влияет на ход расследования и раскрытия преступления.

Квалификация преступлений – это установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Нарушение процесса квалификации преступления может повлечь квалификационные ошибки, которые, в свою очередь, нарушают основные принципы действия уголовного права. Рассматриваемый состав не является исключением в плане квалификационных ошибок, формально их следует поделить на три группы: ошибки, связанные с неверным избранием уголовно-правовой нормы к конкретному общественно опасному деянию; заблуждение относительно непризнания состава преступления там, где он имеет место быть; ошибочное признание наличия состава преступления там, где он отсутствует.

Первая группа ошибок. В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации содержится ряд норм, в которых описаны схожие с составом нарушения неприкосновенности жилища преступления. Данная проблема законодательной техники решается грамотным разграничением похожих норм в процессе правоприменения. Примером данного сходства составов является разграничение нарушения неприкосновенности жилища (статья 139 УК РФ) и незаконного лишения свободы (статья 127 УК РФ). Объективную сторону незаконного лишения свободы составляет противоправное оставление потерпевшего в месте его нахождения без возможности передвижения. При

этом виновное лицо может закрыть его в жилище. Отсюда, фактически применяется два состава преступления, так как имеются все необходимые для этого объективные и субъективные элементы. В рассмотренной ситуации содеянное квалифицируется по совокупности статей 139 и 127 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Также вызывает дискуссии разграничение незаконного проникновения в жилище и самоуправства (статья 330 УК РФ), которое состоит в наличии у последнего признака оспариваемого права у потерпевшего и виновного, а также обязательного причинения вреда. Соответственно данные составы различны по объективной стороне преступления.

Другую проблему квалификации растолковал Пленум Верховного суда Российской Федерации в своем постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [5]. Решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего кражу, грабеж или разбой, с признаком незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище, необходимо выяснить, с какой целью виновный оказался в помещении (жилище, хранилище), а также когда возник умысел на завладение чужим имуществом. Если лицо находилось там правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу, грабеж или разбой, в его действиях указанный признак отсутствует. В случае признания лица виновным в совершении хищения чужого имущества путем незаконного проникновения в жилище дополнительной квалификации по статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации не требуется, поскольку такое незаконное действие является квалифицирующим признаком кражи, грабежа или разбоя.

Еще одним интересным моментом квалификации состава нарушения неприкосновенности жилища является цель его совершения. Если лицо проникло в чужое жилое помещение ради совершения другого преступления, не связанного с хищением имущества (убийства, изнасилования, похищения человека), то лицо в таком случае совершает посягательства на общественные отношения, охраняемые разными, самостоятельными нормами. В таком случае, содеянное будет квалифицироваться по совокупности соответствующей части статьи 139 и статей, предусматривающих умышленное преступное деяние, совершенное виновным.

Вторая группа ошибок. Как правило, не правильное толкование уголовно-правовых норм может привести к непризнанию в действиях лица общественно опасного деяния, в нашем случае, незаконного проникновения в жилище. Эта ошибка оставляет нарушенное конституционное право на неприкосновенность жилища, не защищенным, а виновный не претерпевает за свой проступок справедливое наказание. Данная квалификационная ошибка может быть выявлена в надзорной инстанции, устранена путем возобновления производства по делу и более детального рассмотрения конкретного состава преступления.

Третья группа ошибок. Заключается в неправильном применении уголовно-правовой нормы к действиям лица, в которых нет признаков состава преступления. Может привести к неправомерному осуждению человека. Также подлежит обжалованию и пересмотру.

Мировым судьей установлено, что «гражданин 1», путем свободного доступа через входную дверь, незаконно проникла в жилище, против воли проживающих в нем лиц – «гражданин 2» и несовершеннолетнего «гражданин 3», нарушив гарантированное Конституцией Российской Федерации право на неприкосновенность жилища. Как следует из материалов уголовного дела, несовершеннолетние «гражданин 3» и «гражданин 4», выгуляв собаку «гражданин 3», поднялись к нему домой и проходя мимо квартиры «гражданин 1», плюнули на ее входную дверь, в связи с чем последняя пошла за ними и начала стучаться в дверь квартиры, где проживал «гражданин 3». Согласно показаниям осужденной «гражданин 1», после неоднократного ее требования открыть дверь, несовершеннолетний «гражданин 3» открыл дверь и когда он отступил на шаг назад, она сделала лишь шаг через порог для того, чтобы посмотреть, есть ли в квартире кто-либо

из взрослых. Узнав, что родителей нет дома, она попросила «гражданин 3» выйти из квартиры и вытереть ее дверь. Далее, взяв последнего за ворот одежды, вывела его из квартиры «гражданин 2» и повела к своей квартире.

Таким образом, судом установлено, что действия «гражданин 1» были вызваны тем, что несовершеннолетние «гражданин 3» и «гражданин 4» плюнули на ее входную дверь, поэтому она хотела поговорить с родителями детей об их поведении, в связи с этим она переступила порог квартиры. При таких обстоятельствах, действия «гражданин 1», хотя формально и содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации, но в силу малозначительности не представляют общественной опасности, в связи с чем суд, вправе прекратить уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3].

В данном случае можно увидеть формальный подход к признанию лица виновным в совершении преступления без учета малозначительности совершенного деяния.

«Мой дом – моя крепость» – это выражение принадлежит английскому юристу XVII в. Эдуарду Коку. Значение данной цитаты предельно простое, она заключается в том, что каждый человек должен чувствовать себя в безопасности находясь в своем доме. Порой жилье может хранить не мало личных и семейных тайн, которые собственник и (или) иное лицо, проживающее на данной жилой площади, раскрывать посторонним не собираются. Законодательство России закрепило в статье 25 Конституции Российской Федерации гарантию гражданам России на право неприкосновенности их жилища, а в статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации уголовную ответственность за нарушение данного права. Наличие статьи 139 в Уголовном кодексе Российской Федерации в значительной мере сдерживает и сокращает рост числа нарушений данного вида, которых могло бы быть гораздо больше при отсутствии данной нормы. Однако законодательство современной России требует дальнейшего совершенствования, так как общественные отношения находятся в постоянной динамике и им свойственно развиваться. А это значит, что развиваются новые способы и средства, используемые при преступных посягательствах. Проблема неприкосновенности жилища также напрямую зависит от уровня правовой культуры населения государства и желания граждан уважительно относиться к правам и свободам других лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелестюков В.Н. Уголовно-правовые средства обеспечения неприкосновенности жилища: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 4.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Сорокин А.И. Умышленное уничтожение или повреждение имущества и смежные составы преступлений // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 4 (77). С. 71.
4. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 5 сентября 2018 г. по делу № 44У-234/2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенов Владимир Ремович. Старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: преступление; уголовная ответственность; жилище; квалификация преступлений.

УДК 343.2

Гришин А.В., Волкова В.Р.

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье рассматриваются деятельность и роль защитника на разных стадиях уголовного судопроизводства. Дается краткая характеристика понятия защитника как участника уголовного судопроизводства, перечисляются моменты, с которых, согласно УПК РФ, защитник допускается к участию в производстве. Проводится анализ положений уголовно-процессуального законодательства, касающихся деятельности защитника на судебных и досудебных стадиях уголовного процесса.

Защитник является одним из наиболее важных участников уголовного судопроизводства, обеспечивающим защиту прав обвиняемого и подозреваемого в процессе их привлечения к уголовной ответственности. Часть 1 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляет: «Защитник - лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу» [1].

Защитник допускается к участию в производстве:

- 1) с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- 2) с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- 3) с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления [2];
- 4) с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ;
- 5) с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- 6) с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления;
- 7) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ.

Чтобы более детально рассмотреть защитника как субъекта уголовного судопроизводства, необходимо проанализировать историю становления данного института.

В период Древней Руси судебный процесс носил обвинительно-состязательный характер, обязательными фигурами являлись истец и ответчик, участие защитника таких процессах не предполагалось. Институт адвокатуры начал зарождаться в Среднике века. Прообразом современных адвокатов являлись поверенные, упоминание о которых имеется в некоторых документах того времени (Псковской судной грамота (1397-1467 гг.), Судебниках 1497, 1550, 1589 гг., Новгородская судная грамота (1471 г.).

Впервые термин «адвокат» был закреплен в Воинских уставах Петра I, однако их существование по-прежнему оставалось весьма условным. Елизавета Петровна в указе 1752 г. и вовсе поставила деятельность адвокатов вне закона.

В полном объеме действовать институт адвокатуры начал лишь в 1864 году после проведения Судебной реформы. Их деятельность была строго регламентирована Судебными Уставами. К присяжным поверенным были установлены определенные требования, среди которых минимальный возраст – 25 лет, наличие высшего образования в области правоповедения, российское гражданство и др.

Среди самых знаменитых адвокатов того времени можно выделить Ф.Н. Плевако и А.Ф. Кони. Это люди, обладающие высокими познаниями в области юриспруденции, имеющие смекалку и хорошо поставленную речь, именно поэтому, многие до сих пор считают их «иконами» отечественной адвокатуры, а на речах их выступлений обучаются будущие юристы.

Следующим переломным моментом в деятельности института адвокатуры стала Революция 1917 года. Большевики упразднили всю существующую до этого времени судебную систему, не обошли эти изменения и рассматриваемый институт. В марте 1918 г. Декретом предписывалось сформировать при местных Советах коллегии защитников, финансируемые государством. В ноябре 1918 г. было издано Положение о народном суде, где также затрагивался вопрос о положении защитников. В последующие годы советской власти было принято немало документов, касающихся адвокатской деятельности. В настоящее время деятельность адвокатов основывается на Федеральном законе, принятом в 2002 году. Институт адвокатуры прошел немало преобразований за историю своего существования, а в настоящее время он направлен на максимальную защиту представляемого им лица.

Целью защитника является выявление обстоятельств, способствующих смягчению возможного наказания, полному освобождению от уголовной ответственности, иными словами, оправдывающих подозреваемого или обвиняемого.

Защитник может оставаться безразличным к установлению истины, однако он не имеет право занимать позицию, противоречащую интересам своего подзащитного, поддерживать обвинение или соглашаться с ним в случае, когда сам обвиняемый свою вину не признает. Несмотря на то, что защитник выступает в качестве самостоятельного участника, все свои процессуальные действия он должен согласовывать с лицом, защиту которого он осуществляет, учитывать его мнение. Вместе с тем защитник обязан отстаивать только законные права подозреваемого (обвиняемого) и только законными средствами и способами, которые нашли отражение в его полномочиях (ст. 53 УПК РФ).

В настоящее время многие институты уголовно-процессуального права в Российской Федерации нуждаются в совершенствовании [3]. Действующая редакция УПК РФ достаточно полно предусматривает участие защитника в уголовном судопроизводстве. Положения ст. 50 УПК РФ регламентируют порядок приглашения, назначения и замены защитника, а также оплаты его труда. В соответствии с действующими нормами, защитник может быть приглашен как самим подозреваемым (обвиняемым) или другими лицами по его поручению или с его согласия, либо же участие защитника обеспечивается по просьбе подозреваемого (обвиняемого) следователем (дознавателем) или судом. Количество приглашенных защитников также не нормировано, некоторым вполне достаточно участника одного защитника, кто-то же привлекает к участию в уголовном судопроизводстве по 5-6, а то и больше.

Оплачивает участие защитника сам подозреваемый (обвиняемый) или его близкие, в случаях, когда деятельность осуществляется на основании договора. Если же адвокат участвует по назначению, его деятельность оплачивается из средств федерального бюджета. Однако данная сумма будет относиться к процессуальным издержкам, и будет взыскана с осужденного.

Также УПК РФ закрепляет как случаи обязательного участие защитника в уголовном судопроизводстве, так и возможность отказаться от него. При этом отказ не означает, что подозреваемый или обвиняемый больше не смогут обратиться к помощи защитника. Ходатайствовать как об отказе от защитника, так и о допуске защитника подозреваемый (обвиняемый) может неограниченное количество раз в течение всего времени уголовного судопроизводства.

Защитник играет важнейшую роль в обеспечении прав подзащитного, в связи с этим он может привлекаться к исполнению своих полномочий с самого начала производства по делу.

Защитник имеет право на свидания со своим подзащитным без ограничения их продолжительности и количества, в том числе и до первого допроса подзащитного. Это позволяет защитнику и подзащитному определить тактику поведения, выстроить определенную линию защиты. Кроме того, законодатель дает гарантии на защиту подозреваемому (обвиняемому) путем наделения защитника права участвовать в допросе и иных следственных действиях, проводимых с участием его подзащитного, а также закрепления положения о том, что, если данные следственные действия были произведены без участия защитника, полученные в ходе них доказательства являются недопустимыми.

Во время производства следственных действий и в присутствии следователя защитник вправе давать подзащитному краткие консультации, с разрешения следователя задавать вопросы, знакомиться с материалами уголовного дела, делать письменные замечания по поводу полноты и правильности записей в протоколе. Однако на практике защитник зачастую использует это право немного в другом ключе, преждевременно отвечая на вопросы, задаваемые подзащитному, что только усложняет проведение допроса.

Защитник имеет право на ознакомление с материалами следственных действий и всего уголовного дела в целом. Осуществить данное право защитник может путем прочтения, выписывания или копирования с помощью технических средств, однако за счет своих средств. Однако мы согласны с мнением, согласно которому указанные расходы было бы целесообразно отнести на счет судебных издержек, взыскиваемых с подзащитного (осужденного) [4].

Одним из важных моментов является то, что на практике на стадии производства по делу защитнику зачастую отказывают в ознакомлении с постановлением о возбуждении уголовного дела. Аргументируется это, во-первых, отсутствием четкого указания на данное право в ст. 53 УПК РФ, во-вторых, тем, что уголовное дело было возбуждено не в отношении конкретного лица, а по факту совершения преступления.

Как известно, производство по делу ведется на основании принципа состязательности сторон. Однако по поводу его практической необходимости возникают споры. Например, Н.П. Кузнецов отмечает, что данный принцип, «благодаря разделению процессуальных функций и равноправности сторон, стимулирует стороны наиболее активно отстаивать свою позицию, в результате чего возникает полемика, спор, в ходе которых устанавливаются обстоятельства уголовного дела» [5]. Существует и противоположная точка зрения. Так, О.Я. Баев пришел к выводу, что осуществление данного принципа приводит только к противодействию производства по делу, затягиванию и усложнению процесса [6]. Анализируя современную ситуацию, необходимо отметить, что точка зрения О.Я. Баева имеет практическое основание, так как зачастую субъектом противодействия установления истины является защитник лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Принцип состязательности сторон, в первую очередь, должен обуславливать появление спора, в котором рождается истина, между стороной обвинения и стороной защиты, под которой, в первую очередь, подразумевается защитник. Несмотря на то, что деятельность защитника направлена «против» деятельности стороны обвинения,

его противодействие должно основываться на началах законности и этической допустимости.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что деятельность защитника уже на досудебном производстве зачастую играет определяющую роль в дальнейшем расследовании дела, применении мер пресечения и, соответственно, в объеме предъявленного обвинения.

Защитник принимает участие в рассмотрении дела на различных стадиях судебного производства.

Так, на стадии предварительного слушания суд рассматривает жалобы защитника, результаты, разрешения которых затем отражаются в постановлении судьи, завершающем предварительное слушание. На этой стадии защитнику предстоит выполнить ряд задач: основываясь на материалах уголовного дела и на имеющихся у защитника доказательствах выработать свою позицию по обвинению, согласовать ее с подзащитным, завершить собирание доказательств и определить порядок их исследования. Наибольшей эффективности защитник в своей профессиональной деятельности может достичь, предоставив суду все имеющиеся у него доказательства, тем самым четко обозначив перед судом свою позицию по обвинению подзащитного.

Следующая стадия – судебное следствие – играет, пожалуй, ключевую роль в принятии решения судом по данному уголовному делу. Суд с участием сторон исследует представленные ими доказательства, что имеет решающее значение в формировании внутреннего убеждения судей по всем вопросам, подлежащим обсуждению при постановлении приговора в совещательной комнате.

Ст. 274 УК РФ определяет порядок представления доказательств, который суд не вправе изменять. Так, право на первоочередное представление доказательств имеет сторона обвинения, и только после – сторона защиты. При этом каждая сторона самостоятельно определяет порядок представления своих доказательств. И.Б. Михайловская отмечает, что в таком закреплении порядка представления доказательств проявляется правило «благоприятствования защите» [5]. Данное правило, в свою очередь, проявляется в правах, позволяющих стороне защиты полно и всесторонне отстаивать свою позицию – например, защитник в праве первым допрашивать вызванных по его инициативе свидетелей и экспертов, подсудимый может в любой момент судебного следствия давать показания и т.д.

Защитник для осуществления своей деятельности должен использовать средства и способы, не запрещенные УПК РФ, иными словами, следовать определенным тактическим приемам. К примеру, защитник в ходе судебного заседания может заявлять различного рода ходатайства (об истребовании вещественных доказательств, о вызове свидетеля, т.д.). При этом он должен знать, когда наиболее целесообразно заявить то или иное ходатайство, подкрепляя это понятными всем участникам судопроизводства доводами. Кроме того, любой тактический прием, используемый защитником, должен быть законным и научно обоснованным.

Помимо этого, в полномочия защитника в ходе судебного следствия входит не только предоставление суду новых доказательств, свидетельствующих о невиновности подсудимого или смягчающих его вину, но и активное участие в исследовании уже представленных сторонами доказательств. Последнее заключается, в первую очередь, в выявлении всех обстоятельств, благоприятных для подсудимого, способных подставить под сомнение все содержание обвинения или его часть, даже в том случае, если подсудимый ранее согласился с предъявленным ему обвинением. Огромную помощь такой деятельности защитника оказывает презумпция невиновности, закрепленная в ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ.

При выборе очередности исследования доказательств защитник должен отталкиваться от следующих обстоятельств:

1. какие доказательства имеются у защитника, каково их количество, на какие виды их можно подразделить и т.д.;

2. на какие обстоятельства указывают имеющиеся доказательства;
3. имеются ли какие-либо пробелы либо противоречия в доказательствах со стороны обвинения, каков оказался результат их исследования;
4. когда подсудимый и потерпевший изъявили желание дать показания (ч. 3 ст. 274 УПК РФ, ч. 2 ст. 277 УПК РФ).

На стадии прения сторон защитник также выполняет важные функции. Целью его деятельности на данной стадии становится убеждение суда в том, что представленные им доказательства действительно подтверждают обстоятельства, на которые он ссылается в качестве фактов, оправдывающих подсудимого, а также опровержение доказательств, представленных стороной обвинения, убеждения суда в недоказанности обстоятельств, приводимых в качестве аргумента этой стороной.

Содержательная часть деятельности защитника на данной стадии выражается в форме выступления с речью. В соответствии с положениями ч. 6 ст. 292 УПК РФ каждый участник обеих сторон может выступить с репликой после окончания прений сторон. При этом право последней, подытоживающей, реплики принадлежит стороне защиты – подсудимому и защитнику.

Для защитника ключевой задачей данной стадии является изложение позиции по делу, выработанной еще до начала судебного разбирательства, доказанной в ходе него и, возможно, скорректированной, согласованной с подзащитным. Основой выступления защитника должны стать фактические обстоятельства дела и правовое требование, направленное к суду. Кроме того, защитник должен не упустить ни один довод со стороны обвинения, проанализировав его и нейтрализовав с помощью аргументов, доказывающих невиновность подзащитного, смягчающих его вину, а возможно, и вызывающих чувство сострадания, желание понять и помочь.

Защитник может выступать в качестве представителя доверителя в исполнительном производстве, что регламентируется ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [7]. Согласно ст. 57 данного нормативного правового акта представители сторон исполнительного производства вправе совершать от их имени все действия, связанные с исполнительным производством, если иное не установлено настоящим Федеральным законом.

Подводя итог всему вышеуказанному, необходимо отметить, что основная цель защитника – максимальное смягчение или полное освобождение от уголовной ответственности и наказания представляемого им лица. В связи с принципом состязательности сторон защитнику предоставляется достаточно обширный комплекс полномочий, в том числе самостоятельно собирать доказательства в ходе судопроизводства. В современных реалиях наиболее качественную защиту обеспечивают адвокаты, работающие за вознаграждение со стороны представляемого лица, а не по назначению. Защитники заинтересованы в увеличении суммы своего гонорара, в связи с чем довольно часто прибегают к различным способам ведению «нечестной игры». Порой специально затягивают сроки предварительного расследования, особенно выгодно это в ситуациях, когда в отношении подозреваемого (обвиняемого) избраны такие меры пресечения, как домашний арест или заключение под стражей. Встречаются ситуации, когда защитники пытаются запугать или подкупить свидетелей, чтобы те, в свою очередь, изменили или вовсе отказались от своих показаний. Все это весьма затрудняет работу органов предварительного расследования, а также негативно сказывается на самой цели – установлении истины.

Таким образом, можно сделать вывод, что защитник является одной из ключевых фигур уголовного судопроизводства, так как благодаря его квалифицированной помощи и высокому профессиональному уровню возможно достижение баланса между сторонами обвинения и защиты, что в свою очередь, приводит к оптимальному отправлению правосудия. Деятельность защитника позволяет рассмотреть деяние, совершенное подсудимым, более детально, выяснить субъективные и объективные причины и, исходя из этого, вынести обоснованное решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 24.03.2021 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Семенов Е.А., Гришин А.В. Когда возможно повторное задержание лица в рамках одного дела // Уголовный процесс. 2020. № 6 (186). С. 68-73.
3. Гришин А.В., Селютина О.Г. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-процессуального права в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 9. С. 61-62.
4. Шувалов М.Н., Денисов Л.В. Права защитника на стадии предварительного расследования // Вестник ННГУ. 2017. № 3. С. 191-195.
5. Гаврилов Б.Я. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме: учебное пособие для среднего профессионального образования / Б.Я. Гаврилов, А.Н. Кузнецов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2019. 247 с.
6. Баев О.Я. Избранные работы (2012–2016 гг.) / Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 565 с.
7. Об исполнительном производстве: Федеральный закон Рос. Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ: ред. от 8 декабря 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришин Андрей Владимирович. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Волкова Валерия Руслановна. Курсант 4 курса факультета подготовки следователей.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: защитник; уголовное судопроизводство; процессуальная деятельность; УПК РФ; адвокат.

УДК 343.12

Гришина Е.Б.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Статья посвящена одной из форм предварительного расследования – сокращенной форме дознания. Данная форма дознания призвана сократить несоразмерные материальные затраты государства по расследованию преступлений небольшой и средней тяжести, предварительное следствие по которым необязательно. Автор освещает и анализирует проблемы, возникающие на практике при расследовании преступлений в сокращенной форме дознания и возможные перспективы совершенствования данного института уголовного процесса.

Проблемы дознания, на которых хотелось бы остановиться, далеко не новые. При этом неоднократные изменения закона не только их не разрешают, а наоборот, усугубляют.

Примерно та форма дознания, которая существует в современном уголовном процессе, впервые появилась в 1923 г. В тот период в связи с ростом преступности было принято решение передать расследование большинства уголовных дел из следственных подразделений в органы дознания, причем дознание производилось в тех же процессуальных формах, что и предварительное следствие.

Все уголовно-процессуальные кодексы советского периода предусматривали дознание в двух формах: по делам, по которым предварительное следствие обязательно и по делам, по которым предварительное следствие не обязательно. В последнем случае дознание осуществлялось в форме полного расследования и не отличалось от предварительного следствия [1].

В середине XX столетия развернулась острая дискуссия о целесообразности существования полного дознания. Известные ученые выступали за устранение этой дублирующей формы расследования. Тем не менее, несмотря на существенное сокращение перечня преступлений, по которым расследование проводилось в форме дознания до 19 составов, она была сохранена.

К сожалению, к концу XX века организационные и кадровые проблемы следственных подразделений вынудили вновь расширить перечень преступлений, по которым производилось дознание в полном объеме до 84 составов.

В период разработки УПК 2001 г. широко обсуждалась идея создания сокращенной формы дознания, которая бы значительно отличалась от предварительного следствия. Но законодательное воплощение этой идеи оказалось чрезвычайно неудачным. Сразу же после вступления в силу УПК 2001 г. выявились острее проблемы нового дознания:

- дознаватели не могли расследовать нераскрытые преступления, отнесенные к их компетенции;
- органы дознания не имели возможности продлить срок расследования;
- по общему правилу, в ходе дознания обвинение не предъявлялось, а в случае его предъявления в порядке исключения – расследование заканчивалось в форме предварительного следствия [2].

Особое значение в уголовном судопроизводстве занимает стадия предварительного расследования. В ходе последнего устанавливается весь круг обстоятельств, которые подлежат доказыванию. В ходе производства по уголовному делу, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, необходимо установить и причастность лица к совершению преступления, иными словами, его виновность.

Представляется, что заслуживает внимания установление указанных обстоятельств при производстве дознания в сокращенной форме, т.к. одним из условий применения по уголовному делу указанной формы расследования, согласно п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, является обязательное признание подозреваемым своей вины.

Положение указанной нормы было неоднозначно воспринято представителями юридического сообщества и стало предметом достаточного количества научных дискуссий.

Так, например, А.В. Смирнов пишет, что при производстве дознания в порядке гл. 32.1 УПК РФ уголовно-преследуемое лицо – подозреваемый признает свою виновность [3]. Н.Н. Ковтун считает, что обозначенный участник уголовного судопроизводства обязан признать свою вину безоговорочно [4]. В своем труде, посвященном дознанию в сокращенной форме, Е.Н. Арестова так же пишет о полном признании вины [5].

Анализируя мнения ученых-процессуалистов, в том числе и вышеуказанных, полагаем, что неоднозначное толкование положений п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ обусловлено ошибочным отождествлением двух понятий: «признание вины» и «признание виновности». Однако обращение к значению указных категорий становится очевид-

ным, что «признание вины» – это психологическое отношение лица к совершенному правонарушению и наступившим последствиям. В свою очередь «признание виновности» – это более широкое понятие, которое представляет собой оценку, данную по результатам установления всех обстоятельств уголовного дела, иными словами, обоснование признания лица виновным при рассмотрении уголовного дела по существу судом.

Весьма интересна позиция А.М. Панокина, который считает, что положения п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ в целом противоречит принципам уголовного судопроизводства. Он считает, что обозначенное требование «является неконституционным», потому как «противоречит принципу презумпции невиновности (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ)». Более того, по мнению данного ученого, это негативно влияет на качество производства по уголовному делу и препятствует проведению полного, всестороннего и объективного расследования [6].

С вышеобозначенной позицией сложно согласиться в связи с тем, что по окончании дознания в порядке гл. 32.1 УПК РФ не может быть установлена виновность лица, так как это не входит в компетенцию органов предварительного расследования.

А.С. Александров и М.В. Лапатников считают, что согласие подозреваемого может повлечь определенные злоупотребления со стороны участников со стороны обвинения. Так, авторы пишут: «...проведение дознания в сокращенной форме возможно только при наличии достаточных “доказательств”, обосновывающих подозрение в отношении конкретного лица» [7].

Выражая свое отношение к проблеме, Б.Т. Безлепкин совершенно обоснованно считает, что «признание подозреваемым своей вины имеет особое значение среди законных условий производства дознаний в сокращенной форме и образует главную предпосылку для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и для сокращения объема процессуальной деятельности по доказыванию» [8].

Таким образом, «признание вины» – это одно из составляющих условий, предусмотренного п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ. Данное понятие не тождественно «признанию виновности». Установление виновности, в соответствии с ч. 1 ст. 14 УПК РФ, не входит в полномочия органов предварительного расследования, а является прерогативой суда.

Как нам известно из закона, дознаватель после проверки наличия обязательных условий для производства дознания в сокращенной форме и отсутствия обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, рассматривает ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме и может принять одно из следующих решений: удовлетворить ходатайство и начать производство дознания в сокращенной форме; либо отказать в удовлетворении ходатайств

На данном этапе у И.С. Дикарева возникает вопрос по поводу принятия решения дознавателем об отказе в удовлетворении данного ходатайства: прежде всего, это неопределенность оснований принятия дознавателем решения по ходатайству подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме - понятие «обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме» можно трактовать как уравнение между «обстоятельствами, препятствующими производству дознания в сокращенной форме» и «обстоятельствами, исключающими производство дознания в сокращенной форме», а можно толковать расширенно и включать в их перечень не только перечисленные в ст. 226.2 УПК РФ, но и иных обстоятельства, препятствующие, по мнению дознавателя, производству дознания в сокращенной форме. Из этой проблемы он видит выход только в уточнении порядка отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме – например, в данные обстоятельства включить достаточные данные, указывающие на самооговор подозреваемого [9].

Обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме (п. 2 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ), не следует отождествлять только с обстоятельствами, исключающими производство дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

Дознаватель имеет право отказывать в удовлетворении ходатайства подозреваемого и в иных ситуациях:

1) когда он не убежден в причастности подозреваемого к совершению преступления (в том числе не исключает возможность самооговора);

2) в случае обязательного назначения судебной экспертизы, для производства которой потребуются длительные (превышающие отведенные на «сокращенное» дознание) сроки. Необходимо в частности, учитывать, что с 25 мая 2014 г. вступил в силу п. 3.2 ст. 196 УПК РФ (введен Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ), в соответствии с которым требуется обязательное назначение и производство судебной экспертизы для установления психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

3) если на момент заявления ходатайства подозреваемого в значительном объеме выполнены следственные действия и собранные доказательства достаточны для окончания предварительного расследования с обвинительным актом [10].

Вместе с тем наряду с дознанием и предварительным следствием объективно необходимо признать факт наличия сокращенной формы расследования по очевидным преступлениям небольшой и средней тяжести, расследование которых не представляет трудностей. Анализируя практику применения сокращенной формы дознания в Российской Федерации видно, что расследование в сокращенной форме дознания проходит по одному и тому же перечню уголовных дел. Причем их количество невелико и для решения вопроса об увеличении количества дел, рассматриваемых в сокращенной форме дознания, необходимо проанализировать данные сведения в органах дознания, а также других органах. Например, использование в оперативно - служебной деятельности сокращенной формы расследования дает возможность предотвратить возможность подозреваемого скрыться от органов внутренних дел.

Так, например, имеется практика выявления преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 314.1 УК Российской Федерации (направлено в суд 4 уголовных дела). Вместе с тем, по уголовному делу, возбужденному по ст. 314.1 УК РФ в отношении гражданина А. производство дознания приостанавливалось дважды в связи с розыском подозреваемого [11].

Исходя из личности подозреваемых по данному виду преступлений, можно предположить, что они будут скрываться от сотрудников полиции, в связи, с чем применение сокращенной формы дознания позволит избежать приостановления уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктом 2 части 1 статьи 208 УПК РФ в дальнейшем [12].

Приемлема данная форма расследования и для преступлений, в сфере незаконной миграции, так как свидетели данных преступлений – иностранные граждане, после выявления незаконного их нахождения на территории Российской Федерации, подлежат депортации, и в данной ситуации, дознание должно осуществляться в минимальные сроки.

В ряде субъектов Российской Федерации подразделениями дознания в сокращенной форме дознания расследовано от двух до шести преступлений, а в двух субъектах данный вид дознания вообще не применялся.

Для более полного понимания данных цифр, отразим их в рисунке 1.

Количество дел по «сокращенной» форме дознания

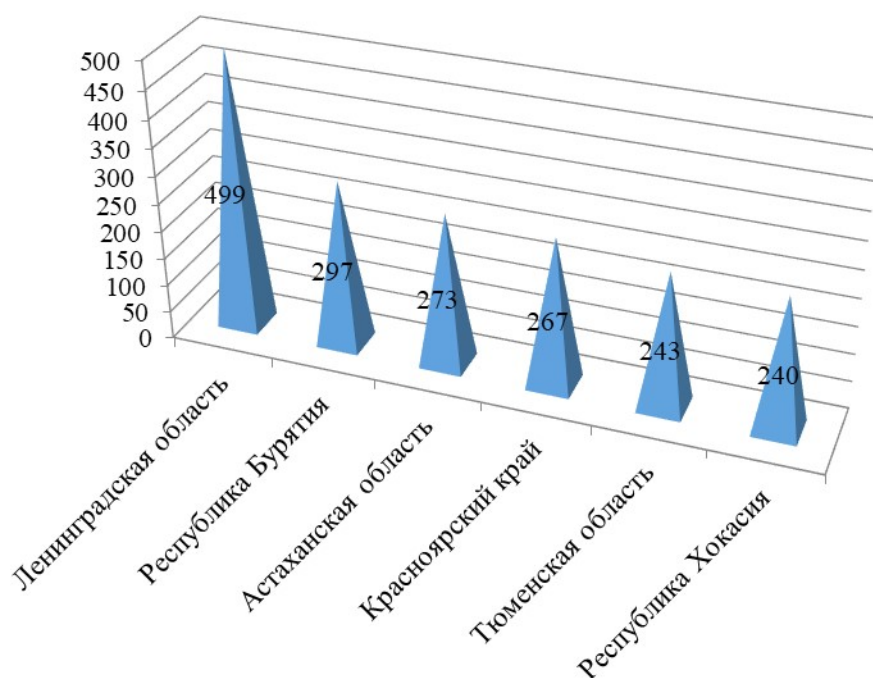

Рисунок 1. Количество дел по «сокращенной» форме дознания в субъектах России в 2019 году [13].

Таким образом, в настоящее время Санкт-Петербург и Ленинградская область лидируют по объемам производства дознания в сокращенной форме.

Выявление проблем, требует совершенствования нормативного обеспечения института сокращенного дознания и выступает детерминирующим фактором необходимости разработки комплекса мер, направленного на изменения уголовно - процессуального законодательства.

Необходимо ограничить сроки заявления подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, потерпевшим или его представителем ходатайства о прекращении производства дознания в сокращенной форме и продолжении производства в общем порядке – этапом подготовительной части судебного разбирательства, когда судья обязан выяснить, подтверждают ли они ранее полученное согласие о расследовании дела в сокращенной форме и рассмотрении его в особом порядке судебного разбирательства. В дальнейшем, право возвращения уголовного дела должно принадлежать только суду при выявлении фактов, свидетельствующих о самооговоре подсудимого или указывающих на существенные нарушения закона, не позволяющие вынести правосудное решение [14].

Таким образом, при производстве дознания в сокращенной форме можно выявить следующие проблемные аспекты: невысокое качество составления процессуальных документов, неправильная тактика осуществления допросов, ошибки, совершенные в предмете доказывания и квалификации действий правонарушителей и другие.

На практике нередки ситуации, в которых после направления прокурором дела с утвержденным обвинительным постановлением в суд от участников поступает ходатайство о возврате дела прокурору для осуществления дознания в общем порядке. Таким образом, в наши дни все еще имеются проблемы, которые связаны с несовершенством правовой регламентации института сокращенной формы дознания. Существенная роль в поиске решений данных проблем отводится прокурорскому надзору. Положения Приказа Генпрокуратуры России от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурор-

ского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» подробно поясняют порядок реализации соответствующих полномочий прокурора при осуществлении дознания в сокращенной форме, и способствующих повышению уровня защиты прав граждан – участников уголовного судопроизводства, а также своевременному обнаружению и устранению нарушений закона.

При производстве дознания в сокращенной форме, встает вопрос о необходимости применения мер пресечения по отношению к подозреваемому, обвиняемому лицу. Однако важно сказать, что ничего спорного в этом вопросе нет, так как важно обеспечить объективность и справедливость уголовного преследования и самого расследования преступления, в связи с чем, для обеспечения производства по делу применение мер пресечения при проведении дознания в сокращенной форме необходимо независимо от сроков проведения расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейко В.Е. Сокращенное дознание. Анализ уголовно-процессуальной формы и практики ее применения // Публичное и частное право. 2016. № II. С. 136-145.
2. Зотова М.В. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних участников при производстве дознания в сокращенной форме // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2016. № 1 (3). С. 52-56.
3. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22-31.
4. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47-49.
5. Арестова Е.Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Российская юстиция. № 11. 2013. С. 32-34.
6. Панокин А.М. Дознание в сокращенной форме // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 214-218.
7. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4 (100). С. 12-19.
8. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 318.
9. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. С. 22-34.
10. Муравьев К.В. Обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме, как основание для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого // Уголовное право. 2014. № 6. С. 101–106.
11. [Электронный ресурс]. URL: sud-praktika.ru.
12. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. История, современное состояние и проблемы. М.: Норма, 2016. С. 64.
13. Ларкина Е.В. Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.procuror.spb.ru/k1422.html> (дата обращения: 27.02.2021).
14. Меркулов М.А., Абросимов И.И. К вопросу об актуальных проблемах производства дознания в сокращенной форме // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 108-110.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Елена Борисовна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ключевые слова: орган дознания; сокращенная форма дознания; признание вины; признание виновности.

УДК 343.1.

Диваев А.Б.

КОНФЛИКТ ЦЕЛЕЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В представленной статье дается понятие уголовно-процессуального социального конфликта, выделяются его виды. Уголовно-процессуальный конфликт целей рассматривается как разновидность уголовно-процессуального социального конфликта, в основе которого лежат противоречия в базовой потребности государства, общества и личности по обеспечению безопасности от преступных посягательств.

Правовая конфликтология представляет собой достаточно новую, но в то же время активно развивающуюся сферу научного познания, лежащего на стыке правовой науки и социологии. К величайшему сожалению бесконфликтная модель развития бесклассового общества, попытку построения которого предпринимало Советское государство, потерпела неудачу, а поэтому с некоторых пор в теории права все явственнее стали обозначаться контуры нового подхода к пониманию социальной функции права как средства преодоления, разрешения социальных конфликтов, приходящего на смену господствовавшему до недавних пор мнению о том, что оно – это исключительно средство управления социальными процессами [1, с. 60; 2, с. 22-44].

Не могла эта тенденция не затронуть и отраслевые правовые науки, и науку уголовного процесса, в частности. Конечно, сказать о том, что «антиконфликтная» концепция уголовного судопроизводства, в настоящее время, получила всемерное признание и окончательную разработку в уголовно-процессуальной теории нельзя, однако исследования в этой сфере проводятся [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Центральной категорией в рамках рассматриваемой проблематики, безусловно, является категория уголовно-процессуального конфликта, под которым, по нашему мнению, необходимо понимать разновидность социального конфликта, представляющего собой *наименее оптимальный способ преодоления противоречий целей и интересов субъектов отношений, подверженных воздействию уголовно-процессуального права, а также средств, используемых ими в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.*

Опираясь на данное определение, можно выделить как минимум три разновидности такого конфликта: 1) конфликт целей, 2) конфликт интересов, 3) конфликт средств.

Наиболее принципиальным в этом ряду видится уголовно-процессуальный социальный конфликт целей и именно о нем пойдет речь ниже. Однако, для начала, необходимо отметить следующее. Социальная природа первых двух видов уголовно-процессуального социального конфликта схожа и при этом значительно отличается от существа третьего его вида. Это обстоятельство обусловлено тем, что конфликт целей и

конфликт интересов в своей основе имеют противоположность потребностей, тогда как при конфликте средств спор идет только по поводу того, какими средствами реализовать эти потребности.

В то же время, необходимо понимать, что при всей схожести, конфликт целей не тождественен конфликту интересов, так как потребности, лежащие в их основе, являются социальными потребностями разного типа, что и предопределяет различие этих видов уголовно-процессуального социального конфликта. Соответственно, для уяснения природы уголовно-процессуального конфликта целей нужно, во-первых, соотнести такие социальные явления как «цель» и «интерес» и, во-вторых, разобраться с механизмом формирования потребностей, отвечающих за появление социальных целей и интересов.

Начнем с первой проблемы. В самом общем смысле цель – это продукт осознания человеком проблем окружающей действительности, результат ее оценки, содержанием которого является идеальное представление о возможном ее состоянии в отсутствии выявленных проблем и противоречий, а также системе реальных средств по их преодолению.

Вполне очевидно, что в основе процесса целеполагания лежит осознаваемая субъектом данного процесса потребность в совершенствовании окружающей действительности, устойчивое состояние неудовлетворенности в чем-либо. Эти потребности могут ощущаться либо на инстинктивном уровне, если речь идет о биологической составляющей потребностей человека, либо осознаваться рационально, если мы говорим о потребностях более высокого уровня – неудовлетворенности уровнем социализации, своим местом в социальной иерархии, кругом и содержанием социальных контактов, нужда в появлении какого-либо социального института и т.д. Такие потребности принято называть социальными.

Исходя из этого, цель по-другому можно определить как пережитую и трансформированную сознанием потребность. Потребность здесь – основание, предпосылка процесса целеполагания, а стало быть, и самой цели.

«Интерес» и «цель» весьма близкие категории, т.к. в основе любого интереса также лежат потребности, однако в отличие от тех потребностей, которые формируют цель, интерес обуславливают потребности, имеющие несколько иную природу. Если цель — это прямое производное потребности, «...то интерес направлен на те социальные отношения, институты, учреждения, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей» [9, с. 74]. Другими словами, если в основании цели лежат некие базовые потребности, то интерес формируется под влиянием потребностей иного, вторичного порядка, сформированных в результате осознания необходимости в существовании инструментария, позволяющего наиболее полно, эффективно, справедливо и т.п. удовлетворить эти базовые потребности. Интерес, с этой точки зрения, олицетворяет собой некие стремления социального субъекта к другому качеству социальной жизни.

Отграничив категории «цель» и «интересы», рассмотрим вторую из заявленных проблем – механизм образования социальных потребностей разного типа: тех, которые отражаются в социальных целях и тех, которые формируют социальные интересы.

Думается, сам факт того, что именно потребности формируют цели и интересы субъекта – очевиден. В контексте нашего исследования, нас, естественно, интересуют потребности таких социальных субъектов как государство, общество и личность – именно их потребности, как представляется, движут уголовно-процессуальной деятельностью субъектов конкретных уголовно-процессуальных отношений, а также общественными процессами под воздействием уголовно-процессуального права.

В социологической науке наличие потребностей рассматривается как свойство всего живого, не пребывающего в статике. И социальный субъект как любой живой организм – не статичен. Он живет своей социальной жизнью, а, следовательно, о социальном субъекте необходимо говорить, как о динамично развивающейся (прогрессиру-

ющей) или, наоборот, регрессирующей системе. Данная закономерность есть причина формирования социальных целей и интересов. Развитие общественных систем, их усложнение знаменует появление все новых и новых социальных потребностей в существовании каких-либо социальных институтов (возникновение государства, его органов, учреждений, права, правовых процедур, отраслевая специализация его норм и т.д.). Общественная деградация, примитивизация общественных структур, влекут обратный процесс – регресс, упрощение, а зачастую и исчезновение многих социальных потребностей.

Точно такой же процесс усложнения и социализации потребностей характеризует и сферу уголовно-процессуальных отношений. И здесь представляется важным определиться с той первоначальной базовой потребностью, которая дала толчок к появлению сначала квазипроцессуальной, а позднее нормативно урегулированной деятельности, известной сейчас под наименованием уголовный процесс. Удовлетворение этой потребности предопределило его социальную функцию, а позднее оказало прямое влияние на формирование социальной цели уголовно-процессуального права.

Вопрос о том, в силу чего возник сегмент человеческих отношений, связанных с привлечением к наиболее строгому виду ответственности представителей человеческого сообщества, посягнувших на жизнь, здоровье, имущество и иные блага своих же соплеменников получил достаточное освещение в теории, однако предложим свою трактовку данной научной проблемы.

К числу одной из основополагающих биологических потребностей любого индивида является потребность в обеспечении личной безопасности, в том числе и от посягательств на жизнь, здоровье, свободу и имущество со стороны себе подобных. Эта потребность в равной мере характеризует и члена первобытнообщинного сообщества, и жителя средневекового города, и современного человека. В то же время, для многих обеспечение такой безопасности индивидуальными усилиями не представляется возможным по самым разным причинам: физическое превосходство одних над другими, количество членов рода, их поло-возрастные характеристики и др. Единственным способом решения данной проблемы стало объединение усилий всего сообщества и направление их на защиту каждого его члена в отдельности. Это в конечном итоге повысило уровень защищенности и жизнеспособности всего сообщества в целом, так как здесь как нигде работает закономерность: безопасность всех – безопасность каждого в отдельности. Соответственно, уже на этом уровне потребность в обеспечении безопасности стала приобретать социальные черты.

Однако, это только одна сторона медали. С другой стороны, как только потребность в защите от посягательств на индивидуальные блага и ценности стала реализовываться в общественной форме, индивид, обвиняемый в таком посягательстве, сам ощутил потребность в защите от чрезмерной репрессии со стороны общества. Т.е. и у него образовалась потребность в обеспечении личной безопасности, так как неконтролируемость мер воздействия со стороны потерпевшего и его сородичей не менее опасна, чем само посягательство на их интересы. Как представляется, рационально организованное сообщество, коими в большинстве своем являются человеческие общественные структуры, вряд ли заинтересовано в расправе над своим же представителем. Оно, безусловно, обязано прилагать усилия для преследования и наказания лиц, преступивших правила общежития и причинивших вред членам данной общественной структуры. Однако, это должно иметь четкие фактические и нормативные (сейчас это нормативно-правовые, а ранее – нормативные, в самом широком смысле этого термина) основания, а также соответствовать принятым в данном сообществе критериям справедливости. Только в этом случае акт привлечения к ответственности будет принят сообществом, т.е. легитимирован им. С осознанием этого факта сначала отдельными его представителями, а потом и всем сообществом в целом, происходят два параллельных социальных процесса: трансформация естественной потребности личности и потребности общества в обеспечении взаимной безопасности в новую социальную потребность – потребность

в учреждении специального средства обеспечения взаимного принятия (легитимации) акта привлечения у ответственности. Удовлетворение этой потребности, как представляется, и стало причиной появления особой процедуры, которая позволяла бы общественными усилиями, одновременно привлекая к ответственности посягнувшее лицо, ограждать его от чрезмерного воздействия со стороны того же общества. По сути, появился прообраз уголовного процесса, который с появлением государства, принявшего на себя от имени общества же, бремя защиты общественных интересов, окончательно оформился в то, что мы сейчас знаем под этим наименованием.

Таким образом, уголовный процесс, что тогда, на заре государственности, что сейчас является средством удовлетворения социальной потребности в легитимации акта привлечения к уголовной ответственности, а стало быть, именно эту потребность следует считать *базовой уголовно-процессуальной потребностью*, с удовлетворением которой, так или иначе, связаны все уголовно-процессуальные конфликты.

Предложенная конструкция, как представляется, отвечает на многие вопросы относительно причин появления и существования уголовного процесса. Однако, возникает новый вопрос: как эта потребность связана с целью уголовно-процессуального права и как, эта цель, в свою очередь, соотносится с целями уголовно-процессуальной деятельности конкретных участников уголовно-процессуальных отношений?

Отвечая на первую часть поставленного вопроса, сразу укажем на то, что именно базовая уголовно-процессуальная потребность предопределяет социальную цель уголовно-процессуального права. Если учесть, что легитимация, в уголовно-процессуальном контексте – это акт общественного признания действий власти по привлечению члена данного сообщества к уголовной ответственности, становится очевидной и цель системы нормативных предписаний, направленных на регламентацию ее процедуры – предотвратить социальный конфликт, который потенциально может возникнуть на этой почве, если действия власти будут явно идти в разрез с интересами общества. В отсутствие таких нормативов, когда процедура применения власти имеет произвольный характер, а социальные роли (т.е. статусы) ее участников не закреплены на общепризнанном уровне (т.е. в праве) – легитимация результатов властного акта невозможна. Взаимодействующие в процессе легитимации стороны должны знать, понимать и, что самое главное, принимать «правила игры», по которым протекает этот процесс. Отсюда вывод: социальная цель уголовно-процессуального права прямо производна от социальной функции уголовного процесса, а стало быть, и уголовно-процессуальный социальный конфликт целей государства и общества не возможен – эта цель в любом случае едина для этих социальных субъектов. Это вовсе не означает, что между государством и обществом не может возникнуть уголовно-процессуального социального конфликта – он вполне возможен. Однако этот конфликт не может быть конфликтом целей, им может стать исключительно уголовно-процессуальный социальный конфликт интересов.

Совершенно в ином соотношении с целями государства и общества, воплощенными в нормах уголовно-процессуального права, находятся цели уголовно-процессуальной деятельности последнего из упомянутых нами выше социальных субъектов – личности. У каждого конкретного участника уголовно-процессуальной деятельности эти цели индивидуальны. Данное обстоятельство продиктовано тем, что посредством этой деятельности он удовлетворяет свои личные социальные потребности, в центре которых находится та же потребность в обеспечении безопасности, конкретное наполнение которой, однако, каждый определяет сугубо индивидуально.

Хотя здесь необходимо обратить внимание на следующий момент. Уголовно-процессуальное право может «программировать» целевые установки деятельности властных участников уголовно-процессуальных отношений. Учитывая, что они выполняют публичные функции, цель осуществляемой ими уголовно-процессуальной деятельности, в идеале, должна быть продиктована не личными потребностями, а теми социальными нуждами, которые стали причиной появления конкретной уголовно-

процессуальной нормы и сформировали социальную цель ее учреждения. Если участник уголовно-процессуальной деятельности – носитель властных полномочий, используя норму права, стремиться реализовать иные, и в том числе личные цели, налицо злоупотребление полномочиями – противоправная форма поведения.

В остальном же цели участников уголовно-процессуальной деятельности абсолютно произвольны. Естественно, нельзя исключать того обстоятельства, что, живя в сообществе людей, каждый из нас испытывает на себе влияние этого сообщества. Это влияние осуществляется, в том числе и на уровне формирования социальных потребностей личности, где возможна как *конформистская* модель поведения человека, когда человек полностью воспринимает общественные (а, следовательно, и государственные) потребности в их общепризнанном виде, так и *нонконформистская* модель, когда человек свою личную безопасность противопоставляет общественной безопасности. Причем, применительно к личной безопасности, *нонконформистская* модель может возникать ситуативно. Человек на протяжении всей жизни в понимании того, что такое безопасность от преступных посягательств и каковы средства ее обеспечения, может быть конформистом, полностью принимать общественную трактовку этих явлений. Однако, с того момента, когда он становится участником конкретных уголовно-процессуальных отношений, его модель их восприятия может резко поменяться и стать *нонконформистской*. Это достаточно распространенная форма поведения, когда человек, привлеченный к участию в производстве по делу даже, казалось-бы, в самом «безобидном» статусе, например, статусе свидетеля, резко меняет отношение к пониманию безопасности, ставя свою безопасность превыше общественной. По сути, в такой ситуации человек трансформирует потребность в обеспечении безопасности от преступных посягательств в потребность в обеспечении личной безопасности от посягательства общества и государства, что автоматически противопоставляет его им и становится почвой для уголовно-процессуального конфликта целей.

Таким образом, говоря о противоречии целей как предпосылке уголовно-процессуального социального конфликта, речь можно вести либо о конфликте частного (личной цели) и публичного (социальной цели соответствующей уголовно-процессуальной нормы или уголовно-процессуального права в целом), либо о конфликте двух и более частных личных целей, преследуемых разными участниками уголовно-процессуальных отношений.

Применительно к уголовно-процессуальному конфликту целей, думается, уместно упомянуть и о таких явлениях как реальная и мнимая цель деятельности. Реальная цель – это то, что на самом деле движет субъектом уголовно-процессуальной деятельности, тот действительный ее результат, который видится ему как итог усилий по удовлетворению потребности. Мнимая цель – это цель, не отражающая реальных устремлений субъекта уголовно-процессуальной деятельности, либо цель, выдаваемая им за реальную.

Характер и причины постановки им перед собой такой цели могут быть самыми разными. С одной стороны, мнимая цель может быть результатом неправильной оценки обстановки со стороны субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Например, такая цель характеризует деятельность обвиняемого, который под каким – либо предлогом признается в совершении преступления, которого не совершал. С другой – мнимая цель может «маскировать» реальные намерения субъекта уголовно-процессуальных отношений, как, например, в похожей ситуации, когда лицо осуществляет явку с повинной или признает себя виновным в совершении преступления с реальной целью – скрыть совершение более тяжкого преступления.

Мнимая цель может исходить и не от самого субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Как ни странно, она может быть изначально, «по умолчанию», закреплена за участником процессуальной деятельности законодателем. Как известно, законодатель в свое время, руководствуясь правилами построения состязательного процесса, в основе которых лежит формальное разделение участников судопроизводства на сто-

рону обвинения и защиты, в зависимости от целей процессуальной деятельности, отнес прокурора, руководителя следователя, дознавателя, начальника органа и подразделения дознания и потерпевшего к одной стороне уголовно-процессуальной деятельности – стороне обвинения.

Данный факт подразумевает, что, по мнению законодателя, все эти участники уголовного судопроизводства должны преследовать одну и ту же цель – привлечение лица, совершившего преступление к уголовной ответственности. Между тем это совсем не так. Зачастую случается, что вытекающая из законодательной конструкции цель деятельности потерпевшего на самом деле является мнимой, тогда как реальная цель его участия в производстве по уголовному делу может противоречить цели стороны обвинения, т.е. цели деятельности лица или органа, ведущего производство по уголовному делу. Это может произойти, когда потерпевший помимо его воли вовлекается в производство по уголовному делу, либо в процессе производства он корректирует цель своего участия в нем. Примером такого развития событий могут быть случаи, когда потерпевшими по делу являются близкие родственники (например, родители) или супруги обвиняемых. Инициировав процесс производства по делу, зачастую, они не вполне отдают себе отчет, что в силу публичности уголовного процесса, единожды своей волей запустив машину уголовного преследования, остановить ее по своей же воле нельзя. Осознав это, потерпевшие зачастую всячески пытаются добиться отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, что не всегда (а на самом деле – практически никогда) возможно – по крайней мере, ресурс процессуальных средств для этого ограничен, по сути, только примирением сторон. Отсюда – возникновение потенциально конфликтной ситуации, которая в отсутствии достаточных процессуальных средств ее безконфликтного разрешения очень часто перерастает в конфликт (жалобы на «бездушность» следователя руководству, прокурору и др.).

В свое время американский социолог Л.Козер предложил выделять реалистичные и нереалистичные социальные конфликты. Под первыми автор понимает: «Конфликты, возникающие из-за неудовлетворенных специфических требований в рамках отношений и ожидаемых выгод участников... направленные на предполагаемый фрустрирующий объект...» [10, с. 71]. По сути, это действительные конфликты, «конфликты по поводу чего-то». Нереалистичные конфликты – это «взаимодействие между двумя и более индивидами, порожденное не антагонизмом целей участников, а необходимостью разрядки, по крайней мере одного из них...» [10, с. 71]. Здесь, в отличие от реалистичных конфликтов мы имеем дело с «конфликтами ради конфликтов», когда конфликтное взаимодействие выступает самоцелью хотя бы у одного из его участников.

Как представляется, эта классификация в своей основе также имеет разницу реальной и мнимой цели и вполне применима к уголовно-процессуальным конфликтам.

Говоря об уголовно-процессуальном социальном конфликте целей, нельзя не упомянуть и еще об одном аспекте проблемы, а именно о том, что право существенно ограничено в возможности воздействия на конфликт целей, так как цель – это внутренний индивидуальный мотивационный фактор, предопределяющий направление деятельности. Естественно, она может существовать в социальной реальности в, если так можно выразиться, «обобществленной» форме, в виде социальной цели, которая отражается в содержании конкретных нормативно-правовых предписаний. Однако, в конечном итоге, эта социальная цель трансформируется в сознании конкретного социального субъекта в индивидуальную цель его деятельности и желательно, чтобы эти цели совпали или, по крайней мере, не противоречили друг другу. Соответственно, право само не может воздействовать на формирование индивидуальной мотивации поведения конкретного субъекта правовой деятельности. За адекватное же восприятие социальной цели нормы права, подчинение или приведение в соответствие с ней своих личных целей отвечает не само право, а социальные инструменты, формирующие правосознание

субъектов правовой деятельности (информирование, пропаганда, профессиональное образование и др.).

В то же время, не имея возможности оказать воздействие на механизм индивидуального целеполагания, праву нельзя отказать в возможности воздействия на механизм реализации этих целей. Воплощается это в установлении правовых стимулов и запретов на осуществление конкретных видов правовой деятельности. Применительно к уголовно-процессуальному праву это выражается в совокупности закрепленных законом процессуальных средств, с помощью которых тот или иной участник уголовно-процессуальной деятельности может реализовать ее цели. Закономерность тут одна: если цель уголовно-процессуальной деятельности правомерна (соответствует цели уголовно-процессуальной нормы, не противоречит ей), закон должен предусматривать средства ее реализации. И, наоборот, если цель противоправна (противоречит цели, отраженной в содержании уголовно-процессуальной нормы) – эти формы поведения должны попадать под запрет.

Именно в этом, установлении правовых стимулов и правовых ограничений участников уголовно-процессуальных отношений, состоит баланс средств реализации целей их уголовно-процессуальной деятельности. Обеспечение такого баланса – единственный способ предотвращения конфликта целей в уголовном процессе.

При этом баланс, в контексте рассматриваемой проблематики, не следует отождествлять с формальным равенством этих средств. Баланс может быть обеспечен и в отсутствии этого. Согласно тому же Л. Козеру, «неравное распределение прав и привилегий может порождать враждебные чувства», что не обязательно приводит к конфликту – это пока всего лишь «предрасположенность к конфликту». Многое, если не все в перерастании этого чувства в конфликт зависит от того, «считается ли неравное распределение прав легитимным или нет» [10, с. 8]. Другими словами, от того, как воспринято это неравенство участниками уголовно-процессуальных отношений – как «невозможность равенства» или как «сознательное неравенство в условиях возможного равенства» – зависит, будет ли реализация правовых предписаний сопровождаться конфликтами или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбань В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М.: Юриспруденция, 2009. 160 с.
2. Лапаева В.В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования). М., 1997. С. 28–44.
3. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 544 с.
4. Баева Н.А. Конфликты в деятельности адвоката – защитника в российском уголовном судопроизводстве: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 26 с.
5. Жидков М.А. Механизмы выявления и разрешения социальных конфликтов в деятельности органов внутренних дел: автореф. ... дисс. канд. соц. наук. М., 2008. 20 с.
6. Боева М.В. Тактико-коммуникативная компетентность следователя. М.: Юрлитинформ, 2010. 152 с.
7. Горохов С.В. Конфликты в деятельности судьи при разбирательстве уголовных дел: понятие, виды, правовые средства предупреждения и разрешения. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
8. Лебедев Н.Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу и пути их разрешения. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. 323 с.
9. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат., 1986. 226 с.

10. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея Пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Диваев Александр Борисович. Декан юридического факультета. Кандидат юридических наук, доцент.

Кузбасский институт ФСИН России.

Служебный адрес: 654066, Российская Федерация, Кемеровская область, г. Новокузнецк, Октябрьский пр., д. 49.

Ключевые слова: социальный конфликт; цель; интерес; уголовно-процессуальный конфликт целей.

УДК: 343.13

Малышева О.А.

О ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОМ БАЛАНСЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируется тенденция учета частных интересов в досудебном уголовном судопроизводстве. С учетом зарубежного опыта аргументируется целесообразность расширения условий для обеспечения частных интересов невластных участников уголовного процесса при производстве по уголовному делу, принятия мер для эффективного обеспечения возмещения вреда потерпевшему в контексте достижения назначения уголовного судопроизводства.

Современное уголовное судопроизводство представляет собой публичную сферу деятельности, предусматривающую обеспечение государственными органами соблюдение физическими и юридическими лицами запретов, установленных государством, для поддержания правопорядка и общественной безопасности в стране, что следует из анализа положений ст. 21 УПК РФ. Прежде уголовный процесс, в условиях его регулирования УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 г.г., также отличался публичным характером. На данный факт обращал внимание М.С. Строгович, уточняя, что властные субъекты независимо от воли потерпевших исполняют правовую обязанность по осуществлению уголовного преследования [1, с. 136].

В развитие указанного верным представляется утверждение о том, что публичные интересы в уголовном судопроизводстве отождествляются с государственными интересами, а также интересами законопослушных членов общества, заинтересованных, как и государство, в обеспечении неотвратимости ответственности за совершенные преступления [2, с. 93]. Одновременно следует согласиться с суждениями, встречающимися в научной литературе, о нивелировании в уголовном процессе интересов невластных его участников. В частности, «долгое время наука уголовного процессуального права исходила из априорной оценки его как исключительно публичной правовой отрасли, занималась теоретической разработкой карательно-репрессивных механизмов. Статус частного лица при этом рассматривался по преимуществу через призму обязанности преступника нести наказание, как лица, на которого направлена предупредительная или репрессивно-принудительная сила уголовного закона.» [3, с. 64]. Данный характер, наиболее ярко проявлявшийся в досудебном производстве, обусловлен тем обстоятельством, что правоохранительная система была менее склонна к понима-

нию того, что личность является высшей ценностью в государстве, что повышало значимость соблюдения предоставленных ей законом прав и интересов [4, с. 11].

Ретроспективный анализ правового положения потерпевшего в отечественном уголовном судопроизводстве позволяет заключить о постепенном расширении прав потерпевшего в обозначенном производстве. Такое изменение в правовом положении рассматриваемого участника уголовного процесса обусловлено, в первую очередь, принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина в 1991г., что послужило основанием принятия государством на себя обязанности обеспечивать доступ пострадавшим от преступления к правосудию. Данная норма получила развитие в Основном законе российского государства (ст. 52 Конституции Российской Федерации), который тем самым подтвердил взятый Россией курс на дальнейшее расширение учета частных интересов в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем направленность уголовного судопроизводства – существенное превосходство публичных интересов при сопоставлении их с частными интересами – до настоящего времени не претерпело существенных изменений, несмотря на постоянное совершенствование законодательства с целью расширения процессуальных прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Данное обстоятельство обуславливает негативные последствия в виде пассивного поведения рассматриваемого субъекта в досудебном производстве. Он по-прежнему продолжает полагаться на следователя, прокурора при отстаивании своих прав, законных интересов, несмотря на наделение его широким перечнем прав (инициировать начало уголовного преследования по делам частного-публичного и частного обвинения, заявлять ходатайства, подавать жалобы, знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы перед судебным экспертом, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, иметь представителя и др.).

На фоне достаточно большого количества нераскрытых преступлений (см. рисунок 1), невысокой доли возмещения вреда в досудебном производстве, причиненного преступлениями (см. рисунок 2) актуализируется утверждение С.В. Бажанова о том, что каждый потерпевший должен стремиться к максимально эффективному восстановлению своего нарушенного правового и имущественного положения вследствие совершения преступления [6, с. 12]. Принимая во внимание значимость негативного факта причинения вреда потерпевшему и что уголовным законом охраняются наиболее важные для человека ценности: жизнь, здоровье человека, его собственность и т.п., а для юридического лица и – деловая репутация, представляется, что потерпевший не должен уклоняться от осуществления процессуальных полномочий.

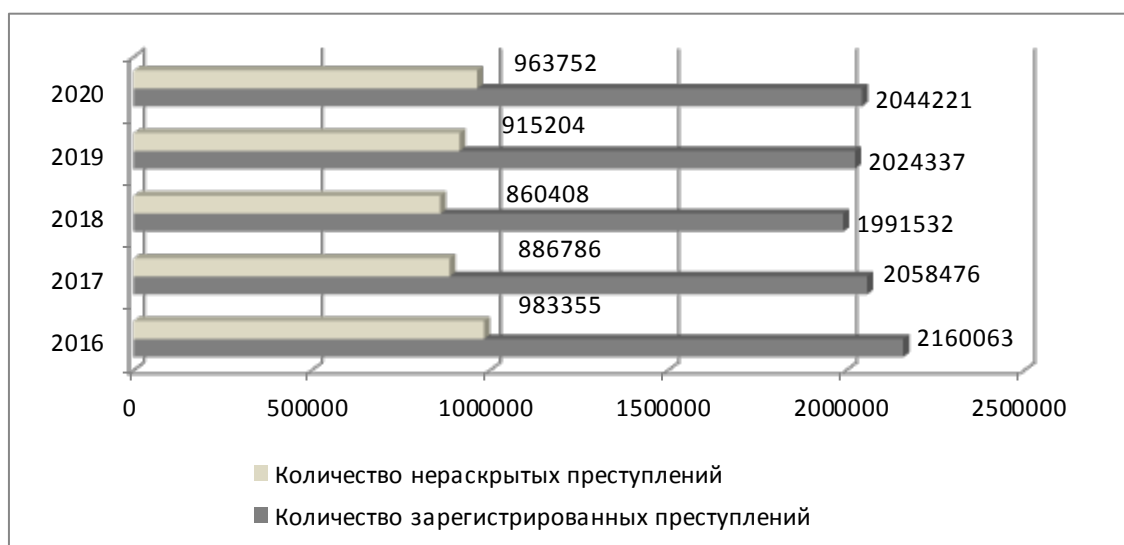

Рис.1. Динамика раскрываемости преступлений [5].

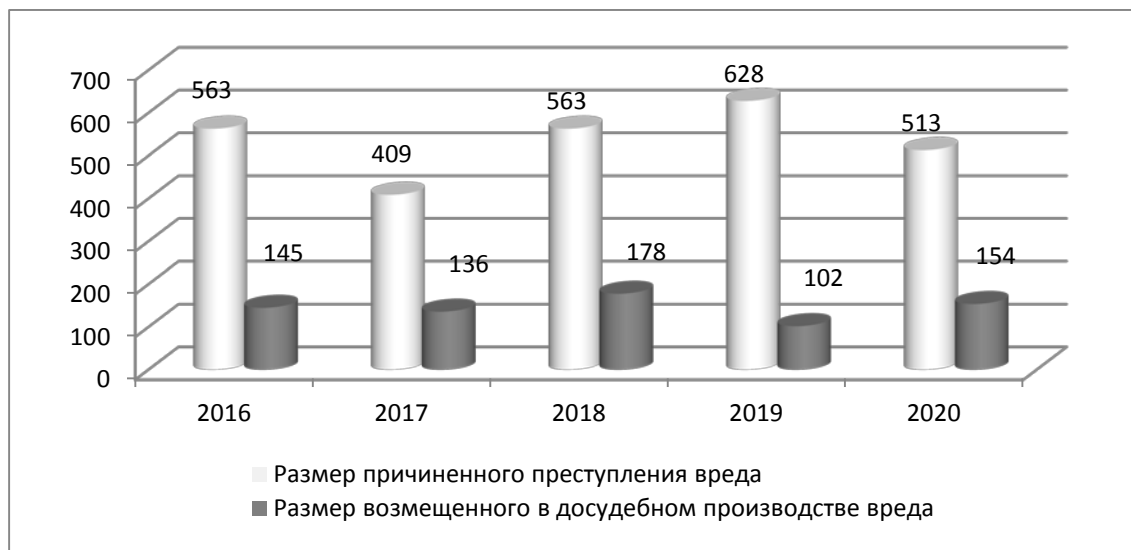

Рис.2. Динамика возмещения вреда в досудебном производстве (млрд. руб.) [5].

Целесообразность указанного подтверждается не только приведенными выше статистическими показателями, но и состязательным характером (ст. 15 УПК РФ) современного уголовного процесса, предполагающего активное участие сторон в уголовно-правовом споре.

Главных причин обозначенного поведения потерпевшего несколько. Во-первых, низкий уровень правовой культуры и правосознания потерпевшего [7, с. 153-154]. Во-вторых, отсутствие материальных средств у потерпевшего для оплаты услуг представителя в момент вовлечения последнего в уголовный процесс [8, с. 29-30]. В-третьих, существующая система оценивания эффективности процессуальной деятельности органов предварительного расследования, препятствующая более активному применению института примирения в досудебном производстве [9, с. 21].

На первый взгляд, решить данную проблему – оптимизация процессуальной активности потерпевшего – можно было бы посредством организации юридической помощи потерпевшему. Предпосылкой для этого выступает функционирование одной из форм адвокатских образований – юридическая консультация. Но юристы такой формы адвокатского образования на безвозмездной основе оказывают только юридическую консультацию и по ограниченному кругу вопросов. Кроме того, они не имеют права представлять интересы невластных участников уголовного судопроизводства. В рассматриваемой ситуации полезен для заимствования опыт ФРГ о наделении потерпевшего правом ходатайствовать согласно §397а УПК о назначении адвоката и о предоставлении ему государственной помощи для уплаты расходов, связанных с его привлечением, в момент начала получения правовой помощи [10, с. 77]. В российском уголовном процессе также предусмотрено возмещение потерпевшему расходов услуг адвоката. Но согласно п. 1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ во взаимосвязи с положениями ч. 3 ст. 131 УПК РФ, ч. 9 ст. 132 УПК РФ для этого должно наличествовать несколько условий: окончание производства по уголовному делу публичного и частного обвинения постановлением приговора, а по уголовным делам частного обвинения – только оправдательного приговора, либо прекращением уголовного дела или уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24, 27 УПК РФ, за исключением такого основания, как в связи с примирением сторон. Последнее подтвердил Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» от 19 декабря 2013 г. № 42 (п. 5.1).

Обращаясь к английскому опыту обеспечения законных интересов потерпевшего в уголовном процессе, следует указать на достаточно частое применение медиации [11, с. 170], предусматривающее примирение потерпевшего и лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, исключающей необходимость согласования такого решения с властными субъектами и имеющей различные варианты реализации в Англии. Однако, несмотря на ожидаемые положительные результаты применения данного института в российской процессуальной практике (более оперативное восстановление нарушенных прав, законных интересов потерпевшего, ограждение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, от приобщения к криминальной субкультуре, предотвращение социальной стигматизации последнего, более эффективное использование бюджетных средств, направляемых для функционирования правоохранительных органов в целях освоения новых форм, методов противодействия современным видам преступлений, более изощренным способам их совершения и др.), российская ментальность, отечественный исторический опыт в рассматриваемой сфере, особое содержание правосознания не позволяют изменить сложившуюся на протяжении нескольких веков парадигму российского уголовного процесса.

Между тем и А.В. Смирнов считает, что правомерно предоставить потерпевшему право определять, продолжать уголовное преследование или нет, при условии, что подобное преступление допускает извинение, то есть утрачивает общественную опасность в результате прощения [12, с. 14-15]. Заслуживающей внимания следует признать позицию А.В. Смирнова о том, что выделение в особую группу преступлений, не причинивших реальных вред (нарушение неприкосновенности жилища, нарушение авторских прав и т.п.), а также ряда экономической направленности, «могло бы вдохновить новую жизнь в институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, когда совершение процессуальной сделки не нарушает публичных интересов и не приходит в противоречие со справедливостью правосудия во всех ее проявлениях» [12, с. 15]. Схожее мнение применительно к ограничению сферы деятельности органов уголовной юстиции прежде высказывал и автор, предлагая ряд преступлений из категории публичного уголовного преследования перевести в категорию частно-публичного уголовного преследования. Например, ст. 140 УК РФ (отказ в предоставлении гражданину информации), ч. 1 ст. 266 (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угона) без квалифицирующих признаков); ч. 1 ст. 180 (незаконное использование товарного знака), ч. 1 ст. 202 (злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами без квалифицирующих признаков) и др. [13, с. 178].

Учитывая изложенные выше факторы, обуславливающие превалирование публичных интересов над частными интересами в уголовном судопроизводстве, осмелимся утверждать о необходимости корректировки направленности уголовного судопроизводства – применение уголовно-процессуальных средств для восстановления нарушенных совершенным преступлением прав, законных интересов личности, общества, государства под контролем последнего, а не для установления виновного в совершении преступления с целью назначения ему уголовного наказания. При таком подходе пострадавший от преступления становится центральной фигурой при принятии процессуального решения по факту совершения преступления, а ответственность лица, совершившего преступление, не связывается, главным образом, с его наказанием, а предполагает, в первую очередь, добровольное принятие указанным лицом ответственности за совершенное деяние и выполнение действий по устранению вреда. В таком случае возмещение вреда обоснованно рассматривать как средство восстановления положения обеих сторон: потерпевшего – ввиду обеспечения компенсации причиненного преступлением вреда, виновного – ввиду ограждения его от несения кары, составляющей сущность уголовного наказания. Такая направленность правосудия по уголовным делам разделяется и другими авторами [14, с. 17].

В контексте указанного сложно признать обоснованным проект Федерального закона, утвержденного Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 6 апреля 2021 г., предусматривающего сужение сферы частных интересов в уголовном судопроизводстве ввиду предлагаемого перевода уголовных дел частного обвинения в категорию уголовных дел частно-публичного обвинения, исключающего прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, действующая правовая регламентация института частного обвинения, предусматривающая возможность прекращать такие дела в связи с примирением сторон, «не позволяет в предусмотренной Конституцией Российской Федерации и международным законодательством мере защищать права потерпевших» [15]. Представляется, что истинная причина подготовки такого законопроекта кроется в другом – необходимости оптимизировать затраты, связанные с функционированием судебных органов. В частности, в 2020 г. по ч. 1 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью) было осуждено 1616 лиц. В связи с примирением сторон было прекращено уголовных дел по данной квалификации в отношении 1519 человек. Применительно к квалификации, предусмотренной по ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию), соответствующие показатели составили: 1629 и 1355 человек [15]. Практически половина уголовных дел частного обвинения прекращается производством без постановления приговора, что нивелирует результат предшествующей принятию этого решения процессуальной деятельности мировых судей.

Учитывая пассивное в силу различных причин процессуальное поведение потерпевшего, особенности (достаточно редкое) применение властными субъектами досудебного института прекращения уголовного дела в порядке ст.ст. 25, 28 УПК РФ, предполагающего в более короткий срок и в максимально полном объеме восстановление нарушенных совершенным преступлением прав и законных интересов потерпевшего, верно утверждать о смещении баланса между частными и публичными интересами в сторону последних. Такое смещение фактически нивелирует гарантии достижения назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК РФ, важной составной частью которого является досудебное производство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1.
2. Спиринов А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1.
3. Бродуленко А.В. Развитие частноправовых основ в уголовно-процессуальном законодательстве РФ и стран СНГ // Евразийская адвокатура. 2014. № 4 (11).
4. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М.: Норма, 2015.
5. Состояние преступности в России. 2016–2020 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2021.
6. Бажанов С.В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право. Владимир: Владим. юрид. ин-т Минюста России, 2003.
7. Малышева О.А. Уголовная политика: содержание и эффективность. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2005.
8. Малышева О.А. Процессуальные гарантии возмещения потерпевшему имущественного вреда // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений: сборник материалов международной научно-практической конференции: В 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 2.

9. Малышева О.А. К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // Российский следователь. 2019. № 7.
10. Барабанов П.К. Уголовный процесс ФРГ. М.: Спутник+, 2014.
11. Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США: дис. ...канд. юрид. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1998.
12. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: Норма, 2019.
13. Малышева О.А. Досудебное производство по уголовным делам как форма реализации уголовной политики. М.: Юрист, 2007.
14. Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2 / под ред. М.Г. Флямера: В 2 т. Т. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.
15. Александров А. Домашнее насилие не может быть частным делом // Коммерсант. 2021. 6 апреля.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малышева Ольга Анатольевна. Профессор кафедры уголовно-процессуального права. Доктор юридических наук, доцент.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Служебный адрес: 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ключевые слова: примирение сторон; уголовное дело; потерпевший; восстановление прав; публичное преследование.

УДК 343

Павлов А.В.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО, ПОСЛЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

На момент приостановления предварительного расследования следователем должны быть выполнены все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого (обвиняемого). После приостановления предварительного расследования следователь обязан принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В этой связи важно определить перспективные направления деятельности следователя на данном этапе производства по уголовному делу и средства их реализации.

Защитить права и законные интересы потерпевших от преступлений возможно лишь при установлении лица, совершившего преступление. В этом случае существенно повышается вероятность возмещения причиненного преступлением ущерба. К сожалению, данная задача не всегда решается. Проблемы раскрытия преступлений проявляются на различных периодах досудебного производства и носят комплексный характер. В деятельности органов предварительного расследования по установлению лица, подозреваемого в совершении преступления, в зависимости от используемых средств, можно выделить два этапа. Первый из которых, реализуется до решения о приостановлении

предварительного расследования и отличается широким комплексом средств решения данной задачи (производство следственных действий, применение мер процессуального принуждения).

Действие второго этапа начинается с момента приостановления предварительного расследования и характеризуется фрагментарным законодательным регулированием средств установления лица, совершившего преступления. В результате правовой неопределённости деятельность следователя, как правило, ограничивается направлением поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Следует рассмотреть перспективные направления деятельности следователя, а также процессуальные возможности, которыми он может воспользоваться после приостановления предварительного расследования.

Обращение к статистическим данным позволяет усомниться в объективной возможности работы следователем по всем уголовным делам, по которым принято решение о приостановлении предварительного расследования. Так, в 2019 г. в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, не раскрыто 895 020 преступлений, что составило 97,8 % от общего количества нераскрытых деяний; в 2018 г. 839 890 преступлений (97,6 %); в 2017 г. 866 444 преступлений (97,7 %) [1]. Дальнейшая деятельность следователя может быть обусловлена обстоятельствами, свидетельствующими о возможной перспективе установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Первое направление такой деятельности мы связываем с реализацией контрольных функций и организацией сбора информации справочного характера.

Во-первых, за следователем сохраняется руководящая роль, которая заключается, в том числе, в контроле своевременности и полноты исполнения поручений, принятии мер по активизации их выполнения. Так, согласно п. 1.23 приказа Следственного комитета РФ «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» по приостановленным производством уголовным делам не реже одного раза в месяц необходимо запрашивать и получать информацию о результатах исполнения поручения из органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При необходимости целесообразно обращаться с ходатайством к прокурору о проверке исполнения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по конкретному делу [2]. Полагаем, что данной рекомендацией, следует воспользоваться и следователями других ведомств. В некоторых случаях анализ проделанной работы позволяет не только выявить допущенные недостатки, но и принять меры к получению требуемых результатов с помощью ранее не проводившихся мероприятий или более эффективных приемов повторно выполняемых действий [3, с. 6-9].

Во-вторых, требуется создать условия, обеспечивающие проверку законности и обоснованности решений о приостановлении предварительного расследования. Критический анализ материалов уголовного дела, позволяет выявить ошибки и пробелы в работе следователя, принявшего решение о приостановлении предварительного расследования. Тем не менее, как отмечает А. В. Морозов, комплексная аналитическая работа по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет в полной мере не организована, а если и ведется, то локально, инициативно, в отдельно взятых подразделениях [4, с. 111]. В качестве ключевой проблемы, встречающейся в правоприменительной практике, следует выделить невыполнение следователем требования о необходимости проведения всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого (ч. 5 ст. 208 УПК РФ). Данное обстоятельство, как правило, выступает основанием для отмены прокурором решения о приостановлении предварительного расследования.

Следует обратить внимание на положительный опыт формирования и деятельности в соответствии со специальным нормативным актом аналитических групп в Следственном комитете Российской Федерации [5]. Во всех следственных управлениях Следственного комитета по субъектам Федерации созданы аналитические группы, воз-

главляемые, как правило, одним из заместителей руководителя следственного управления.

На такие группы возлагается обязанность по изучению уголовных дел о преступлениях прошлых лет, отмена ранее принятых незаконных и необоснованных процессуальных решений, осуществление контроля за ходом дополнительного расследования по каждому такому делу, проведение заслушиваний хода и результатов дополнительного расследования, а также вынесение наиболее актуальных вопросов на рассмотрение коллегии следственного управления [6, с. 3-7]. Помимо аналитической группы в некоторых следственных управлениях создана постоянно действующая следственно-оперативная группа по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет. Сотрудники этой группы имеют постоянный следственный состав, они освобождены от работы по уголовным делам текущего периода, что позволяет эффективно работать по преступлениям, оставшимся нераскрытыми в предшествующие годы [7, с. 10-14].

Определенные шаги в данном направлении неоднократно предпринимались и в МВД России, тем не менее до настоящего времени не издан ведомственный нормативный акт, определяющий на постоянной основе порядок формирования и деятельности аналитических групп. В УПК РФ отсутствуют причины нормативного характера, препятствующие использованию данного положительного опыта в системе МВД России.

В правоприменительной практике неоднозначно решается вопрос относительно следователя, который должен продолжить работу после приостановления предварительного расследования. Можно отметить определенные преимущества выделения специализации следователей, осуществляющих свою деятельность исключительно по уголовным делам, по которым принято решение о приостановлении предварительного расследования. Они способны дать объективную оценку проделанной работе, выявить недостатки и определить перспективные направления по установлению лица, совершившего преступление. Однако данный вариант содержит и негативные моменты. В частности, в материалах уголовного дела не всегда в полной мере можно процессуально закрепить информацию, определенный объем сохраняется в памяти следователя. Поэтому следователь, расследовавший уголовное дело до приостановления предварительного расследования, в большей мере обладает информацией об обстоятельствах совершенного преступления, что повышает его возможности в раскрытии преступления.

В-третьих, следователю необходимо обеспечить сбор информации, содержащейся в учетах системы МВД РФ (на местном, региональном, федеральном уровнях). Положительный результат может быть получен в ходе повторных проверок объектов экспертно-криминалистических учетов, содержащихся в материалах приостановленных уголовных дел. К сожалению, возможности использования экспертно-криминалистической информации реализуются не всегда в полной мере, в силу различных недостатков:

– не всегда выполняются требования п. 23.2 Инструкции по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») [8] (Далее – Инструкция) по направлению объектов учета и проверки в экспертно-криминалистические подразделения для их исследования, проверки и постановки на экспертно-криминалистический учет;

– не во всех случаях свидетели, потерпевшие (очевидцы), способные по мысленному образу воссоздать внешний облик лица, подозреваемого в совершении преступления, привлекаются к составлению субъективных портретов. Проведенные Гордиенковым А.Д. исследование среди дознавателей Северо - Западного федерального округа

показали, что словесный портрет с целью розыска лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, составлялся в 50 % случаев, а фоторобот не составлялся вообще [9]. Адвокаты в обосновании апелляционных жалоб указывают на то, что в ходе предварительного расследования не составляется фоторобот лица [10]. Порой данные действия проводятся со значительным временным интервалом после совершения преступления, что препятствует качественному созданию портрета;

– не находит отображения в суточных оперативных сводках (категория раскрытых преступлений) информация о дактилоскопировании и получении образцов следов обуви у лиц, подозреваемых в совершении преступлений, что не позволяет осуществлять действенный контроль за их проверкой на причастность к ранее совершенным преступлениям, в том числе прошлых лет, посредством проведения проверок по соответствующим учетам [4, с. 94-105].

Усиление ведомственного контроля позволяет нивелировать данные недостатки и обеспечить эффективное использование экспертно-криминалистической информации. Контроль за формированием и использованием экспертно-криминалистических учетов в пределах их компетенции осуществляется руководителями оперативных, следственных и экспертно-криминалистических подразделений, а также подразделений дознания органов внутренних дел (п. 13 Инструкции).

Второе направление деятельности по установлению лица, совершившего преступление, может быть обусловлено обстоятельствами конкретного уголовного дела, в его основе лежит аналитическая работа следователя.

1. Меры, связанные с установлением сходных по способу совершения преступлений (подобных преступлений). С целью выявления сходных по способу совершения преступлений, следователю, целесообразно систематически изучать уголовные дела. В случае совпадения существенных признаков (по месту, времени, предмету преступного посягательства), способов совершения двух или более преступлений может быть выдвинута версия о том, что они совершены одним лицом или группой лиц. Данное обстоятельство в соответствии с ч. 2 ст.153 УПК РФ может служить основанием для соединения подобных уголовных дел. Ознакомление с материалами уголовных дел по раскрытым преступлениям позволяет сопоставлять сведения о личности устанавливаемого лица с данными о личностях известных (подозреваемых) обвиняемых.

Системный подход к выявлению и анализу признаков серийности преступлений, относящихся к одной категории (квартирные кражи, разбойные нападения, уличные грабежи) может быть обеспечен, если эту работу возложить на организованные в следственных подразделениях группы, отделения, отделы зонального контроля, контрольно-методические отделы, контрольно-аналитические группы [4, с. 111]. Сотрудники данных отделов (отделений, групп), осуществляя ведомственный процессуальный контроль за следственными подразделениями, получают возможность для обобщения подобной информации.

2. Меры, принимаемые в случае, когда по уголовному делу установлены не все соучастники преступления. В этой ситуации следователь организует работу по установлению соучастников через лиц, привлеченных к уголовной ответственности, их родственников. В целях выявления всех возможных связей обвиняемого, необходимо продолжить изучение его личности.

Информацию, способствующую установлению круга общения обвиняемого, можно получить посредством мониторинга сайтов социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram», «Facebook» и др.). По анкетным данным обвиняемого, публикуемым фотографиям, видеозаписям, списку друзей имеется возможность отслеживания его активности в сети.

Не исключается на данном этапе досудебного производства проведение бесед с потерпевшими (свидетелями). Это позволяет выявить случаи, когда неустановленные соучастники преступления пытаются оказать воздействие на них в целях склонения последних к изменению показаний. Если на досудебном производстве в отношении по-

терпевших (свидетелей) были применены меры безопасности, следовательно, одновременно с приостановлением предварительного следствия, вправе с согласия руководителя следственного органа, при наличии на то оснований, вынести постановление о дальнейшем их применении (ч. 8 ст. 208 УПК РФ). Если же необходимость в них возникла после приостановления предварительного расследования, то следователь принимает решение о его возобновлении и решает вопрос о применении мер безопасности.

3. Меры, направленные на установление похищенного имущества. Следователю необходимо организовать систематические проверки мест возможного сбыта похищенного имущества (рынки, комиссионные магазины, ломбарды, пункты приема металла, а также осуществлять мониторинг сайтов сети Интернет, таких как «Авито», «Дром.ру» и т. д.), которое может поступить от неустановленных лиц, спустя продолжительное время после совершения преступления. Порой преследуемые лица задерживают реализацию преступно добытых ими предметов и ценностей [11, с. 41]. Нами ставится под сомнение утверждение В. В. Бычкова о том, что органу дознания не может быть направлено поручение после вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия [12, с. 32]. Данный подход можно признать правомерным лишь относительно поручения о производстве следственных действий. Поэтому целесообразно после приостановления предварительного расследования периодически поручать органу дознания производство ОРМ в местах возможного хранения и сбыта похищенного имущества, а также в местах традиционной и нетрадиционной реализации предметов, товаров и т.п., например, временных дорожных стоянок автомобилей, перевозящих грузы на большие расстояния [13]. Необходимо исключать факты некачественного составления следователями поручений органу дознания (недостаточно полно и конкретно указываются обстоятельства совершения преступления; приметы похищенного имущества; места, предполагаемого сбыта похищенного имущества).

4. Меры по установлению очевидцев преступления. Целенаправленность данной деятельности определяет знание категорий лиц, среди которых целесообразно вести поиск:

- каким-либо образом связанных с местом совершения преступления и прилегающей к нему территорией;
- имевших связи с потерпевшими, как непосредственно перед совершением преступления, так и при иных обстоятельствах;
- возможно обладающих информацией о местонахождении похищенного имущества.

Для получения сведений, образующих основания для возобновления предварительного расследования возможно проведение процессуальных действий. На данном этапе досудебного производства возможно такое процессуальное действие, как представление предметов и документов. Они могут быть представлены следователю участниками уголовного судопроизводства или любыми гражданами. На подобные обращения следователь реагирует в зависимости от субъекта, представившего предметы и документы. Так, в том случае, когда представление осуществляется участником уголовного судопроизводства, наделенным соответствующим правом (например, потерпевший п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), следователь обязан рассмотреть данное обращение в порядке, предусмотренном ст. 159 УПК РФ. Таким образом, мы не исключаем возможность разрешения следователем ходатайств участников уголовного судопроизводства в рамках приостановленного предварительного расследования. Разумеется, в случае удовлетворения ходатайства о необходимости производства следственного действия решается вопрос о возобновлении предварительного расследования (п. 2 ч. 1 ст. 211 УПК РФ).

Некоторыми авторами предлагается по истечении определенного времени следователю повторить производство наиболее значимых следственных действий, возобновив при этом предварительное расследование, не имея на то оснований, предусмотренных в законе [14, с. 78]. Законность и целесообразность данной рекомендации

нами ставится под сомнение. Во-первых, перечень оснований для возобновления является закрытым и в данной ситуации отсутствуют мотивы для их расширительного толкования. Во-вторых, необходимые сведения могут быть получены в ходе объяснений.

Особое внимание следует уделить розыскным мерам (п. 38 ст. 5 УПК РФ). В юридической литературе устоялось мнение, в соответствии с которым к розыскным мерам относятся: 1) следственные действия; 2) истребование; 3) запрос; 4) поручение [15, с. 3]. Мы не разделяем данный подход. На наш взгляд, розыскные меры не состоят из иных поименованных в УПК РФ процессуальных действий, они являются самостоятельными средствами досудебного производства. Под розыскными мерами следует понимать активную целенаправленную деятельность по установлению лица, подозреваемого в совершении преступления. Например, указанным критериям отвечает обращение следователя к общественности, а также использование сети Интернет и т.д. Отсутствие конкретной нормы, закрепляющей это право следователя, как это было предусмотрено в УПК РСФСР (ст. 128), не исключает использования данного средства. В качестве правовой основы следует указывать п. 38 ст. 5, п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ.

Объем данной статьи не позволяет осветить все многообразие проблем, связанных с раскрытием преступлений по уголовным делам, по которым предварительное расследование приостановлено, тем более способов их разрешения. В качестве одного из направлений совершенствования деятельности органов предварительного расследования мы видим более широкое использование ими процессуальных средств. Нормы УПК РФ не исключают такую возможность. Сведение роли следователя лишь к процессуальному закреплению факта раскрытия преступления органами, осуществляющими ОРД, считаем неоправданным. Руководящая роль следователя предполагает изучение и использование им фактических данных для определения направления, методов и средств раскрытия, выбора последовательности, приемов и сроков их реализации. Выбор направления расследования связан с версионным процессом и представляет собой мыслительную деятельность по определению объектов и зоны поиска [3, с. 6-9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г.; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г.; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 г [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 07.12.2020).
2. Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Карагодин В. Н. Следователь как руководитель процесса раскрытия преступления // Российский следователь. 2015. № 24. С. 6 - 9.
4. Морозов А.В. Использование экспертно-криминалистических учетов в расследовании преступлений прошлых лет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 111.
5. Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет [Электронный ресурс]: Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 65. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Раскрытие и расследование преступлений прошлых лет - приоритетный проект Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 3. С. 3-7.
7. Хмелева А. В. Организация работы по преступлениям прошлых лет в Следственном комитете Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 10. С. 10-14.

8. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Гордиенков А.Д. Уклонение от уплаты таможенных платежей: по новому УПК РФ 25 суток для собирания доказательств // Транспортное право. 2002. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 83-АПУ18-2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Коновалов Е.Ф. Розыскная деятельность следователя: учебно-практическое пособие. Высшая школа МВД СССР. М., 1973. С. 41.

12. Бычков В.В. Некоторые аспекты розыскной деятельности следователя // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской видеоконференции. Розыскная работа в ОВД. Тюмень, 2012. С. 32.

13. Гаврилин Ю.В. Организация и тактика розыскной деятельности следователя (научно-практический комментарий к ст. 210 УПК РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Кенжаев Х.Ж. Актуальные проблемы приостановления предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 78.

15. Семенцов В.А. Розыскные действия следователя // Российский следователь. 2004. № 12. С. 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлов Антон Васильевич. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Омская академия МВД России.

Служебный адрес: 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Ключевые слова: следователь; установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого; приостановление предварительного расследования; розыскные меры; возобновление предварительного расследования.

УДК 343.1

Росинский С.Б.

СЛЕДСТВЕННАЯ ВЫЕМКА (ИЗЪЯТИЕ) КАК «ТЕХНИЧЕСКИЙ» СПОСОБ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается подлинное предназначение выемки в досудебном производстве по уголовному делу как сугубо обеспечительного приема, направленного на принудительное изъятие предметов или документов.

Одновременно автор, сравнивая следственную выемку с истребованием предметов и документов, приходит к выводу о недопустимости упрощения ее процессуальной формы, а также о необходимости разрешения ее производства до возбуждения уголовного дела.

В целях продуктивного решения задач досудебного производства по уголовному делу закон наделяет органы дознания и предварительного следствия целым спектром правовых возможностей, позволяющих сформировать надлежащую доказательствен-

ную базу и обосновывать выдвигаемую уголовно-правовую претензию (позицию обвинения), подлежащую дальнейшему рассмотрению и разращению посредством правосудия. Важнейшее место среди них занимают полномочия по производству следственных действий – познавательных приемов, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, связанных с формированием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства.

Вместе с тем, как уже неоднократно отмечалось в публикациях ученых-процессуалистов [1, с. 57-58], в том числе и автора настоящей статьи [2, с. 88-89], далеко не все существующие виды доказательств обязаны своим появлением следственным действиям. Наряду с показаниями (ст. 76-79 УПК РФ) и протоколами (ст. 83 УПК РФ) законодатель предусматривает и другие средства доказывания, в частности вещественные доказательства (ст. 81 УПК РФ) и иные документы (ст. 84 УПК РФ), которые «рождаются» вне процессуальных правоотношений и поступают в распоряжение органов предварительного расследования как уже сложившиеся познавательные ресурсы – в состоянии некоей «готовности к употреблению», поэтому просто приобщаются в качестве доказательств («вводятся» в уголовный процесс), или не приобщаются – в случае невозможности или целесообразности их признания средствами процессуального доказывания. В этой связи механизмы досудебного производства по уголовному делу объективно требуют более простых, сугубо «технических» способов собирания доказательств. В следственной практике такие задачи традиционно решались посредством представления и истребования предметов и документов. Вместе с тем из смысла закона вытекает еще один «технический» способ собирания доказательств – так называемое изъятие. Вне всяких сомнений, *под изъятием в досудебном производстве понимается принудительное завладение следователем (для упрощения изложения материала в качестве должностного лица, осуществляющего досудебное производство по уголовному делу, в настоящей статье рассматривается только следователь. При этом предполагается, что дознаватель в части собирания доказательств наделен аналогичными полномочиями.) какими-либо предметами или документами в целях их дальнейшего использования по уголовному делу.* В настоящее время этот прием не имеет надлежащей правовой основы; возможность его осуществления обуславливается лишь несколькими разрозненными и не находящимися в системном единстве положениями уголовно-процессуального закона. Например, ч. 3 ст. 177 УПК РФ наделяет следователя правом изъятия предметов и документов в ходе следственного осмотра; такое же право вытекает из ч. 5, 9 ст. 182 УПК РФ, устанавливающих основания и порядок производства обыска. По смыслу ч. 1 ст. 144 УПК РФ этот способ собирания будущих доказательств допускается и в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении и т.д. Кстати, в силу ч. 1 ст. 115 УПК РФ возможностью изъятия характеризуется и процедура наложения ареста на имущество, которая далеко не всегда предполагает прямое отношение к доказыванию обстоятельств, имеющих значение для соответствующего уголовного дела.

Таким образом, нетрудно заметить, что в настоящее время законодатель не наделяет изъятие самостоятельным, автономным характером, а расценивает его исключительно как составную часть других процессуальных приемов, в первую очередь невербальных следственных действий, сопряженных с восприятием и фиксацией материальных фрагментов объективной реальности. Подобный подход представляется неконструктивным, поскольку зачастую приводит к необоснованному производству следственных действий по надуманным основаниям. Ведь необходимость изъятия предметов и документов далеко не всегда детерминируется их восприятием в определенном месте либо у определенного лица. Иными словами, данный способ собирания доказательств отнюдь не предполагает обязательной процессуальной сцепки с познанием (с установлением каких-либо новых сведений) как одним из необходимых признаков, определяющих саму сущность следственных действий. Конечно, мы не станем оспаривать очевидный факт, что любому изъятию предшествует некое получение предвари-

тельной информации о требуемых объектах [3, с. 29]. Но это вовсе не означает, что получение такой информации и обусловленное ей изъятие обязательно подлежат слиянию воедино, то есть интеграции в рамках общего процессуального действия. Изъятие вполне может существовать и само по себе, в режиме самостоятельного процессуального действия [4, с. 68], являясь как бы родственным представлению и истребованию сугубо «техническим», обеспечительным приемом, направленным лишь на «введение» определенных предметов или документов в уголовное дело, на их завладение следователем.

Указанный законодательный недочет становится особо заметным в части нормативной регламентации стадии возбуждения уголовного, где на общем фоне запрета производства большинства следственных действий допускается изымать предметы и документы в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. И этой связи В.Ю. Стельмах [5, с. 23-24], И.О. Воскобойник [6, с. 45], Н.С., Соколовская, И.В. Чаднова [7, с. 183] и другие авторы вынуждены констатировать, что, исходя из смысла ч. 1 ст. 144 УПК РФ единственной допустимой формой изъятия в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении является осмотр места происшествия, в том числе и при отсутствии фактических оснований для производства данного следственного действия [8, с. 24]. Конечно, согласиться с подобными утверждениями достаточно сложно хотя бы ввиду того, что за последние годы законодатель разрешил наряду с осмотром места происшествия проводить в стадии возбуждения уголовного дела и другие виды следственных осмотров (предметов, документов, трупов), а также освидетельствование. Однако в контексте рассматриваемого вопроса эти безусловно прогрессивные новшества особого значения не возымели – формально процедура изъятия все равно остается привязанной к каким-либо следственным действиям.

Выход из сложившейся ситуации видится в некотором изменении доктринальных и законодательных подходов к пониманию выемки. В настоящее время выемку принято считать полноценным следственным действием, заключающимся в принудительном изъятии предметов или документов, имеющих значение для уголовного дела при наличии точной информации об местах их нахождения и (или) их владельцах, пользователях или распорядителях (ст. 183 УПК РФ). По своей природе выемка отчасти напоминает обыск и предполагает схожую с ним процедуру. Вместе с тем выемку нельзя считать процессуальной или какой-либо иной разновидностью обыска; это автономное процессуальное действие, характеризующееся самостоятельными задачами, правовыми условиями и основаниями производства. Отличия выемки от обыска – справедливо отмечали А.Р. Ратинов [9, с. 8]; М.С. Строгович [10, с. 117] и многие другие ученые – детерминированы изначальной определённой подлежащих изъятию объектов и места их нахождения, что исключает необходимость поисковых операций.

В этой связи возникают вполне обоснованные сомнения в понимании выемки как полноценного следственного действия, как процессуально-познавательного приема, направленного на расширение полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела. Представляется, что она лишена гносеологической направленности, являясь по сути лишь процессуальной формой принудительного изъятия различных материальных объектов для их последующего «введения» в уголовный процесс. Устанавливая основания для производства этого действия – «при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся» (ч. 1 ст. 183 УПК РФ) – законодатель уже изначально исключает необходимость визуального восприятия данных материальных объектов, чем лишает выемку какой-либо познавательности, превращая ее в сугубо «техническую», обеспечительную процедуру. Какая, собственно говоря, новая информация может быть установлена посредством выемки, когда само решение об ее производстве обусловлено предварительным получением указанных сведений из других источников? А зачастую решение о производстве выемки – совершенно справедливо пишет В.Ю. Стельмах –

вообще основывается на презюмировании нахождения определенных документов в определённых местах, например, историй болезни – в учреждениях здравоохранения, налоговых документов – в подразделениях ФНС России; платежных документов – в банках и т.д. [11, с. 99-100]. Если же имеющиеся в распоряжении следователя сведения не побуждают к уверенности в нахождении определённых предметов или документов в определённом месте (у определённого лица), то выемка становится невозможной; вместо нее требуется иной процессуальный прием – обыск.

В тоже самое время порядок производства выемки (ч. 2 ст. 183 УПК РФ) полностью вписывается в процессуальную форму обыска, во многом нивелирует различия между ними [12, с. 80]. Фактически выемка – не что иное, как усеченный вариант обыска, проводимый по формуле: «Пришел → изъясил»; тогда как обыск предполагает более сложную формулу: «Пришел → поискал → нашел → изъясил». Поэтому обыск, сводящейся к добровольной выдаче искомых объектов (ч. 5 ст. 182 УПК РФ), *de facto* превращается в выемку. И наоборот, при отсутствии подлежащих изъятию в ходе выемки объектов на своих местах, следователю належит незамедлительно (прямо на месте) выносить постановление об обыске (в том числе в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ) и переходить к осуществлению поисков.

Таким образом, *под выемкой разумно понимать не следственное действие, а глубоко «технический» способ собирания предметов или документов, предполагающий их принудительное изъятие из обращения для «введения» в уголовное дело.* Именно ее надлежит расценивать как автономную, не входящую в структуру осмотра, обыска, других следственных действий форму процессуального изъятия различных материальных объектов. Тогда как задачи, направленные на изъятие подобных объектов при необходимости их обязательного восприятия в конкретном месте либо у конкретного лица, то есть связанные с использованием элементов невербального познания, должны решаться посредством следственных действий, в первую очередь, обыска, пусть даже не обременённого потребностью осуществления поисковых операций.

В предложенном понимании следственная выемка (изъятие) предполагает близкое юридическое «родство» с истребованием предметов или документов. Ученые-процессуалисты уже не раз предпринимали попытки поиска оптимальных критериев для разграничения данных процессуальных приемов. При этом большинство авторов, в частности В.А. Семенов [13, с. 105], В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин [14, с. 134], А.Н. Кузнецов [15, с. 88], А.Б. Судницын [16, с. 27], склоняются к точке зрения, в соответствии с которой выемка (изъятие) в отличие от истребования имеет принудительный характер, то есть может производиться вопреки свободному волеизъявлению «вторых» участников уголовно-процессуальных правоотношений», в том числе при их активном противодействии законным требованиям следователя. Подобная позиция представляется совершенно верной, но не полной: она не учитывает случаи, установленные специальными предписаниями закона, – требующие обязательного производства выемки на основании судебного решения, а именно: выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, информации о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард (ч. 3 ст. 183 УПК РФ), а также выемки у адвоката (ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ). Правда указанный перечень не следует воспринимать догматично, без учета корреспондирующихся с УПК РФ положений иных федеральных законов и существующих по этому поводу позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации. Например, в соответствии со ст. 26 Закона о банках и банковской деятельности [17] справки по банковским счетам и операциям не требуют выемки, а подлежат представлению в форме истребования, но строго по запросу следователя, согласованному с руководителем следственного органа; в силу п. 3 ч. 4 ст. 13 Закона об основах охраны здоровья граждан [18] без судебного решения могут быть предоставлены отдельные сведения, составляющие врачебную тайну (кстати, эти же требования находят отражение в п. 9 и 10 по-

становления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». С другой стороны, ввиду существующей позиции Конституционного Суда Российской Федерации [19] предметы и документы, содержащие аудиторскую тайну, подлежат изъятию не иначе как на основании судебного решения и т.д.

При рассмотрении следственной выемки как «технического» способа собирания потенциальных доказательств невольно возникает еще один вопрос. Стоит ли сильно упрощать порядок ее производства, сократив объем присущих ей процессуальных формальностей до уровня представления и истребования? Думается, что нет! Обеспеченная возможностью государственного принуждения, нередко предполагающая изъятие особо охраняемых федеральным законодательством объектов следственная выемка не может быть освобождена от существующих в настоящее время юридических гарантий доброкачественности ее результатов, сопоставимых с гарантиями, присущими осмотру, обыску и другим невербальным следственным действиям. Представляется, что наиболее разумным будет сохранение существующего порядка выемки, состоящего в вынесении соответствующего постановления как публичного государственно-властного акта, четкой процедуре, включающей разъяснение прав, предложение выдать объекты добровольно и т.д., а также в обязательном протоколировании ее хода и результатов.

Тем более, что в современной следственной практике выемка достаточно часто подменяется схожими квазипроцессуальными действиями – не имеющими определённой правовой природы некими изъятиями, добровольными выдачами и пр. Особую актуальность эти проблемы приобретают в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении, когда органы дознания и предварительного следствия в силу закона еще не имеют возможности пользоваться всем предоставленным им арсеналом процессуальных средств, в частности произвести полноценную выемку. Ученые-процессуалисты уже раз писали о недопустимости замены полноценной следственной выемки подобными юридическими «суррогатами» [20, с. 152]. В этой связи мы можем лишь выразить надежду, что законодатель рано или поздно все-таки прислушается к этим доводам и, наконец, разрешит производить выемку до возбуждения уголовного дела, хотя бы в случаях, не требующих получения судебного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т.18. № 2. С. 55-62.
2. Россинский С.Б. Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. 408 с.
3. Айдаров Б.Б. Сущность и правовые формы изъятия (получения) предметов и документов правоохранительными органами: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ЮИ МВД России, 1999. 199 с.
4. Гладышева О.В. Изъятие предметов и документов в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции. Новороссийск: Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, 2013. С. 63-69.
5. Стельмах В.Ю. Процессуальные проблемы истребования и изъятия документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (38). С. 23-26.
6. Воскобойник И.О. Некоторые проблемы уголовно-процессуальной регламентации производства изъятий предметов и документов до возбуждения уголовного

дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (40). С. 45-47.

7. Соколовская Н.С., Чаднова И.В. К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 181-184.

8. Перякина М.П. Некоторые процессуальные вопросы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4 (71). С. 22-25.

9. Ратинов А.Р. Обыск и выемка. М.: Госюриздат, 1961. 220 с.

10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.2. М.: Наука, 1970. 516 с.

11. Стельмах В.Ю. Концептуальные основы следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2017. 282 с.

12. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практ. пособие. 2-е изд. М.: Эксмо, 2010. 237 с.

13. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве. М: Юрлитинформ, 2017. 254 С.

14. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия: учебное пособие. Омск, ОМА МВД России, 2015. 222 с.

15. Кузнецов А.Н. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 88-91.

16. Судницын А.Б. Истребование и изъятие предметов (документов) при проверке сообщения о преступлении // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 4 (25). С. 26-32.

17. О банках и банковской деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1

18. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ.

19. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 марта 2006 г. № 54-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью "Аудиторская фирма "АристаЛюКС" на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

20. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013. 191 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович. Профессор кафедры уголовно-процессуального права. Доктор юридических наук, доцент.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Служебный адрес: 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ключевые слова: выемка; изъятие; истребование; следственные действия; собирание доказательств.

УДК: 343.14

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИИ И МОНГОЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Предметом рассмотрения является уголовно-процессуальное законодательство России и Монголии в части регламентации процессуального порядка возбуждения уголовного дела. На основе сравнительного анализа нормативных источников указанных государств, формулируются конкретные выводы, связанные с деятельностью участников уголовного судопроизводства на первоначальной стадии процесса, сроками, задачами и особенностями принятия итоговых решений на первоначальной стадии уголовного процесса.

Изучение и осмысление законодательства иностранного государства всегда представляется актуальной тематикой, вызывающей интерес среди ученых и практиков. Однако, основным адресатом данной публикации являются, в первую очередь, обучающиеся факультета иностранных слушателей, которые в ходе изучения дисциплины «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)» должны сформировать соответствующие компетенции, предусмотренные рабочей программой дисциплины [1]. Конечно, данный материал также может быть полезен и обучающимся других специальностей, а также всем интересующимся институтом возбуждения уголовного дела.

Безусловно, законодательства стран Азиатско-Тихоокеанского региона и России включают синонимичные положения и характеризуются во многом схожими подходами к регламентации смежных институтов. Это обусловлено, во многом, историческим построением системы права указанных государств в целом. Так, например, в соответствии со ст. 1 Конституции Монголии обеспечение демократии, справедливости, свободы, равенства, национального согласия и верховенства закона - основной принцип деятельности современного монгольского государства [2]. Конституция Российской Федерации (ст. 2) гарантирует: человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита - обязанностью государства [3]. Эти принципы основных законов указанных стран сближают их правовые позиции.

Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (далее - УПК Монголии) [4], принятый 1 мая 2017 г. и вступивший в действие с 1 июля 2017 г., и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее - УПК РФ) [5], принятый 18 декабря 2001 г. и вступивший в силу 1 июля 2002 г., регламентируют первоначальную стадию уголовного судопроизводства в едином правовом поле, но с учетом своих особенностей.

Становление первоначальной стадии уголовного процесса, как в Монголии, так и в России сопровождалось активной научной исследовательской деятельностью, связанной с формированием эффективного института проверки сообщений и заявлений о преступлениях и поиском оптимальной его структуры. Вместе с тем, до настоящего момента вопросы определения поводов, оснований, форм и структуры деятельности, содержания функций сторон обвинения, защиты и суда остаются до конца нерешенными, вызывающими дискуссии в теории и сложности применения на практике. Кроме того, на данном этапе приобрели особую остроту вопросы теории доказательств и практики доказывания.

Как известно стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной и обязательной. Для всех этапов, которые следуют после, а именно, для предварительного расследования и судебного разбирательства, она является основной, т.е. является основой для дальнейшего производства процессуальных действий и уголовного дела в целом [6, с. 201].

В юридической литературе термин «возбуждение уголовного дела» имеет несколько значений, которые в совокупности дают полное представление о данной ста-

дии. Во-первых, это первоначальная стадия уголовного судопроизводства, имеющая свои цели, задачи и временные рамки. Во-вторых, это процессуальный акт, который символизирует начало уголовного преследования. В-третьих, это специальная деятельность уполномоченных государственных органов и лиц по проверке поводов и установлению признаков преступления. В-четвертых, это совокупность норм права, регулирующих однородную группу общественных отношений, которые возникают при рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях, то есть данную стадию можно назвать самостоятельным уголовно-процессуальным институтом.

В УПК РФ и УПК Монголии установлены ряд правил, касающиеся начал уголовного судопроизводства, которые направлены, прежде всего, на обеспечение прав, свобод и законных интересов всех лиц, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности.

Прежде чем анализировать порядок принятия процессуального решения, представляется целесообразным охарактеризовать исследуемый этап уголовного судопроизводства, который начинается с момента поступления сообщения о преступлении и заканчивается принятием решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Данный этап в теории уголовного процесса именуется стадией, так как представляет собой самостоятельную часть уголовного судопроизводства, характеризующуюся определенными элементами: задачами, вытекающими из общего назначения уголовного судопроизводства; определенным кругом государственных органов, должностных и частных лиц; установленными сроками; процессуальными средствами и итоговыми решениями.

Если УПК РФ, как и ранее действовавший УПК Монголии 2002 г. [7], включает две досудебных стадии: возбуждении уголовного дела и предварительное расследование, то новый УПК Монголии 2017 г. такое деление не предусмотрел. Согласно данного кодифицированного нормативного акта можно выделить условные части производства по уголовному делу, до его предания суду. А. Лхамсурэн называет пять таких самостоятельных стадий:

1. Проверку сообщения о преступлении,
2. Возбуждение дела (предварительное дознание).
3. Возбуждение уголовного дела.
4. Предварительное следствие (предварительное расследование).
5. Прокурорский надзор [8, с. 328-329].

Как правильно отмечают П.В. Козловский, Р. Ганболд, современный уголовный процесс Монголии не знает стадии возбуждения уголовного дела в привычном для российских правоприменителей понимании. Проверка сообщения о преступлении осуществляется в рамках полицейского дознания детективом. Данный термин используется для обозначения лиц, проводящих дознание и следствие [15, с. 365-366].

Насколько такое структурирование досудебных стадий будет эффективным, покажет время, однако в данной публикации предметом внимания является именно проверка сообщения о преступлении с позиции законодательства Монголии и тождественная ей процедура в России: возбуждение уголовного дела (далее используем единую терминологию – возбуждение уголовного дела).

Принять решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 145 УПК РФ, ч. 1 ст. 30.8 УПК Монголии) следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа (детектив – согласно УПК Монголии) и начать производство по уголовному делу должны в течение 3 суток в России (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) и в 5-тидневный срок в Монголии (ст. 30.7 УПК Монголии) с момента появления повода и регистрации сообщения в книге учета сообщений о преступлениях [9]. При этом УПК РФ, в отличие от УПК Монголии [10], предусматривает процедуру продления срока проверки сообщения о преступлении до 10 суток, а в случаях производства отдельных процессуальных и непроцессуальных действий (про-

изводство документальных проверок, экспертиз, ОРМ и т.д.) – до 30 суток (ст. 144 УПК РФ).

1. Такой небольшой срок для принятия решения дается в виду того, что на первоначальном этапе, как справедливо отмечает профессор Л.В. Головкин, не требуется достоверное установление наличия преступления и всех обстоятельств его совершения [11, с. 422]. Кроме того, для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо наличие лишь внешних признаков преступления, а не установление всех элементов его состава. Это задача предварительного расследования и последующих стадий уголовного процесса. Следовательно, на момент принятия процессуального решения достаточно, как правило, установить наличие объекта и объективной стороны, т.е. нарушенные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, а также деяние, его место, мотив, способ и последствия, состоящие с ним в причинно-следственной связи. Конечно, в отдельных случаях требуется установление и субъекта преступления, например, в случае превышения должных полномочий следует установить специальный статус лица, а в случае указания формы вины в квалификации инкриминируемого деяния (ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 109 УК РФ «Убийство по неосторожности» и т.д.) также и субъективную сторону преступления, например, умысел или неосторожность. Вместе с тем, перечень таких составов преступлений ограничен, и по общему правилу, достаточно установления двух указанных выше элементов.

2. Таким образом, вывод о наличии преступления при принятии решения о возбуждении уголовного дела носит вероятностный характер. Необоснованное же промедление с принятием решения о возбуждении уголовного дела может повлечь за собой утрату или сокрытие следов преступления, утерю доказательств.

Так же, и Конституционный Суд Российской Федерации раскрывает сущность этой стадии и говорит, что возбуждение уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключаящие возбуждение уголовного дела, а также применяются меры по предотвращению и пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению его последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом последовательностью и подсудностью и т. п. [12]. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что актом возбуждения уголовного дела начинается публично уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда. В соответствии с этим, правила о порядке возбуждения дела предваряют регулирование предварительного расследования, то есть той досудебной стадии уголовного процесса, в ходе которой на специальные указанные в законе органы и должностных лица возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличения виновных, формированию обвинения и его обоснованностью, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу, и тем самым, осуществить правосудие [12].

3. Для того, чтобы установить достаточность данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) или обнаружить явные признаки совершения преступления (ч. 1 ст. 30.8 УПК Монголии) и возбудить уголовное дело, органы предварительного расследования имеют право провести ограниченный уголовно-процессуальным законом перечень мероприятий.

УПК РФ и УПК Монголии с целью обнаружения признаков совершенного или подготавливаемого преступления, а также определения правовых оснований и выбор соответствующего порядка дальнейшего уголовного производства, по-разному структурируют перечень таких действий.

Так, УПК РФ в ст. 144 позволяет дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа получать на первоначальной стадии уголовного судопроизводства объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Данный перечень проверочных действий был расширен российским законодателем с принятия Федерального закона № 23 4 марта 2013 г. [13] и является исчерпывающим.

УПК Монголии в ст. 30.7 разграничивает перечень проверочных действий на две группы:

4. самостоятельно принимает детектив;
5. с согласия прокурора принимает детектив.

К первой группе относятся:

- 1) производство осмотра;
- 2) получение образцов для сравнительной экспертизы;
- 3) допрос свидетеля;
- 4) наложение временного ареста на транспортные средства, товары или финансовые средства, имеющие существенное значение для дела;
- 5) опечатывание помещения, имущества.

Ко второй группе относятся действия, предусмотренные ч. 3 ст. 22.1 УПК Монголии:

- 1) осмотр;
- 2) обыск;
- 3) изъятие документов, конфискация имущества;
- 4) контроль наличия ограничений;
- 5) контроль за телекоммуникациями;
- 6) контроль доступа к телекоммуникациям и доступа к информации через телекоммуникационную сеть соответствующих организаций;
- 7) изъятие необходимой компьютерной информации пользователя;
- 8) отбор биологических проб;
- 9) извлечение трупа из места захоронения;
- 10) получение информации и документов;
- 11) контроль доставки;
- 12) контроль закупки;
- 13) проведение следственного эксперимента;
- 14) проведение наблюдения;
- 15) предъявление для опознания.

6. Следовательно, при наличии повода, определяющего начало проверки сообщения о преступлении, и основания, т.е. достаточных данных, указывающих на признаки преступления, полученных в ходе осуществления указанных выше действий, принимается решение о возбуждении уголовного дела [14]. Такое решение принимается органом дознания, дознавателем, следователем, руководителем следственного органа в России и детективом в Монголии, т.е. должностным лицом (органом), уполномоченным проводить проверку сообщения о преступлении в форме постановления, в котором должны быть указаны дата, время и место его вынесения; кем оно вынесено; повод и основание для возбуждения уголовного дела; пункт, часть, статья Уголовного кодекса, на основании которых возбуждается уголовное дело.

В целях обеспечения полномочий прокурора по оперативному выявлению нарушений закона копия постановления о возбуждении уголовного дела направляется

прокурору. В России это нужно сделать незамедлительно (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), УПК Монголии предусматривает для этого 72 часа (ч. 1 ст. 30.09 УПК Монголии). Таким образом, уголовное дело будет считаться возбужденным, если прокурор его не отменит, т.е. не посчитает незаконным или необоснованным.

Подводя итоги анализа, предпринятого в данной публикации и связанного с процессуальным порядком возбуждения уголовного дела в России и Монголии, следует сделать вывод, что деятельность лиц, уполномоченных проводить проверку сообщения о преступлении в России более формализована, т.е. строго регламентирована законом, отступления от положений гл.гл. 19-20 УПК РФ недопустимо и влечет признание проверочной деятельности незаконной. В отличие от российского начала уголовного процесса, УПК Монголии не содержит отдельных глав, связанных с регламентации первой стадии уголовного судопроизводства. Единственным должностным лицом, осуществляющим проверку, является детектив, тогда как следователь, прокурор вступают в процесс после возбуждения уголовного дела. Перечень процессуальных действий, допустимых на исследуемой стадии очень широк. Насколько такой механизм принятия решений действенен пока сложно оценивать, так как практика применения данного института еще недостаточно сформирована. Вместе с тем, основная задача и главное направление уголовно-процессуальной политики в любом государстве состоит в создании условий эффективной деятельности по борьбе с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Способность использовать знания основных понятий, категорий первоначальной стадии уголовного процесса, правовых статусов субъектов уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе (ОПК-1), способностью юридически правильно квалифицировать факты, события и обстоятельства при проверке сообщений и заявлений о преступлениях (ПК-2).

2. Конституция Монголии: принята всенародным голосованием 15 января 1992 г.: с изменениями и дополнениями // Государственный бюллетень. 1992. № 1. 94 с.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии: федеральный закон: от 1 мая 2017 г.: с изменениями и дополнениями: Государственный бюллетень. 2017. № 5. 218 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ: с изменениями и дополнениями. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Логинов Н.Г. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XX международной научно-практической конференции. СибЮИ МВД России 20-21 апреля 2017. Ч. 2. С. 200-203.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии [Электронный ресурс]: федер. закон от 3 января 2002 г.: утратил силу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Лхамсурэн А. Концепция уголовно-процессуального кодекса Монголии и его реформирование // Новеллы права и политики. 2018. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 327-331.

9. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о про-

исшествиях [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 29 августа 2014 № 736: ред. от 9 октября 2019 г. // Рос. газ. 2014. 14 ноября; Приказ начальника Главного управления полиции Монголии от 18 сентября 2002 г. № 338. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. УПК Монголии 2002 г. в ч. 2 ст. 171. («Срок рассмотрения жалоб и сообщений о преступлении») предусматривал продление до 14 дней в случаях, когда для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо получить дополнительные объяснения, документы и другие материалы или произвести осмотр места преступления.

11. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и [др.] / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.

12. Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2005 г. № 7-П по делу о практике конституционных положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1 и 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2005. № 4.

13. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ: ред. от 28.12.2013 // Российская газета. 2013. 6 марта.

14. По делам публичного и частно-публичного обвинения.

15. Козловский П.В., Ганболд Р. Порядок прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям в Российской Федерации и Монголии // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 3. С. 364-358.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенов Евгений Алексеевич. Профессор кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Плетникова Мария Сергеевна. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Уральский юридический институт МВД России

Служебный адрес: 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; первоначальная стадия уголовного процесса; процессуальный порядок принятия решения; поводы и основания для возбуждения уголовного дела.

УДК 343.1

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Баранова Т.Ю., Озеров К.И., Кеменяш Ю.В.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АКТАМ КИБЕРТЕРРОРИЗМА НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

В данной статье рассмотрены различные аспекты проявления актов кибертерроризма на объектах транспорта, проанализировано законодательство в области обеспечения кибербезопасности объектов транспортного комплекса, а также определены основные направления совершенствования деятельности в данной области. На современном этапе данные вопросы имеют прикладную направленность в связи с возрастанием количества актов кибертерроризма. Повсеместное распространение информационно-телекоммуникационных технологий способствует повышению интереса отдельных категорий граждан к преступным деяниям в данной сфере.

Каждое 4 зарегистрированное в Российской Федерации преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Более половины всех преступлений экстремистской направленности совершены с использованием сети «Интернет» [1].

В первом квартале 2021 года в IT-сфере совершено на 33,7 % больше преступлений, чем год назад, в том числе с использованием сети Интернет – на 51,6 % и при помощи средств мобильной связи – на 31,6 %. В январе – марте 2020 года удельный вес таких деяний составлял 19,9 % от общего числа зарегистрированных преступлений, а за три месяца текущего года увеличился до 27,1 % [2].

20 октября 2020 года заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Юрий Коков отметил, что количество преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, увеличилось в 20 раз, а также обратил внимание на то, что информация, имеющаяся в киберпространстве, позволяет киберпреступникам использовать интернет в качестве инструмента планирования и подготовки террористических актов [3].

1. В ряде стран киберпреступность стала объектом глобальных исследований, направленных на разработку методов, способов уличения преступников в содеянном. Россия не стала исключением, и нередко обращает внимание на опыт зарубежных стран. Киберпреступность – всемирная проблема, поэтому и бороться с ней следует совместными усилиями: перенимать опыт, давать советы, обращать внимание на развитие преступности в различных регионах стран, учитывать ошибки товарищей.

2. Так, за преступления, совершенные в сфере компьютерной информации, предусмотрена уголовная ответственность, но уголовное законодательство зарубежных стран значительно отличается от Уголовного Кодекса Российской Федерации [4]. Проанализировав историю развития киберпреступлений и развития зарубежного законодательства, можно сделать вывод, что первые шаги в защиту компьютерной информации были сделаны законодательством Швеции. В 1973 году в стране был принят «Закон о данных», который ввёл новое понятие «злоупотребление при помощи компьютера».

3. Киберугрозы не являются новостью для мира, так как одним из первых и широко известных преступлений в сфере информационных технологий признается преступление Роберта Морриса. Оно было совершено в ноябре 1988 года. 23-летний студент Роберт Моррис запустил вирус в сеть «Интернете». «Червь Морриса», как стало

известно позже, парализовал работу шести тысяч из 60 000 интернет-узлов в США. Многие корпорации и правительственные сайты отключились от Интернета, так как новости об инциденте распространились достаточно стремительно. Эпидемия показала, как опасно безоговорочно доверять компьютерным сетям [5].

Так, в России общественное внимание в большей степени содержится в таких материальных сферах жизнедеятельности, как сферах обслуживания, интернете и транспорта. Основываясь на вышеуказанных фактах, можно с уверенностью отметить, что сфера денежных переводов и платежей страдает от «хакерских» нападений почти ежедневно, принося огромный материальный ущерб всем ее пользователям.

Значимость противодействия киберпреступности на объектах транспорта обусловлена множеством факторов, которые можно проследить при изучении жизнедеятельности и средств жизнеобеспечения граждан [6].

Транспорт, как одна из основных материальных сфер жизнедеятельности граждан, является основным средством передвижения всех граждан по территории Российской Федерации и за ее рубежом. Он быстро развивается, создаются различные компьютерные системы, позволяющие управлять им без физического контакта, то есть с использованием возможностей виртуального пространства, искусственного интеллекта и наличием определенных программ. В связи с этим, следует констатировать, что транспортный комплекс находится под угрозой совершения актов незаконного вмешательства в вышеуказанные системы, которые не имеют должного образа защищенности [7].

4. Современные методы и способы противодействия киберпреступности в сфере информационных технологий, зародившиеся в США, активно используются компетентными уполномоченными подразделениями в сфере безопасности в различных странах, в том числе в России.

5. На сегодняшний день, проблему проявления киберпреступности можно считать комплексной. В связи с этим, необходимо наличие усовершенствованной, соответствующей современным реалиям нормативной базы, которая смогла бы в должной мере, при правильном расчете угроз, их масштабов и приемов, используемых преступными субъектами, выработать тактику противодействия и предупреждения преступлений в данной области. С учетом развития угроз совершения актов киберпреступности на объектах транспорта, необходимо отметить важность принятия новых нормативно-правовых актов, либо внесения изменений в уже существующие, основываясь на том, что объекты транспортной инфраструктуры являются неотъемлемым элементом жизнедеятельности граждан и совершение актов киберпреступности на таковых объектах может привести к непоправимым последствиям.

6. Также, необходимо отметить, что киберпреступность на объектах транспорта представляет собой целый ряд важнейших вызовов, связанных с различными обстоятельствами [8].

7. Во-первых, важно отметить невозможность прогнозирования кибератак из-за их скрытого, внутреннего характера, характеризующегося отсутствием явных подготовительных действий, анонимностью субъектов, зашифровкой каналов выхода в сеть, постоянной сменой местонахождения ip-адресов с помощью специально подготовленных программ, что в свою очередь затрудняет возможность поиска самих субъектов и фиксации их преступной деятельности.

8. Во-вторых, из-за неурегулированности вопросов в области киберпреступности, включающих отсутствие законодательно закрепленного самого понятия киберпреступность, ответственности лиц их совершивших, а также поиск, захват и выдача отдельных лиц представляются проблематичными.

Вопрос совершенствования деятельности территориальных органов МВД России на транспорте на региональном уровне при проведении мероприятий по противодействию кибертерроризму на объектах транспорта должен рассматриваться комплексно всеми ведомствами, так или иначе имеющими полномочия влиять на законодательную и исполнительную базу в целях ее улучшения и оптимизации.

При рассмотрении основных законов, нормативных актов, и приказов государственных служб и ведомств, регулирующих состояние безопасности на транспорте Российской Федерации, обнаруживается ряд недостатков. Неоспоримо, что уже предпринято множество мер, для предотвращения и устранения угрозы совершения актов незаконного кибервмешательства на объектах транспорта, но в комплексе выработать единую законодательную и исполнительную систему крайне сложно [9].

Этому факту есть вполне объяснимые причины. Во-первых, протяженность транспортных маршрутов очень велика, во-вторых, сложность обуславливается большим количеством пассажиров и грузов, в-третьих, все транспортные объекты относятся к разным формам собственности, что усложняет применение к ним единой системы контроля и надзора, в-четвертых, наличие огромного количества систем, позволяющих надлежащим образом функционировать различным видам транспорта.

Анализ действующего законодательства в сфере обеспечения безопасности на объектах транспорта, позволяет сделать вывод о том, что несмотря на наличие отдельных проектов в области обеспечения кибербезопасности на объектах транспорта, деятельность линейных подразделений в области обеспечения кибербезопасности объектов транспортной инфраструктуры в должной мере не определена. Также, важно отметить, что не существует четких понятий, касаемых границ полномочий по противодействию актам кибертерроризма на объектах транспортного комплекса.

Необходимо отметить, что на проблему недостаточного правового регулирования в деятельности по защите объектов возможных антитеррористических посягательств и мест массового пребывания граждан и исследователи по вопросам антитеррористической безопасности обращались неоднократно. В частности, Н.С. Рязанов акцентировал внимание на существенные различия объектов по виду деятельности, специфике их работы, что усложняет задачу разработки общих унифицированных требований и подходов к организации их защищенности [10]. В.Б. Вехов, С.А. Ковалев отмечают особенности совершаемых преступных посягательств и выделяют причины, которые препятствуют эффективной борьбе с преступлениями данного вида: специфика данной сферы, высокая динамика, развитие и изменение, недостаточное урегулирование общественных отношений в данной сфере и другие [11]. В связи с чем, данный вопрос остается актуальным и обсуждаемым среди научных деятелей и практическими сотрудниками правоохранительных органов.

Важно обратить внимание на необходимость обсуждения проблем правовой неурегулированности в рамках заседаний антитеррористической комиссии в части осуществления антитеррористической деятельности уполномоченными субъектами, а именно при проведении мероприятий, направленных на защищенность объектов транспорта от киберугроз, а также внесения предложений в Национальный антитеррористический комитет для устранения пробелов в данном вопросе на законодательном уровне.

Также, проанализировав нормативно-правовые акты в области обеспечения кибербезопасности на объектах транспорта, предлагаем осуществлять разработку региональных и типовых муниципальных программ противодействия идеологии кибертерроризма исключительно на уровне антитеррористических комиссий субъектов Российской Федерации, что в свою очередь поспособствует качественному решению вопросов в области системности всей работы и четкой координации всех мероприятий по обеспечению кибербезопасности транспортных комплексов России.

Важно отметить, что Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [12] является одним из основополагающих источников по обеспечению транспортной безопасности от киберугроз.

В его статьях излагаются основные понятия, такие как: автоматизированная система управления, безопасность критической инфраструктуры, информационной инфраструктуры, компьютерная атака, компьютерный инцидент, критическая информационная инфраструктура и другие. Однако понятие «киберпреступность» отсутствует,

что указывает на неполное соответствие Федерального закона современным угрозам. Предлагаем законодательным органам внести изменение в ст. 2 данного закона, добавив понятие «киберпреступность», сформулировав его следующим образом: «киберпреступность – это совокупность явлений и процессов, возникающих в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, образующих преступную деятельность, целью которой является осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ, допущение нарушений в области эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и воздействия незаконным путем на критическую информационную структуру Российской Федерации».

Необходимость совершенствования способов противодействия таким противоправным деяниям со стороны усовершенствования нормативного урегулирования вопросов киберпреступности на транспорте, а именно внесения корректировки в Приказ Министерства транспорта Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 «Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» [13] в связи с проблемами противодействия киберпреступности на транспорте, как насущной и перспективной угрозе.

Необходимо отметить, что непосредственной задачей сотрудников правоохранительных органов является информирование граждан о фактах увеличения числа совершаемых киберпреступлений, совершенных с использованием сети Интернет, иначе киберпреступники, будут продолжать осуществлять свою деятельность по обогащению своего капитала за счет незнания людей о данных преступлениях.

Помимо информирования граждан перед сотрудниками правоохранительных органов стоит нелегкая задача, состоящая в совершенствовании навыков и знаний в сфере IT- технологий, им необходимо знать, какие угрозы существуют в настоящее время.

Эффективность противодействия киберпреступности на объектах транспорта возможно повысить путем повышения уровня квалификации у сотрудников территориальных органов МВД России на транспорте, а также путем устранения следующих причин, служащих для кибертеррористов благоприятными условиями:

- несоответствие программного обеспечения и операционных систем заявленным требованиям современных киберугроз;
- отсутствие кадров, специализирующихся на кибербезопасности и на защите от киберугроз;
- дефицит, связанный с проведением профилактических мероприятий и непризнание слабой защищенности в области кибербезопасности;
- отсутствие знаний сотрудников правоохранительных структур о возможных неблагоприятных последствиях от преступлений в киберсреде;
- сложная структурированная система сферы информационно-телекоммуникационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: genproc.gov.ru (дата обращения: 24.12.2020).
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // мвд.рф. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23816756/> (дата обращения: 01.05.2021).
3. Тасс [Электронный ресурс] // tass.ru. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/9767825> (дата обращения: 14.12.2020).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 5 апреля 2021 г.: с изм. от 8 апреля 2021 г. // Рос. газ. 18 июня № 113, 1996 г.; № 114. 19 июня 1996 г.; № 115. 20 июня 1996 г. № 118. 25 июня 1996 г.

5. Чекунов И.Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. 2014. № 18. С. 53–56.
6. Меняйло Д.В., Колесников А.Г., Баранова Т.Ю. Кибертерроризм как угроза транспортному комплексу современной России // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. 2020. С. 461-465.
7. Рязанов Н.С. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «транспортная безопасность» // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. С. 89-94.
8. Агеев А.С. Право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов (особенности конституционно-правового регулирования в России и в Германии): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 162 с.
9. Чекунов И.Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. 2014. № 18. С. 53-56.
10. Рязанов Н.С. Проблемы соотношения институтов уголовно-правовой охраны интересов государства в сфере транспортной безопасности и административной ответственности // Транспортное право. 2017. № 3. С. 29-32.
11. Вехов В.Б., Ковалев С.А. Проблемы борьбы с кибертерроризмом // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1 (16). С. 89-93.
12. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 26 июля 2017 г. № 187. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств: приказ Министерства транспорта Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 5 марта 2010 г. № 52/112/134. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Таисия Юрьевна. Инспектор специализированного отдела по обеспечению общественного порядка (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры).

Линейный отдел МВД России в аэропорту Внуково (г. Москва).

Служебный адрес: 119027, Российская Федерация, г. Москва, ул. 2-я Рейсовая, д. 2 А.

Озеров Кирилл Игоревич. Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров.

Московский Университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Служебный адрес: 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Кеменяш Юлия Витальевна. Научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

Служебный адрес: 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Ключевые слова: кибертерроризм; кибербезопасность; транспортный комплекс; транспортная безопасность.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ХИМИЧЕСКИХ ЛОВУШЕК УЧАСТКОВЫМИ-УПОЛНОМОЧЕННЫМИ И ОПЕРАТИВНЫМИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются проблемы применения химических ловушек участковыми-уполномоченными и оперативными сотрудниками полиции при расследовании преступлений, а также предлагаются способы их решения.

Расследование преступлений во все времена имело свои специфические проблемы и особенности, так как с развитием технологий и специальных технических средств преступники становятся все более изощренней в своих преступных действиях. Именно поэтому особую роль в раскрытии и расследовании преступлений играет применение сотрудниками органов внутренних дел специальных технических средств.

Несмотря на то, что большой рост в наше время получили преступления компьютерной направленности с использованием ЭВМ и специально созданных компьютерных программ, не стоит упускать из внимания преступления, чья специфика связана с активными действиями преступника по проникновению на различные объекты для хищения чужого имущества.

Одним из методов, который способствует раскрытию преступлений, является применение сотрудниками ОВД, в том числе участковыми-уполномоченными полиции (УУП), специальных изделий, снаряженных специальными окрашивающими и маркирующими веществами, так называемых химических ловушек. Данная группа специальных технических средств получила свое распространение и развитие еще в период Советской милиции и ее применение в 50-60-е годы XX века имело большую результативность при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с хищением чужого имущества или подделкой документов и ценных бумаг. Следует отметить, что отдельные типы химических веществ могут использоваться для повышения эффективности применения специальных технических средств для негласной идентификации личности, отраженных в соответствующем Перечне [1].

При высоком техническом уровне современной жизни достаточно мало средств используется для профилактики и раскрытия преступления по «горячим следам» уже совершенных краж личного имущества. Также участились случаи совершения коррупционных преступлений должностными лицами, а также самими сотрудниками полиции, что выявить удастся крайне трудно без достаточных на то оснований и отсутствии следов совершения противоправных деяний.

В настоящее время применение специальных химических веществ (СХВ) практикуется не только сотрудниками полиции и органами государственной безопасности, но и различными охранными предприятиями. Ранее информация об использовании СХВ являлась секретной и доступ к таким средствам могли получить только органы внутренних дел. Сейчас же доступ к СХВ свободно имеют и обычные граждане для охраны своих объектов собственности.

Одной из первостепенных проблем применения химических ловушек является то, что регламентация данного вида изделий содержится только в одном ведомственном нормативно-правовом акте.

Приказ Министерства внутренних дел РФ от 11.09.1993 года № 423 «Об утверждении Инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной, частной собственности и собственности общественных объединений (организаций)» дает следующую трактовку понятия химических ловушек: это снаряженные (обработанные) специальными химическими веществами (красящие или запаховые) приспособления или устройства, зака-

муфлированные под различные предметы, с помощью которых такие вещества переносятся на тело и одежду человека [2].

Анализируя содержание данного нормативно-правового акта, можно заметить, что он не содержит конкретного перечня химических ловушек, используемых для расследования и раскрытия преступлений, а также не содержит критериев и требований к изготовлению данных изделий.

Данный факт может легко объясняться тем, что конструкция химических ловушек постоянно модернизируется, и придерживаться только одной конструкции представляется не целесообразным. Но, с другой стороны, регламентация данных положений позволила бы наиболее рационально использовать этот вид специальных изделий при их изготовлении и применении органами внутренних дел.

Химические ловушки, как самостоятельные специальные средства не получили своего должного места в системе специальных технических средств, находящихся в распоряжении органов внутренних дел. В ст. 21 ФЗ № 3 «О полиции» [3] содержится положение о том, что сотрудниками полиции могут использоваться специальные окрашивающие и маркирующие средства в случаях, строго определенных законом. В эту обширную группу можно отнести и химические ловушки, но не стоит забывать, что они имеют определенную специфику применения, которая не ограничивается случаями, предусмотренными ФЗ «О полиции», а также преимущества, за счет которых стоило бы выделить данный вид специальных химических средств из общей массы.

Изучив соответствующую литературу по специальной технике органов внутренних дел, можно сказать, что одним из основных преимуществ химических ловушек является их портативность и небольшой размер, что позволяет без каких-либо препятствий камуфлировать данные специальные средства, практически, в любом месте, а также встраивать их во многие предметы обихода. Еще одним немаловажным преимуществом химических ловушек является небольшая стоимость используемых в них компонентов, что делает их доступными для всех подразделений ОВД.

Все преимущества химических ловушек прямо вытекают из требований, предъявляемым к их конструкции. Такими требованиями являются [4, с. 7]:

1. Безопасность для человека.
2. Многократность и долговременность использования.
3. Надежность при применении химических ловушек.
4. Простота конструкции и использования.
5. Доступная цена.
6. Комплект средств для визуализации и удаления меток, нанесенных химическими ловушками.

Соблюдение данных требований в процессе изготовления таких специальных химических средств, как химические ловушки, дает им огромные преимущества перед специальными техническими средствами, устроенными более инновационно, и при этом стоящими в разы больше. Также использование химических ловушек не требует особых научных познаний, соответственно сотрудники правоохранительных органов могут самостоятельно применять их в своей работе, изучив лишь принцип действия. Но достаточно проблематичным является то, что данные требования нормативно не закреплены ни в одном правовом акте, а являются лишь научно закрепленными, что вызывает вопросы о том, действительно ли все требования соблюдаются при изготовлении химических ловушек.

Идея создания химических ловушек была подсказана самой практической деятельностью, поскольку применение такого изощренного специального технического средства облегчало расследование некоторых видов преступлений. Весьма простая конструкция и автономность работы делают химические ловушки легкими в применении и во многом превосходящими технические средства, наиболее технически оснащенные и в несколько раз дороже по стоимости.

При всем многообразии видов специальных химических веществ (люминесцирующие, красящие, запаховые, индикаторы и пр.), правильнее бы было детализировать список веществ, которые могут входить в состав химических ловушек, чтобы избежать проблем с правоприменительной стороны данных изделий.

Сейчас все чаще сотрудники правоохранительных органов отказываются от применения химических ловушек, аргументируя это тем, что их действие может распространяться и на граждан, не причастных к совершению противоправного деяния. Но скорее, это больше связано с тем, что детальной нормативной регламентации применения данных средств в отношении граждан так и не получило несмотря на то, что данные специальные средства существуют уже не одно десятилетие. Решение о применении химических ловушек принимается сотрудниками правоохранительных органов самостоятельно в зависимости от проводимого мероприятия и цели, которую нужно достичь при применении химической ловушки. Чаще к этому прибегают для пресечения преступления, попытки совершить которое уже предпринимались в определенном месте, или же для изобличения лица, в отношении которого есть оперативная информация о том, что оно совершало или готовится к совершению противоправного деяния.

Химические ловушки активно применяются оперативными сотрудниками при проведении ОРМ, регламентированных ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5], таких как: «Проверочная закупка», «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «Оперативное внедрение», «Контролируемая поставка» и др. Положения ст. 6 ФЗ «Об ОРД» позволяют применять при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) «технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде». Преимущества применения данных средств при проведении ОРМ заключается в том, что химические ловушки не требуют больших затрат сил и оперативный сотрудник даже в одиночку может установить ловушку в месте преступного посягательства.

Большие плюсы имеют химические ловушки, конструкция которых приспособлена для сбора оперативной информации, а именно для негласной идентификации личности путем копирования отпечатков пальцев рук при контакте преступника с химической ловушкой, законспирированной под предмет преступного посягательства.

Существует противоречивая позиция правоприменителей о том, что химические ловушки следует совсем исключить из арсенала специальных химических средств, так как их применение довольно спорно и жестко не регламентировано законом. Применение этих средств против категории граждан, к которой остальные специальные средства применяются с определенными ограничениями (женщины, несовершеннолетние, инвалиды), никак не определено.

Данную позицию, по нашему мнению, следует трактовать как частично не верную. Да, существенным недостатком является то, что содержание единственного нормативно-правового акта, регламентирующего порядок применения химических ловушек, не в полном объеме дает трактовку применения химических ловушек при раскрытии разных видов преступлений, не содержит требований, предъявляемых к ним, но это не значит, что данный вид специальных технических средств совсем изжил себя. При расследовании таких преступлений, как хищение чужого имущества, вымогательство, фальшивомонетничество, взяточничество и пр., использование химических ловушек имеет огромное преимущество, так как безоговорочно изобличает преступника и предмет преступного посягательства, что имеет колоссальную доказательственную базу при дальнейшем расследовании преступлений. При полном отказе от химических ловушек деятельность органов внутренних дел понесет огромные потери в плане раскрытия и расследования преступлений по хищению чужого имущества и взяточничества.

Что касается других видов преступлений, то на наш взгляд, при всем арсенале современного научного и технического прогресса, можно создавать новые виды химических ловушек, которые будут позволять задерживать и изобличать преступника сразу после совершения преступления, например, в случае угона им автомобиля.

Немаловажным является применение химических ловушек в деятельности участковых-уполномоченных полиции (УПП). Участковый уполномоченный полиции должен удостовериться в безопасности применения химической ловушки, а также контролировать процесс ее установки, поэтому важным является навык обращения с данным устройством и знание механизма действия.

В населенных пунктах сельского типа, где часто происходят кражи чужого имущества с гаражей, подвалов, торговых помещений магазинов, именно УУП первым прибывает на место преступления и производит фиксацию обстановки места совершения противоправного деяния. Применение химических ловушек в таких случаях является весьма действенным, так как УУП может сразу уличить нарушителя по оставленным следам, проведя проверку населения на обслуживаемой территории.

При проведении мероприятий сотрудники оперативных подразделений могут установить комплекты ловушек для решения своих оперативно-тактических задач. Об установке ловушек они обязаны проинформировать УУП, на территории обслуживания которого находится заблокированный объект [2].

Так же следует обратить внимание на недостатки, характерные химическим ловушкам, используемым как при проведении ОРМ, а также в деятельности УПП. Это зависимость работоспособности электрических ловушек от состояния источника питания, ресурс которого может снижаться из-за неблагоприятных климатических факторов.

Многие из них при срабатывании окрашивают не только злоумышленника, но и все вокруг в радиусе 1–2 м. Причем отмыть краситель с кожи человека гораздо легче, чем с окружающих предметов. Кроме того, хотя химические ловушки обычно хорошо защищены от непроизвольного срабатывания, тем не менее, обращаться с ними надо очень осторожно. Большинство из них просты и не имеют мощной системы датчиков обнаружения вторжения или движения в блокируемой зоне. Исключение составляют ловушки, которые можно так или иначе интегрировать с извещателями систем сигнализации. В основном же они срабатывают только при физическом воздействии, что снижает вероятность успеха операции.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить то, что химические ловушки как особый вид специальных технических средств имеет свои преимущества перед наиболее технически сложными и дорогостоящими образцами, применяемыми сотрудниками полиции. Но, несмотря на все многообразие различных химических ловушек, нормативная база, регламентирующая порядок применения и особенности химических ловушек нуждается в полной детализации и модернизации. При нормативной регламентации доказательственная база оснований применения химических ловушек и их эффективность возрастет, что способствует решению проблем правоохранительных органов в применении данных специальных средств. Сотрудники правоохранительных органов смогут продуктивнее осуществлять свою деятельность по расследованию и раскрытию преступлений, применяя химические ловушки в соответствии с выбранной тактикой действий. Деятельность участковых-уполномоченных полиции по пресечению противоправных действий, связанных с хищением чужого имущества, станет намного результативнее, а проведение ОРМ оперативными сотрудниками можно сделать эффективнее за счет применения данных изделий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и перечня видов специальных тех-

нических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 1 июля 1996 г. № 770: с изменениями от 15 июля 2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной, частной собственности и собственности общественных объединений (организаций) [Электронный ресурс]: приказ от 11 сентября 1993 г. № 423 Министерства внутренних дел Рос. Федерации. Доступ из СТРАС «Юрист».

3. О полиции [Электронный ресурс]: от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Черных А.А., Безгачев Ф.Б. Специальные окрашивающие и маркирующие средства: учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. 71 с.

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: с изменениями от 13.12.2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Каширский Дмитрий Юрьевич. Начальник кафедры информатики и специальной техники. Кандидат технических наук, доцент.

Барнаульский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

Баумтрог Виктор Этмонтович. Доцент кафедры информатики и специальной техники. Кандидат физико-математических наук, доцент.

Барнаульский юридический институт МВД России

Служебный адрес: 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

Котова Ангелина Сергеевна. Курсант 4 курса факультета подготовки сотрудников полиции и следователей.

Барнаульский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 656038, Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

Ключевые слова: специальные химические средства; специальные химические вещества; химические ловушки; применение химических ловушек, расследование преступлений.

УДК 343.4

Колычева А.Н.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются ошибки, допускаемые следователями, дознавателями на стадии предварительного расследования. Автором предпринимается попытка обозначить ряд следственных ошибок в рамках производства таких следственных действий, как допрос и производство судебных экспертиз. Ошибки рассматриваются по двум направлениям: общие ошибки, характерные для большинства следственных действий и частные, характерные для конкретных следственных действий с учетом норм уголовно-процессуального законодательства и организационно-тактических ре-

комендаций. Причины совершения ошибок на стадии предварительного расследования многообразны и многогранны. Автором приводятся причины их возникновения, объективного и субъективного характера. С отражением отдельных условий, способствующих сокращению следственных ошибок на стадии предварительного расследования.

Повышение эффективности и качества проводимого расследования требует сосредоточенной и целенаправленной деятельности от сотрудников органов предварительного расследования, оно достигается путем правильного применения приемов и средств, разработанных криминалистической теорией.

Основной задачей, стоящей перед органами предварительного расследования в процессе осуществления расследования, является установление объективной истины по уголовному делу, то есть установление полного и точного объема информации, имеющей значение для уголовного дела.

Для достижения основных задач, стоящих перед органами предварительного расследования большое значение имеют отдельные положения следственной тактики, разработанные в ходе практической деятельности, которые направлены на совершенствование приемов проведения отдельных следственных действий и методики расследования по уголовному делу.

Выступая, на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев отметил, что «улучшилось состояние законности и качество предварительного расследования» [1]. Критериев оценки качества предварительного расследования существует несколько. Ряд из них направлен непосредственно на обнаружение следственных ошибок в рамках самого процесса предварительного расследования, не учитывая итоговые решения, которые выносятся по уголовному делу.

Тема следственных ошибок многогранна и очень обширна. На протяжении нескольких десятилетий в криминалистической науке предпринимаются многочисленные попытки классифицировать ошибки, выявить причины их совершения, рассмотреть условия, которые могут способствовать их сокращению и еще целый ряд связанных с ними обстоятельств.

Следственным ошибкам посвящали свои работы такие авторы как А.А. Аубакирова, О.Я. Баев, А.И. Бастрыкин, Р.С. Белкин, Н.Л. Гранат, Н.В. Григорьев, Т.Ф. Моисеева, А.Р. Ратинов, С.Б. Россинский, С.А. Шейфер и многие другие авторы. Данная тема является актуальной и практико-ориентированной для органов предварительного расследования.

Об этом свидетельствуют и данные статистики МВД России. Так, за 2020 год в нашей стране зарегистрировано 2044,2 тыс. преступлений. Из них раскрыто 1032,0 тыс. преступлений. Не раскрыто 963,8 тыс. преступлений, в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [2, с. 3-6] По значительному большинству не направленных в суд уголовных дел и дел, по которым приняты итоговые решения, при детальной проверке, возможно, найти следственные ошибки различной степени сложности.

Одним из основоположников изучения темы следственных ошибок является Н.Л.Гранат, определившая их как «погрешность, неправильность, неверность, промах или действие, не приводящее к достижению поставленной цели» [3]. Автор не делает уклона на преднамеренность или не преднамеренность ошибочных действий, а рассматривает следственные ошибки, как удостоверенный факт.

Классификационное деление следственных ошибок в литературе разнообразно и проводится по различным основаниям. При этом ошибки, допускаемые на стадии предварительного расследования, в подавляющем большинстве, сводятся к следующим направлениям:

1. Организационному.
2. Процессуальному.

3. Техничко-криминалистическому.
4. Тактическому.

Подобное деление достаточно условно, поскольку процесс расследования – это сложный механизм, поэтому и ошибки, которые возникают в процессе его функционирования, носят совокупный характер.

А.А. Аубакирова предлагает рассматривать следственные ошибки, свойственные отдельным следственным действиям из числа наиболее распространенных [4, с. 14]. Далее мы остановимся на ошибках по перечисленным нами выше направлениям в рамках допроса и назначения и производства судебной экспертизы.

Самое распространенное следственное действие в практике расследования это допрос. Без него невозможно представить ни одно уголовное дело. И не смотря на тот факт, что следователи, дознаватели практикуются в производстве допроса ежедневно, исполняя свои профессиональные обязанности, ошибки в следственной работе, к сожалению, существуют.

Остановимся на ряде из них по трем направлениям. В рамках организационного направления одной из самых распространенных ошибок является отсечение подготовительного этапа допроса. В ряде случаев следователи формально относятся к этому этапу. В результате чего, остается без внимания и закрепления в протоколе допроса, информация, которая имеет значение для расследования уголовного дела. Сведение допроса к фиксации свободного рассказа, без налаживания необходимого психологического контакта. Таким образом, следователь подходит не надлежащим образом к установлению всех обстоятельств преступления, а лишь формальным субъектом, не имеющим профессиональной вовлеченности. В результате остаются не установленными существенные обстоятельства совершенного преступления.

Допускаемые организационные ошибки, неразделимо влекут за собой тактические ошибки или скудность применения тактических приемов, что не позволяет осуществить тактические комбинации в рамках расследования уголовного дела. Например, использование следователями, дознавателями в своем арсенале лишь уточняющих вопросов, как единственного тактического приема приводит к поверхностному результату. И это не смотря на тот факт, что в научной и периодической литературе имеется достаточное количество разнообразных тактических приемов (беседа, снятие психологического напряжения, использование положительных качеств личности допрашиваемого, допущение легенды, отвлечение внимания [5, с. 84-85]). По протоколам таких допросов трудно судить о произошедшем деянии. В таком случае показания, фиксируемые в протоколе, не вносят ясность, а создают еще больше вопросов.

Таким образом, поспешность, непродуманность, поверхностность при проведении допроса создают дополнительные препятствия для установления истины по делу. Это приводит к дополнительным затратам рабочего времени для производства повторных и дополнительных допросов, несвоевременному выявлению имеющейся у допрашиваемых информации [6, с. 42].

Ошибки, допускаемые в рамках назначения и производства судебных экспертиз, обладают как общими нарушениями с другими следственными действиями, так и частными, характерными для специфики судебно-экспертной деятельности.

В рамках организационного направления деятельности следователи, дознаватели допускают ошибки в выборе места для проведения экспертного исследования. Практика ознакомления судами с заключениями экспертов в рамках оценки доказательств, свидетельствует о том, что существенное доверие оказывается экспертам государственных учреждений, а не государственным в тех случаях, когда учреждение имеет соответствующее экспертное образование в своей штатной структуре или, когда эксперт имел опыт работы в государственных экспертных учреждениях.

В рамках процессуального направления деятельности следователи не всегда соблюдают порядок и сроки ознакомления потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта. Ука-

занное обстоятельство приводит к заявлению ходатайств и жалоб от указанных субъектов. Как следствие затягивание сроков расследования, которые являются одним из основных критериев эффективности предварительного расследования [7, с. 102].

Еще одно процессуальное нарушение связано с допросом эксперта. По справедливому мнению, нарушением следует считать допрос следователем в статусе эксперта по вопросам, не связанным с проведенным исследованием или когда эксперт в своем заключении указал дополнительную информацию, по которым не было задано вопросов. В таком случае необходимо допросить лицо не в качестве эксперта, а в качестве специалиста [8, с. 14].

К процессуальной составляющей цепочки ошибочных следственных действий следует относить и ситуацию, когда исследуемые объект были получены с нарушением уголовно-процессуального законодательства в рамках проведения иных следственных действий, не связанных с производством экспертизы. Такие объекты и следственные действия, направленные на их получение и исследование должны признаваться не допустимыми [9, с. 19].

Тактическая составляющая ошибочных действий может быть связана с выбором не государственного эксперта или соответствующего не государственного учреждения. Порядок выбора таких субъектов не закреплен жесткими условиями. Единственным опорным источником в этом направлении является Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [10]. Следователь при выборе не государственного эксперта чаще всего опирается на стаж работы, наличие научных степеней, научных работ, наград и ряд других аспектов [8, с. 17]. Но это никак не может подтвердить в полной мере компетентность судебного эксперта, поскольку опираться следует на знание экспертных методик, которые надлежащим образом должны быть сертифицированы и апробированы.

Причины ошибок многообразны, зачастую теория и практика расследования выделяет следующие:

- низкий уровень теоретических знаний и отсутствие профессиональных навыков в работе;
- психологическая несовместимость со спецификой, выполняемой органами предварительного расследования, работы;
- попирающие нормы уголовно-процессуального законодательства, тактических и методических рекомендаций криминалистической и экспертной наук;
- принятие однобокой позиции обвинения, без проведения должной оценки доказательств и рассмотрения всех обстоятельств совершения преступления (в том числе при подготовке обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления);
- несовершенство ведомственного законодательства, регламентирующего деятельность органов предварительного расследования;
- недостаточное стимулирование организации труда органов предварительного расследования;
- особенности построения организации органов предварительного расследования в конкретном территориальном подразделении.

Этот перечень не является исчерпывающим, он включает в себя различные аспекты, влияющие на качество работы органов предварительного следствия. Без преодоления перечисленных выше негативных причин, невозможно рассчитывать на сокращение числа, допускаемых следственных ошибок.

Процесс расследования уголовного дела эта сложная деятельность, которая требует от следователя, дознавателя серьезной подготовки и концентрации. Следователь является центральным звеном в процессе расследования, поскольку он определяет его ход, планирует проведение следственных и оперативно-разыскных мероприятий, а также определяет участников, привлечение которых необходимо для быстрого и правильного расследования.

Причины совершения ошибок на стадии предварительного расследования многообразны и многогранны. Объективные причины, допущения ошибок не часто встречаются в чистом виде. В большинстве случаев они не делимы с ошибками субъективного характера. Именно, исходя из данного аспекта, следует давать оценку следователю, дознавателю, допустившему нарушения порядка расследования уголовного дела.

Исходя из всего указанного выше, возможно полагать, что наиболее успешным процесс расследования будет тогда, когда сотрудники органов, осуществляющих предварительное расследование, будут добросовестно и ответственно подходить к подготовке, организации и производству расследования, не нарушая нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, осуществлять свои должностные полномочия.

Сократить количество следственных ошибок возможно в рамках практико-ориентированного обучения на базе высших учебных заведений и при непосредственном взаимодействии с органами предварительного расследования в образовательном процессе. Практико-ориентированное обучение сможет способствовать обмену профессиональным опытом в совокупности с повышением теоретических знаний.

Таким образом, с учетом следственной практики, а также требований уголовно-процессуальной и криминалистической науки были рассмотрены отдельные следственные ошибки, допускаемые следователями в рамках допроса и назначения и производства судебной экспертизы. Основными причинами следственных ошибок являются противодействие со стороны заинтересованных лиц в установлении истины по делу, недостаточная компетентность следователя, которая может выражаться в низком уровне знаний уголовно-процессуального и иных законов, отсутствие практического опыта действий в ситуациях определенного характера, поскольку в следственных подразделениях, на данный момент, преобладают молодые сотрудники, которые еще не успели приобрести необходимый для качественной работы опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Министра органов внутренних дел на расширенном заседании коллегии МВД России о результатах оперативно-служебной деятельности за 2020 год // [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 01.04.2021).
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] / Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. URL: mvd.rf. (дата обращения: 23.03.2020).
3. Гранат Н.Л. Следственные ошибки: понятие, виды и причины // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. № 76. М., 1983.
4. Аубакирова А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / 12.00.09. Челябинск. 2010. 45 с.
5. Морозова Н.В. Некоторые особенности проведения допроса при расследовании страхового мошенничества // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 83-86.
6. Андроник Н.А., Виноградова О.П. Следственные ошибки при допросе и способы их преодоления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 41-45.
7. Чаплыгина В.Н., Красова А.А. Проблемные аспекты механизма реализации системы оценки следственных действий // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 101-107.
8. Моисеева Т.Ф. Типичные ошибки при назначении, производстве судебной экспертизы и оценке ее результатов // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 10-17.
9. Ведищев Н.П. Экспертные ошибки процессуального характера по уголовным делам // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 18-27.

10. О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колычева Алла Николаевна. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: следственные ошибки; следственные действия; судебная экспертиза; допрос; освидетельствование; тактические ошибки; процессуальные ошибки; организационные ошибки; анализ; причины; следователь.

УДК 343.98

Калауов С.А.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Статья посвящена исследованию перспектив повышения эффективности деятельности Государственной службы безопасности дорожного движения Республики Узбекистан. Автором приводятся ключевые элементы принципиально новых подходов в решении задач по организации и обеспечению безопасности дорожного движения.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе осуществления контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Предметом исследования являются нормативно-правовые акты Республики Узбекистан, регулирующие общественные отношения в области безопасности дорожного движения, государственные стандарты Республики Узбекистан, а также анализ статистических данных об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения.

Целью исследования является повышения качества контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения Республики Узбекистан.

При проведении исследования использовались диалектико-материалистический метод познания правовых явлений, общенаучные и частно-научные методы: системно-структурный, логико-юридический, сравнительно-правовой, статистический и другие.

Комплекс мероприятий, направленных на совершенствование деятельности Государственной службы безопасности дорожного движения совместно с усилиями государства и общества, общественная поддержка и участие широких слоев населения в реализации государственных программ и проектов позволят в ближайшее время достичь высоких результатов.

В соответствии со Стратегией действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг. в нашей стране реализуются широко-масштабные реформы в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

В частности, совершенствуются порядок организации работы подразделений органов внутренних дел по обеспечению безопасности дорожного движения и система профилактики дорожно-транспортных происшествий, расширяется система автоматизированного регулирования дорожного движения, обеспечивающая высокую эффективность своевременного выявления и пресечения правонарушений.

Основополагающим решением, направленным на дальнейшее совершенствование системы обеспечения безопасности дорожного движения, улучшение дорожной инфраструктуры, повышение качества дорог, а также создание необходимых условий для безопасного передвижения всех участников дорожного движения, является утверждение Концепции обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Узбекистан на 2018-2022 годы.

Данная концепция позволила сформировать принципиально новые подходы в решении задач по организации и обеспечению безопасности дорожного движения, ключевыми элементами которых являются следующие основные направления:

- разработка и внедрение критериев оценки результатов служебной деятельности сотрудников государственной службы безопасности дорожного движения;
- принятие действенных мер по повышению эффективности организации работы государственной службы безопасности дорожного движения, в том числе путем рационального распределения сил и средств дорожно-патрульной службы, с учетом принципов разделения территориальных единиц страны на сектора;
- внедрение механизмов государственно-частного партнерства в систему обеспечения безопасности дорожного движения;
- совершенствование порядка прохождения обязательного технического осмотра транспортных средств;
- совершенствование правовых механизмов привлечения к ответственности пешеходов за нарушение ими правил дорожного движения;
- создание электронной системы для ускоренного оформления и рассмотрения материалов об административных правонарушениях в сфере дорожного движения;
- организация мероприятий по оборудованию автотранспортных средств физических и юридических лиц видеорегистраторами, установление нормативного порядка их применения с целью профилактики правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

В целях дальнейшего повышения эффективности деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной службы безопасности дорожного движения в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении Положения о порядке и критериях оценки результатов служебной деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной службы безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Республики Узбекистан» №1044 от 25 декабря 2018 г. к сотрудникам ДПС ГСБДД, деятельность которых по итогам оценки ежеквартальной работы признана неудовлетворительной, в качестве меры воздействия применяется единовременное денежное удержание в размере до 50 процентов от их должностного оклада. А к сотрудникам ДПС ГСБДД, деятельность которых по итогам оценки ежеквартальной работы признана эффективной, применяется мера в виде единовременного денежного вознаграждения в размере до 50 процентов от их должностного оклада.

При этом критериями оценки деятельности сотрудников дорожно-патрульной службы на закрепленном секторе являются:

- количество совершенных дорожно-транспортных происшествий, повлекших человеческие жертвы и тяжкие последствия (часть третья ст. 266 Уголовного кодекса Республики Узбекистан);
- количество совершенных дорожно-транспортных происшествий, повлекших смерть человека (часть вторая ст. 266 Уголовного кодекса Республики Узбекистан);
- количество совершенных дорожно-транспортных происшествий, повлекших тяжелые телесные повреждения (часть первая ст. 266 Уголовного кодекса Республики Узбекистан);
- количество дорожно-транспортных происшествий, совершенных по вине пешехода, приведшее к его гибели;
- отмена оформленного административного протокола;
- жалобы на действия, а также культуру общения сотрудника дорожно-патрульной службы (по результатам доказанных жалоб);
- случаи, приведшие к возникновению пробок на дорогах, в результате невыполнения своих служебных обязанностей по принятию соответствующих мер в сфере улучшения состояния дорог прикрепленного за сотрудником сектора (в случае под-

тверждения бездействия сотрудника дорожно-патрульной службы по выполнению необходимых действий для улучшения состояния дороги).

- выявление правонарушений, предусмотренных статьями 125, 125, 126-128, 128, 129-130, 133-135, 137-138, 139-141 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности [1];

- выявление угнанного транспортного средства;

- выявление преступлений, ранее совершенных неизвестным лицом, в том числе выявление лица, совершившего дорожно-транспортное происшествие;

- выявление лиц, находящихся в розыске (в отношении каждого отдельного случая).

Еще одним перспективным направлением является внедрение механизмов государственно-частного партнерства в систему обеспечения безопасности дорожного движения. Так, начиная с 1 марта 2021 года, в Республике Узбекистан субъектам предпринимательства предоставляется право на организацию установки на автомобильных дорогах специальных автоматизированных программно-технических средств фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения. При этом:

- Министерство внутренних дел и Комитет по автомобильным дорогам на отдельной веб-странице системы «E-IJRO AUKSION» регулярно публикуют сведения о дислокации мест возможной установки специальных автоматизированных программно-технических средств фото- и видеофиксации, транспортном потоке на данной территории и видах нарушений правил дорожного движения, выявленных за последние два года;

- закрепление за субъектами предпринимательства мест установки специальных автоматизированных программно-технических средств фото- и видеофиксации осуществляется путем проведения электронных аукционных торгов;

- места установки специальных автоматизированных программно-технических средств фото- и видеофиксации закрепляются за субъектами предпринимательства, победившими в электронных аукционных торгах, на неограниченный срок и с правом передачи другому субъекту предпринимательства;

- субъекты предпринимательства, победившие в электронных аукционных торгах, приобретают специальные автоматизированные программно-технические средства фото- и видеофиксации на основе конкретных критериев и технических заданий, определяемых Министерством внутренних дел, а также устанавливают их в закрепленных местах в соответствии с требованиями и другими необходимыми условиями, определяемыми Министерством внутренних дел и Комитетом по автомобильным дорогам;

- интеграция установленных специальных автоматизированных программно-технических средств фото- и видеофиксации в комплексную автоматизированную информационную систему «Административная практика» Государственной службы безопасности дорожного движения осуществляется Министерством внутренних дел;

- техническая эксплуатация и обеспечение бесперебойной работы установленных специальных автоматизированных программно-технических средств фото- и видеофиксации, включая возмещение текущих затрат на электроэнергию, возлагаются на субъекты предпринимательства.

Начиная с 1 апреля 2021 года субъектам предпринимательства, имеющим лицензию на оказание негосударственных образовательных услуг по подготовке, переподготовке и повышению квалификации водителей автотранспортных средств и средств городского электрического транспорта, предоставлено право на проведение теоретических и практических экзаменов на получение водительского удостоверения на право управления всеми категориями автотранспортных средств (за исключением трамвая и троллейбуса). При этом:

- в государственных требованиях, предъявляемых к подготовке, переподготовке и повышению квалификации водителей, для субъектов предпринимательства предусматриваются, в том числе, дополнительные обязательства по созданию современных

автодромов и их оснащению автоматизированными специальными транспортными средствами;

– проведение и оценка теоретических и практических экзаменов на получение водительского удостоверения осуществляются без участия человеческого фактора, полностью в автоматизированном режиме;

– теоретические и практические экзамены на получение водительского удостоверения проводятся под непосредственным либо онлайн-контролем представителя Государственной службы безопасности дорожного движения;

– размеры платежей за услуги по проведению теоретических и практических экзаменов на получение водительского удостоверения устанавливаются субъектами предпринимательства самостоятельно, а поступающие денежные средства остаются в их распоряжении в полном объеме;

– лицам, успешно сдавшим теоретические и практические экзамены, выдаются специальные защищенные сертификаты, являющиеся основанием для получения водительского удостоверения;

– все необходимые реквизиты специальных защищенных сертификатов предоставляются субъектами предпринимательства в центры государственных услуг и органы внутренних дел в автоматизированном режиме.

Начиная с 1 марта 2021 года, субъектам предпринимательства предоставлено право на установку на автомобильных дорогах стационарных пунктов весового и габаритного контроля, оснащенных автоматизированными измерительными средствами. При этом:

– Комитет по автомобильным дорогам на отдельной веб-странице системы «E-IJRO AUKSION» регулярно публикует сведения о дислокации мест возможной установки стационарных пунктов весового и габаритного контроля и транспортном потоке на данной территории;

– места установки стационарных пунктов весового и габаритного контроля закрепляются за субъектами предпринимательства, победившими в электронных аукционных торгах, на неограниченный срок и с правом передачи другому субъекту предпринимательства;

– субъекты предпринимательства, победившие на электронных аукционных торгах, приобретают стационарные пункты весового и габаритного контроля в соответствии с конкретными критериями, техническими заданиями, требованиями, предъявляемыми к установке, и другими необходимыми условиями, определяемыми Комитетом по автомобильным дорогам и Министерством внутренних дел, и устанавливают их в местах закрепления;

– интеграция установленных стационарных пунктов весового и габаритного контроля в комплексную автоматизированную информационную систему «Административная практика» Государственной службы безопасности дорожного движения осуществляется Министерством внутренних дел.

В заключение хотелось бы отметить, что комплекс мероприятий, направленных на совершенствование деятельности Государственной службы безопасности дорожного движения совместно с усилиями государства и общества, общественная поддержка и участие широких слоев населения в реализации государственных программ и проектов позволят в ближайшее время достичь высоких результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lex.uz/docs/97661#3837808>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калауов Сайдулла Аймаханович. Начальник кафедры обеспечения безопасности дорожного движения. Кандидат технических наук, доцент.

Академия МВД Республики Узбекистан.

Служебный адрес: 100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, д. 68.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; повышение эффективности деятельности; совершенствование; Государственная служба безопасности дорожного движения; Республика Узбекистан; улучшение дорожной инфраструктуры; повышение качества дорог.

УДК 351.81

Молотков М.Б.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ «ПРОДВИЖЕНИЯ» ЗАКОНОТВОРЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ МВД РОССИИ

Госавтоинспекцией МВД России на системной основе проводится работа по выработке предложений, направленных на внесение поправок в действующее законодательство и формулированию новых норм права. Поддержка правотворческих инициатив со стороны общества, является важным фактором последующего получения проектом закона, статуса нормативного правового акта. Большое значение в этой связи приобретает деятельность пропагандистского аппарата по формированию общественного мнения.

Государственная инспекция безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (Далее - «Госавтоинспекция») уделяет значительное внимание вопросам правовой пропаганды. Подобное положение дел можно объяснить рядом причин. Во-первых, позицией руководства по формированию имиджа сотрудников, нацеленности на профилактику дорожно-транспортных происшествий, принятию мер по снижению аварийности. Во-вторых, сложившимся за многие десятилетия традициями и опытом организации профилактической работы, составной частью которой является пропаганда безопасности дорожного движения (Далее – «пропаганда БДД»), осуществляемая подразделениями пропаганды БДД, входящими в структуру Госавтоинспекции.

Правовая пропаганда, учитывая обязанности и функции Госавтоинспекции, главным образом, реализуется в форме пропаганды БДД. Определение пропаганды БДД, закреплено приказом МВД России от 28 декабря 2018 года № 903 «Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения» (Далее – «Наставление»).

В документе определены два вида деятельности Госавтоинспекции по пропаганде БДД: взаимодействие со СМИ и профилактика детского дорожно-транспортного травматизма. Согласно Наставлению, взаимодействие со СМИ по тематике обеспечения БДД осуществляется по 11 направлениям [1].

Существующие направления, предусматривающие взаимодействие со СМИ, условно можно свести к требованию размещения материалов о деятельности Госавтоинспекции в СМИ, применяя различные методы и формы распространения информа-

ции. Направления взаимодействия со СМИ, закрепленные настоящим приказом, охватывают практически все основные аспекты деятельности Госавтоинспекции по пропаганде БДД.

Мониторинг освещения в СМИ проблем БДД позволяет выделить наиболее обсуждаемые темы, вызывающие интерес профессиональных журналистов и общества. К числу таких тем относятся вопросы внесения поправок в действующее законодательство и издания новых норм права, иницилируемые руководством Госавтоинспекции.

С юридической точки зрения предложения Госавтоинспекции по вопросам нормативного регулирования не являются законодательными инициативами. В Конституции РФ (ч. 1. ст. 104) определены субъекты, обладающие правом таковой. Предложения по нормативному правовому регулированию, разработанные Госавтоинспекцией, требуют согласования с МВД России и одобрения Правительством Российской Федерации, вносятся последним на рассмотрение в законодательный орган.

Вопросы правотворчества представляют несомненный интерес для исследователей правовой науки. Историография проблемы, существующая палитра взглядов рассмотрены Е. Е. Тонковым и К. Е. Павловой [2]. В результате анализа имеющихся точек зрения, обоснованно сделать вывод о дискуссионном характере проблематики, наличии разногласий относительно содержания правотворчества, его соотношения с нормотворчеством. Одни авторы считают возможным использовать понятие «правотворчество» применительно к инициативам МВД России по нормативному регулированию. Вторая группа исследователей полагает недопустимым использовать понятие «правотворчество», предлагая более узкое - «нормотворчество», считая его формой правотворчества. Свою позицию авторы обосновывают ссылкой на юридический статус ведомства, как органа исполнительной власти, отличного от статуса законодательного органа [2, с. 158].

На наш взгляд, в процессе анализа соотношения понятий «правотворчество» и «нормотворчество» необходимо исходить из многогранности права, многофакторности и сложности правогенеза, взаимосвязи и взаимодействия права с другими социальными явлениями, включении и участии различных субъектов в создании нормы права. В этом смысле, более нейтральной представляется позиция А.В. Корнева и Э.В. Богмацера. Как пишут авторы, «...хотя понятия «право» и «законодательство» не равнозначны, производные от них и тесно связанные с ними понятия «правотворчество», «законотворчество», «нормотворчество» обладают общими признаками и в юридической литературе довольно часто употребляются как синонимы. Все они обозначают деятельность по переработке, изданию и отмене нормативных правовых актов» [3, с. 5]. Позицию исследователей относительно соотношения понятий «правотворчество», «законотворчество», «нормотворчество» можно взять за основу в ходе дальнейшего анализа.

Правотворческие инициативы с точки зрения представителей медиа сообщества представляют интерес, обладают всеми необходимыми «медийными» качествами - новизной, актуальностью, повышенным вниманием и интересом со стороны общества. Поэтому формирование по отношению к законопроекту положительного общественного мнения, представляется важным элементом в процессе его рассмотрения и принятия.

Вопрос связи общественного мнения и законотворческой деятельности проанализирован И. А. Кибакком. Раскрывая значение общественного мнения в процессе работы над законопроектом, останавливаясь на роли депутатского корпуса, ученый не рассматривает собственно механизм формирования общественного мнения [4]. В этом контексте необходимо отметить вклад ведомственной науки в исследование проблемы формирования общественного мнения, прежде всего, применительно к деятельности полиции. Наиболее изученным аспектом является вопрос создания имиджа сотрудников полиции посредством взаимодействия со СМИ [5].

Проблема формирования общественного мнения на этапе подготовки законопроекта, последующего информационно-пропагандистского сопровождения законодательной инициативы, до настоящего времени не была предметом специального изуче-

ния, не выделялась в качестве самостоятельной. Возрастающая роль общественного мнения, наряду с потребностью в регулировании сложных социальных процессов настоятельно требует уделить должное внимание данному направлению информационно-пропагандистской работы.

Общественное мнение формируется под влиянием многих факторов, как сознательных, так и стихийных. Очевидно, что достижение планируемых целей, становится более вероятным в результате целенаправленного управления социальными процессами. В конкретном случае, зависит от качества организации информационно-пропагандистского сопровождения законодательных инициатив Госавтоинспекции, выстраивания партнерских отношений со средствами массовой информации, как важнейшего института, оказывающего влияние на формирование общественного мнения.

Согласно требованиям Наставления, вопросы формирования общественного мнения, взаимодействия со СМИ, возложены на подразделения пропаганды БДД. На повышение роли и значения службы пропаганды БДД в информационном сопровождении Госавтоинспекции обращают внимание О.А. Мальцева и Н.М. Кузнецова [6]. Профессиональная работа пропагандистского аппарата, выступает одним из условий эффективной реализации информационно-пропагандистского сопровождения законодательных инициатив. Игнорирование информационно-пропагандистских аспектов прохождения законопроекта, увеличивает риски негативной реакции общества, и как следствие, его отклонение еще на стадии рассмотрения профильными комитетами законодательного органа. Системная работа подразделений пропаганды БДД, осуществляющих информационное сопровождение, позволит нивелировать стихийность, повысит качество планирования информационно-пропагандистского сопровождения прохождения законопроектом предусмотренных процедур.

Информационно-пропагандистское сопровождение, можно разделить на несколько этапов, на каждом из которых решаются конкретные задачи. Первый этап включает в себя несколько мероприятий, качественная проработка которых позволит разработать концепцию дальнейшего информационно-пропагандистского сопровождения.

Предварять каждую законодательную инициативу целесообразно изучением общественного мнения по проблеме, на решение которой будет направлен законопроект. Социологический материал (результаты опросов, обращения граждан, репортажи в СМИ и т.д.), наряду с данными статистики, являются основой при планировании информационной кампании.

Важным фактором достижения целей информационной кампании выступает качество законопроекта, его актуальность, соответствие запросам и ценностям общества. Как пишет Е.В. Березовская, «В процессе законотворческой деятельности должно происходить формирование ценностной природы нормативно-правовых актов, как внешней формы выражения права, которые выражают общественные интересы и потребности...» [7, с. 87]. В этом контексте, необходима предварительная оценка вероятных информационных рисков и угроз, всесторонний анализ содержания закона, механизма его реализации, вероятной критики его положений со стороны СМИ, представителей общественности, депутатского корпуса. Определенные сомнения относительно инициатив Госавтоинспекции МВД РФ иногда высказываются в процессе их публичного обсуждения.

Функции подразделений пропаганды БДД заключается в прогнозировании, нивелировании вероятных рисков, осуществлении постоянного мониторинга, организации взаимодействия. Эффективная реализация этих функций возможна при условии слаженной работы всех подразделений, взаимодействия подразделений пропаганды БДД с другими службами, прежде всего, правовым подразделением.

Госавтоинспекция традиционно осуществляет широкое сотрудничество с общественными организациями, трудовыми коллективами по вопросам безопасности дорожного движения. Выполнение задач по пропаганде БДД во взаимодействии с обще-

ственными организациями и объединениями регламентируется Наставлением. Необходимость организации взаимодействия полиции с институтами гражданского общества обоснована и в ходе научных исследований [8]. Привлечение общественности и профессиональных сообществ, институтов гражданского общества в качестве приоритетного направления деятельности Госавтоинспекции выделяют Н.М. Кузнецова и Л.А. Казанова [9, с. 50].

Апробация идей, основных положений законопроекта на различных площадках (комиссиях по БДД, научно-представительских мероприятиях, совместных совещаниях с общественными организациями и т.д.), необходимый подготовительный этап, предваряющий освещение в СМИ новых предложений по нормативному правовому регулированию. Как верно отмечает Е.В. Павлова, «Общественные формирования, участвующие в обеспечении безопасности дорожного движения способны объективно оценить причины и условия, способствующие нарушению правил дорожного движения, должным образом реагировать на изменяющиеся дорожные условия...» [10, с. 73].

Своеобразным итогом первого этапа является составление медиаплана информационной кампании, в котором предлагается заложить конкретные мероприятия, предусматривающие различные формы взаимодействия со СМИ, направленные на разъяснение позиции Госавтоинспекции.

Второй этап состоит в непосредственной организации репортажей и размещении материалов во всех видах СМИ.

В ходе информационной кампании предлагается организовать систематический выход в СМИ серии публикаций и репортажей с развернутой аргументацией позиции руководства Госавтоинспекции. Цель материалов заключается в разъяснении и убеждении общественности в объективной необходимости внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, а также в издании новых норм права, принятие которых, предоставит сотрудникам Госавтоинспекции реальные рычаги воздействия на участников дорожного движения, позволит наиболее эффективно обеспечить безопасность дорожного движения.

На этом этапе продуктивно использовать доказавшие результативность формы взаимодействия со СМИ: совместные рейды с представителями СМИ, «прямые эфиры» на радио и телевидении, «круглые столы» с привлечением представителей общественных организаций, научного сообщества, публикации в газетах, Интернет-изданиях. В качестве форм и методов работы в пропагандистский инструментарий должны входить репортажи о последствиях дорожно-транспортных происшествий, произошедших по причине отсутствия необходимого нормативного регулирования, статистические данные, свидетельствующие и наглядно подтверждающие позицию Госавтоинспекции в изменении нормативного правового регулирования.

Привлечение к процессу освещения в СМИ общественных организаций, имеющих авторитет, солидный опыт и сложившиеся за многие десятилетия традиции организации работы по вопросам пропаганды и обеспечения БДД (например, «Всероссийского общества автомобилистов»), независимая поддержка предложений экспертного сообщества, обеспечит законопроект дополнительной поддержкой. В этом смысле, «авторское право» на законопроект не столь принципиально, главное – результат. Представление и позиционирование законопроекта как результата коллективного юридического творчества экспертного сообщества, общественных организаций, руководства Госавтоинспекции, других заинтересованных субъектов, представляется эффективным методом «продвижения» предложений по нормативному правовому регулированию.

Задача, решаемая на данном этапе, – осуществить подготовку общественного мнения к принятию предложений Госавтоинспекции, оценку их в качестве справедливых.

Третий этап предусматривает выбор места и времени для непосредственного озвучивания инициативы, которые зависят от конкретных фактических обстоятельств, общего информационно-событийного фона. Предложения могут быть высказаны в ходе

проведения пресс-конференции, выступления руководителей Госавтоинспекции в законодательных органах, интервью представителям СМИ.

Согласно Наставлению, деятельность по пропаганде БДД осуществляется представителями всех служб подразделений Госавтоинспекции в пределах своей компетенции [1]. Непосредственная организация и координация мероприятий по информационно-пропагандистскому сопровождению входит в функциональные обязанности подразделений пропаганды БДД.

Профессиональная работа пропагандистского аппарата повышает вероятность принятия законопроекта, делает эффективным и результативным процесс правотворчества. Депутаты, являющиеся одними из основных субъектов правотворческой деятельности, с большей вероятностью одобряют законопроект, положительно воспринятый массовым сознанием, в отличие от предложений, не встретивших симпатии населения.

В нормативных правовых документах, регламентирующих деятельность по пропаганде БДД и научной литературе, вопросы информационно-пропагандистского сопровождения правотворческой деятельности Госавтоинспекции до настоящего времени в отдельное направление специально не выделялись. Существующий перечень направлений позволяет включить тематику организации информационно-пропагандистского сопровождения правотворческой деятельности Госавтоинспекции в одно из направлений, закрепленных Наставлением. Объективное значение правотворчества в деятельности Госавтоинспекции позволяет выделить вопросы его информационно-пропагандистского сопровождения в самостоятельное направление информационно-пропагандистской работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 28 декабря 2018 г. № 903. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс».

2. Тонков Е.Е., Павлова К.Е. Нормотворческая деятельность органов внутренних дел: понятие и сущность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3. С. 153-159.

3. Корнев А.В., Богмацера Э.В. К вопросу о понятии правообразования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5). С. 5-9.

4. Кибак И.А. Общественное мнение и законотворческая деятельность // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 24-29.

5. Зудаева В.В., Бруева Н.В. Роль СМИ в создании имиджа сотрудника органов внутренних дел // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). С. 108-114.

6. Мальцева О.А., Кузнецова Н.М. Профессионально значимые качества инспектора подразделения по пропаганде безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 1 (78). С. 81-83.

7. Березовская Е.В. К вопросу о социальной ценности права в гражданском обществе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 3 (66). С. 84-89.

8. Новичкова Е.Е., Тимофеева К.С. Организация взаимодействия полиции с гражданами и общественными организациями по вопросам охраны общественного порядка // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3. С. 144-148.

9. Кузнецова Н.М., Казанова Л.А. Роль подразделений пропаганды безопасности дорожного движения в деятельности Госавтоинспекции. История становления, направления дальнейшего развития. Москва, ФКУ «НИЦ БДД МВД России», 2017. 78 с.

10. Павлова Е.В. Роль общественных формирований в обеспечении безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 4 (81). С. 72-76.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Молотков Михаил Борисович. Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Кандидат философских наук.

Восточно-Сибирский институт МВД России.

Служебный адрес: 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Ключевые слова: Госавтоинспекция МВД России; законопроект; общественное мнение; общественные организации; подразделения пропаганды БДД Госавтоинспекции МВД России; средства массовой информации.

УДК 342.9

Ноговицина Е.Н.

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются процессы становления и современного развития систем государственного управления в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации и мер, принимаемых на основе реализации государственных целевых комплексных программ по повышению уровня безопасности участников дорожного движения.

Состояние безопасности дорожного движения неотрывно связано с транспортной инфраструктурой, где автомобильный транспорт имеет очень большое значение для экономики и обеспечения национальной безопасности любого государства, т.к. широко применяется для регулярного перемещения людей и грузов. Оказывая положительное влияние на социальное развитие и экономику страны, использование автомобильного транспорта, как источника повышенной опасности, имеет и отрицательные последствия в виде дорожно-транспортных происшествий.

Дорожно-транспортная аварийность является одной из современных социальных проблем человечества, потому что наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам, в виде гибели и потери ими трудоспособности и дальнейшей жизнедеятельности.

По данным Всемирной организации здравоохранения – 30-40 % всех зарегистрированных единиц смертности от несчастных случаев, приходится именно на долю дорожно-транспортных происшествий, которые являются для людей всех возрастов восьмой ведущей причиной смерти.

На уровне мирового сообщества от ДТП гибнет порядка 1,35 млн человек в год, до 30 млн человек получают вред здоровью различной степени тяжести. Издержки от аварийности на уровне стран составляют в среднем 3% от ВВП. Как видим, состояние

безопасности дорожного движения по-прежнему является одной из серьезнейших проблем человечества во всем мире [1].

Причин для возникновения дорожно-транспортного происшествия, немало, например: несоблюдение участниками дорожного движения требований Правил дорожного движения; плохое состояние дорог; управление технически неисправным транспортным средством; погодные условия; несоответствующая организация дорожного движения и много других. Однако, как свидетельствует статистика и анализ дорожно-транспортных происшествий, центральным элементом проблем с дорожно-транспортной аварийностью все-таки является человеческий фактор. Пренебрежение дорожной безопасностью, халатное отношение со стороны водителей и пешеходов к соблюдению требований Правил дорожного движения и ответственных за состояние безопасности дорожного движения должностных лиц приводит к гибели и ранениям многих тысяч людей.

Кроме этого, не предсказуемой в разные временные периоды для Российской Федерации оказалась массовая автомобилизация в период с 1992 по 2012 годы, которая весьма отрицательно повлияла на состояние безопасности дорожного движения. В этот период на дорогах страны погибло более 660 тысяч человек, при общей нестабильности ежегодных показателей дорожно-транспортной аварийности [2].

Безусловно, в сдерживании дорожной транспортной аварийности особая роль принадлежит государству. Государственная система Российской Федерации по обеспечению безопасности дорожного движения, в основном состоит из нормативных правовых актов и государственных структур, создаваемых для реализации их требований.

Одним из таких актов является Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» № 196-ФЗ. Настоящим законом определены основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения, реализуемые на территории Российской Федерации, в том числе и полномочия субъектов и органов местного самоуправления Российской Федерации. Законом установлены предъявляемые государством требования к организации и реализации мероприятий, направленных на урегулирование имеющихся проблем в обеспечении безопасности дорожного движения, посредством разработки федеральных, региональных и местных программ, направленных на сокращение дорожно-транспортных происшествий и снижение ущерба от них.

Как показывает мировой опыт, ключевым аспектом, в части организации деятельности направленной на обеспечение безопасности дорожного движения, является четкое определение и понимание на государственном уровне масштабов и характера такого социального явления, как дорожно-транспортная аварийность.

Еще в 60-70 годы XX века государства, где наблюдался высокий уровень автомобилизации, повлекший прогрессирующий рост ДТП, оценили динамику их роста и приняли комплекс действенных мер направленных на решение возникших проблем в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, например: Япония, США, ряд Европейских и Скандинавских стран. Для стабилизации и повышения уровня безопасности дорожного движения ими были разработаны и приняты ряд нормативных правовых актов, национальных и региональных целевых программ, действенные меры которых были направлены на снижение всех абсолютных показателей аварийности. Решение основных задач посредством целевых программ повышения безопасности дорожного движения, позволило им значительно снизить аварийность и усовершенствовать государственную систему управления безопасностью дорожного движения [3].

Существует множество, уже проверенных временем и мировым сообществом способов снижения аварийности. Но наибольший эффект, по мнению зарубежных специалистов в данной области, представляет программно-комплексный подход к безопасности дорожного движения, являющийся составной частью задач направленных на обеспечение личной безопасности граждан, решение демографических, социальных и

экономических проблем, повышение качества жизни и содействие региональному развитию, например: шведская программа «Vizion Zero» [3].

Данная программа была разработана в 1957 году и действует по настоящее время, ее концепция направлена на осуществление комплекса мероприятий, обеспечивающих безопасность дорожного движения в стране. За прошедший период показатель смертности в ДТП на дорогах Швеции снизился с 17,8 до 2,3 человек, на каждые сто тысяч населения. Когда в России показатель смертности в ДТП превышает 18 человек на 100 тысяч населения.

Реализуемая в Швеции, Нидерландах и других европейских странах программа «Vizion Zero» основывается на принципе систематической безопасности. Систематическая безопасность в их понимании заключается в том, что нет необходимости в ожидании того, когда произойдет дорожно-транспортное происшествие, а есть необходимость систематического предупреждения условий, при которых возрастает риск ДТП и, соответственно, дорожно-транспортного травматизма [4].

Как правило, такие программы, разрабатываются на достаточно длительный временной период, в них учитывается научный подход к решению существующих проблем, ставятся реалистичные цели, рассматриваются и анализируются перспективы предусматриваемые результаты, поддающиеся измерению.

За последние десятилетия современное общество, развитые экономика и технологии заметно изменили, не только дорожное движение и автомобилестроение, но и повысили требования к надежности дорожной безопасности во всем мире и Россия не исключение.

Российская Федерация активно ищет пути решения проблем с дорожно-транспортной аварийностью, используя передовой опыт и инновационные наработки зарубежных государств. О чем свидетельствует последовательная разработка и реализация мероприятий по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, сокращению раненных и погибших в них, двух федерально-целевых программ, направленных на повышение безопасности дорожного движения и сохранение жизней граждан России.

С 2006 года по 2020 год в Российской Федерации, на основе комплексных программно-целевых методов управления безопасностью дорожного движения, было спланировано и выполнено ряд значимых мероприятий в рамках Федерально-целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах» и Федерально-целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах».

Результаты реализации этих мероприятий показали эффективность проводимой государством политики в области обеспечения безопасности дорожного движения, тем самым программно-целевой подход явился синтезирующим принципом, объединившим идеологические основы происхождения, становления и реализации не только правовых базисов, но и проводимых мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения [5].

За указанные периоды была проведена большая целенаправленная работа по стабилизации сложившейся в стране ситуации с дорожно-транспортной аварийностью. Удалось впервые с 2000 года последовательно обеспечивать сокращение количества дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими несмотря на то, что показатели оказались меньше ожидаемых [2].

Принятые в этот период меры по улучшению состояния дорожной аварийности достаточно убедительно и наглядно показали, что процесс сокращения ДТП и снижения тяжести их последствий является управляемым.

Удалось организовать взаимодействие и активизировать работу по обеспечению безопасности дорожного движения на региональном и муниципальном уровнях, что позволило сформировать единые подходы к снижению ущерба от последствий дорожно-транспортных происшествий на всех уровнях власти.

В целях профилактики и повышения культуры безопасности и правосознания участников дорожного движения была проведена колоссальная работа по расширению информационно-пропагандистского поля среди населения страны разных возрастов.

Более качественным стало оказание медицинской помощи пострадавшим в ДТП.

Неоднократно принимались меры по ужесточению административной ответственности в области обеспечения безопасности дорожного движения к участникам дорожного движения, которые не желают соблюдать требования Правил дорожного движения. В плане распространенности видеоконтроля над дорожным движением, как со стороны государственных органов, так и владельцев транспортных средств, Россия уже достаточно близко подошла к странам Европы.

Осуществлен комплекс мероприятий по совершенствованию и обновлению дорожных условий и дорожной инфраструктуры.

Для дальнейшего повышения безопасности дорожного движения и перспектив развития данной сферы, правительством Российской Федерации была разработана и в январе 2018 года утверждена «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы».

Основу Стратегии составляют общероссийские, национальные, профильные стратегии и концепции, опыт, накопленный за годы ранее проводимых мероприятий по сокращению аварийности в стране, инновационные технологии и зарубежный подход к решению проблем с дорожно-транспортным травматизмом.

Стратегия содержит основные направления по достижению целей для снижения аварийности, каждая из которых имеет свои задачи [6]:

- изменение поведения участников движения;
- повышение защищенности от ДТП и их последствий наиболее уязвимых участников движения;
- улучшение качества улично-дорожной сети;
- совершенствование организационно-правовых механизмов допуска транспортных средств и их водителей к участию в дорожном движении;
- развитие системы управления безопасностью дорожного движения;
- подъем уровня оказания помощи и спасения пострадавших в ДТП.

За прошедший период реализации намеченных Стратегией мероприятий количество ДТП в 2018 году сократилось на 0,8 %, погибших на 4,6 %, раненных на 0,2 %, в 2019 году - на 21,4 %, погибших на 6,8 %, раненных на 1,9 %, за 11 месяцев 2020 года – на 11,5 %, погибших на 4,5 %, показатель раненных увеличился на 43,5 % [7].

Как видим, основные показатели на территории Российской Федерации имеют тенденцию к снижению.

Особое место в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения государством отводится международному сотрудничеству, где Россия выступает не только участником международных форумов, но и активным организатором таких мероприятий.

В 2009 году по инициативе Российской Федерации в Москве состоялась «Первая всемирная министерская конференция по безопасности дорожного движения», в которой приняли участие более 1,5 тысяч участников из 70 стран [8].

По итогам конференции была подписана Московская декларация, в которой участники договорились о мерах по улучшению безопасности дорожного движения во всем мире. Период с 2011 по 2020 годы был объявлен Организацией Объединенных Наций «Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения».

Вторая министерская конференция прошла в 2015 году в Бразилии, где были подведены итоги переходного периода осуществления «Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения».

В феврале 2020 года Стокгольм стал местом обмена опытом и распространения лучших мировых практик в вопросах реализации десятилетнего плана обеспечения без-

опасности дорожного движения в 2011-2020 гг. Организаторами Третьей всемирной министерской конференции по безопасности дорожного движения были правительство Швеции и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Делегацию Российской Федерации возглавил Российский государственный деятель, юрист, министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Владимир Александрович Колокольцев.

На конференции выступили с отчетами о выполнении глобального плана в рамках «Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения» 2011–2020 годов представители стран, участвовавших в сессии. Итогом конференции стала Стокгольмская декларация, закрепляющая ряд важных тезисов о повышении безопасности дорожного движения в мире [8].

Таким образом, безопасность участников дорожного движения Российской Федерации зависит не только от эффективной организации дорожного движения и мер принимаемых руководством страны по стабилизации и сокращению дорожно-транспортной аварийности, но и от личной ответственности каждого водителя и пешехода.

На современном этапе со стороны государства принимаются действенные меры по повышению степени защищенности граждан от дорожно-транспортных происшествий.

Целенаправленно разрабатываются стратегические и программные документы, направленные на реализацию мер по совершенствованию системы управления безопасностью дорожного движения, ее расширению и формированию современных методов, направленных на улучшение и искоренение имеющихся в Российской Федерации проблем с дорожно-транспортной аварийностью и травматизмом, в соответствии с накопленным мировым сообществом опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт ФГБУ «Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения Минздрава РФ» Информационный бюллетень май 2019 г. Тема номера: «Пятая Глобальная неделя безопасности дорожного движения ООН» [Электронный ресурс]. URL: <http://whodc.mednet.ru/>

2. Официальный сайт Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ «Высшая школа экономики» Доклад Безопасность дорожного движения в России: современное состояние и неотложные меры по улучшению ситуации [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/>

3. Майоров В.И., Севрюгин В.Е. Зарубежный опыт разработки целевых комплексных программ по обеспечению безопасности участников дорожного движения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 766-776.

4. Зейналов Ф.Н. О применимости Шведской программы повышения безопасности дорожного движения «VISIONZERO» к Российской действительности // Научный вестник юридический институт имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 92-98.

5. Калюжный Ю.Н. Теоретико-правовые подходы к определению принципов обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Научный вестник Орловский юридический институт имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 92-98.

6. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 - 2024 годы, утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р г. Москва [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Доклад о реализации в 2019 году Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 – 2024 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/>

8. Эпидемия на дорогах. Страны всего мира договариваются о едином плане по снижению смертности в ДТП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ноговицина Елена Николаевна. Преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; дорожно-транспортный травматизм; показатели аварийности; государственное регулирование безопасности дорожного движения.

УДК 351,81

Павлова Е.В.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье проведен анализ отдельных положений действующих норм отечественного законодательства об административных правонарушениях и проектов правовых норм в сфере административно-правового регулирования административной ответственности юридических лиц, через призму авторского видения положительных аспектов и моментов требующих корректировки указанных норм права. Основной акцент сделан на анализе административного законодательства в области системы материальных и процессуальных норм права, регламентирующих вопросы привлечения юридических лиц к административной ответственности. Исследованы процессуальные решения судебных органов о привлечении к административной ответственности юридических лиц, на основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию административного законодательства в части касающейся рассматриваемой проблематики. Проведен анализ отдельных положений Проекта кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, регламентирующих привлечение юридических лиц к административной ответственности, в результате чего автор приходит к выводу о необходимости закрепления отдельной главы в Проекте указанного кодифицированного акта, регулирующей процедуру привлечения к административной ответственности коллективных субъектов административного права, учитывающей как особенности самой ответственности рассматриваемой категории, так и определяющей порядок производства по делам об административных правонарушениях в отношении юридических лиц.

Институт административной ответственности юридических лиц является уникальным правовым институтом, который распространяет свое действие практически на все сферы деятельности указанных коллективных субъектов административного права. Следует учесть, что развитию предпринимательства, малого и среднего бизнеса в России уделяется значительное внимание ввиду того, что данный сектор экономики является перспективным и не только обеспечивает финансовые поступления в казну государства, но и предоставляет рабочие места гражданам, что в свою очередь влияет на

социальную стабильность в стране. Данное утверждение находит свое подтверждение в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1п.1], где отражено, что одной из национальных целей выступает – достойный труд и развитие предпринимательства, для достижения которой разработан национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

На вопросы административно-правового регулирования ответственности юридических лиц неоднократно обращали свое внимание ученые административисты [2, с. 24-25; 3, с. 9-11; 4, с. 34-38; 5, с. 706-709; 6, с. 28-34; 7, с. 31-33], подавляющее большинство которых сходятся во мнении, что административная ответственность с одной стороны является эффективным средством профилактики иных правовых деликтов, причиняющих более значительный ущерб, а с другой стороны должна быть продуманной и сбалансированной, дабы не навредить сформированной системе малого и среднего бизнеса.

При изучении основных положений административной ответственности юридических лиц, следует отдельно остановиться на самом понятии административная ответственность, оговорившись, что легального определения у данного правового института на сегодняшний день нет. Считаем справедливым мнение А.И. Кокорева, который пишет, что юридическая ответственность должна трактоваться, восприниматься не только как запреты и лишение, но и как понимание правонарушителем его прав и обязанностей, их осознанное соблюдение и то, что основными элементами юридической ответственности являются цели, задачи, принципы, предмет, субъекты, методы, а также механизм [8, с. 128-131].

Анализ определений юридической ответственности позволяет сказать, что привести одно четкое определение понятия юридической ответственности не представляется возможным, так как на сегодняшний день в науке имеется много мнений по данному дискуссионному вопросу.

Следует отметить, что с одной стороны юридическая ответственность выступает правовым инструментом наказания лица за совершение правонарушения, а с другой стороны юридическая ответственность представляет собой меру, под угрозой которой мы обладаем возможностью свободно действовать, при этом зная, что наши права и свободы защищаются государством.

Рассматривая определение понятия юридической ответственности, следует сказать, что ключевой недостаток большинства существующих в юридической литературе определений заключается в их однородности, в связи с этим невозможно данным понятием охватить различные случаи ответственности во всех отраслях права.

Проведенный анализ определения юридической ответственности позволяет вывить отличительные признаки. К признакам юридической ответственности, которые позволяют ее отделить от других видов ответственности относятся:

1. Государственный характер применения;
2. Основанием возникновения юридической ответственности является правонарушение;
3. Носит карательный характер и влечет за собой для правонарушителя негативные последствия.
4. Юридическая ответственность предусмотрена действующим законодательством.

Совершенным правонарушением вред причиняется потерпевшему и всему обществу в целом. Юридическая ответственность предполагает под собой возникновение охранительного правоотношения, государство предписывает правонарушителю действовать определенным образом. Государственно-принудительная форма реализации состоит в том, что правонарушитель претерпевает неблагоприятные последствия, огра-

ничения материального, личного и правового характера, а также претерпевает состояние наказанности.

Поведение, которое лежит в основе юридической ответственности обязательно должно быть виновным.

Основанием для наступления юридической ответственности является правонарушение, под которым следует подразумевать виновное деяние конкретного лица, которое совершено в форме, предусмотренной нормой права.

Юридическая ответственность носит карательный характер и влечет за собой для правонарушителя негативные последствия, такие как нарушение объективных прав, а также возложение дополнительных обязанностей, наказание. Юридическая ответственность подразумевает лишения и ограничения, выступающие реакцией на причиненный правонарушителем вред. Они наступают как неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение. Принято выделять два вида негативных последствий: имущественного и личного характера. К личному характеру относится: предупреждение, административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований и т.д., к имущественному относится: административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения.

Юридическая ответственность предусмотрена действующим законодательством Российской Федерации, реализуется и возлагается в установленной законом процессуальной форме.

Возможно, отсутствие законодательного определения административной ответственности в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях можно объяснить наличием большого количества дефиниций в теории административного права. Необходимо найти «золотую середину» и рассмотреть вопрос о включении понятия административной ответственности наряду с административным правонарушением в КоАП РФ.

Следует оговориться, что в Проекте КоАП РФ в ст. 2.6 указано, что административная ответственность наступает только за совершение административного правонарушения. Таким образом, законодатель впервые предпринял попытку сформулировать рассматриваемое понятие. При этом административные правонарушения остаются самыми распространенными правовыми деликтами.

В Российской Федерации за 2020 год выявлено 167 192 664 административных правонарушений, аналогичный показатель за 2019 год составил 145 246 945 правонарушений, за 2018 год - 131 224 201, за 2017 – 111 443 741, за 2016 – 90 335 102. Таким образом, согласно статистическим данным, мы наблюдаем устойчивый рост числа административных правонарушений [9].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации судами общей юрисдикции было рассмотрено 7 033 723 административных дел в 2019 году и 7 018 402 дел в 2018 году. При этом общее число лиц, привлеченных к административной ответственности, в 2019 году составило 5 911 007, в 2018 году – 5 943 053. В отношении юридических лиц судами рассмотрено дел об административных правонарушениях 399 086; подвергнуто наказанию 283 513; доля наказанных составила 71,0 % от общего числа; оправдано 35 904 юридических лиц; наказано административным штрафом 242 568; размер штрафа 58 380 575; административное приостановление деятельности было назначено 8 380; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения применялась 2 361; средняя сумма штрафов 205 тыс. руб. [10]. Анализ статистических данных свидетельствует, что самым распространенным наказанием для юридического лица остается административный штраф, при этом средняя сумма такого штрафа является достаточно внушительной. Административное приостановление деятельности как наиболее строгий административного наказания, применяемого к юридическим лицам судами, назначается значительно реже, но и последствия такого назначения для юридического лица весьма ощутимы.

Проект кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает следующую систему административных наказаний, которые могут быть назначены в отношении юридического лица и в качестве таковых могут быть предупреждение, административный штраф, конфискация и административный запрет деятельности [11]. Вместе с тем, считаем обоснованным, что система административных наказаний, предусмотренная действующей редакцией КоАП РФ в отношении юридического лица, является более правильной ввиду того, что для юридического лица в качестве административного наказания предусмотрено административное приостановление деятельности, в проекте же идет речь именно о временном приостановлении деятельности, однако само наказание обозначено как запрет на такую деятельность. Кроме того, и кодекс, и Проект содержат статьи, которые устанавливают общие правила административной ответственности в отношении юридического лица. Считаем целесообразным остановиться на отдельных новеллах, которые существенным образом изменяют ныне действующие положения. В частности, отмечается, что за одно и то же административное правонарушение не допускается привлечение к ответственности и юридического лица и должностного, за исключением отдельных случаев. Следует отметить, что в настоящее время такое обстоятельство допустимо, в том случае если будет установлена вина и должностного и юридического лица, осуществляющего свою трудовую деятельность в данном коллективном образовании.

Для подтверждения вышеуказанного тезиса следует обратиться к судебной практике. Так Постановлением арбитражного суда Северо-кавказского округа от 15 марта 2020 года дело № А15-1353/2019 отправлено на новое рассмотрение по следующим основаниям:

- суд апелляционной инстанции указал, что протокол об административном правонарушении от 15 марта 2019 г. № 05-625 составлен в отсутствие законного представителя кооператива, не уведомленного надлежащим образом о времени и месте составления протокола, отклонив при этом довод о том, что уведомление о необходимости явки для составления протокола об административном правонарушении получил заместитель председателя кооператива Магомедгаджиев А.Ш.;

- суд указал, что доверенность выданная Магомедгаджиёву А.Ш. на представление интересов кооператива, подписана Абдулаевым А.М., однако сведения о том, что в момент выдачи доверенности Абдулаев А.М. являлся председателем кооператива и имел полномочия на выдачу доверенности не представлены;

- извещение юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, о времени и месте составления протокола об административном правонарушении не может быть признано надлежащим, лишь на том основании, что оно вручено сотруднику юридического лица, привлекаемого к административной ответственности [12]. Приведенный пример свидетельствует, что требует законодательной детализации представительство юридического лица, при производстве по делу об административном правонарушении. Представляется вполне обоснованным, что требуется закрепить положение в КоАП РФ, кто может быть представителем юридического лица.

Еще одним проблемным аспектом административной ответственности юридических лиц является обстоятельство, свидетельствующее о привлечении за одно и то же деяние дважды к ответственности. П.п. 2 п. 1 ст. 4.3 КоАП РФ содержит такой признак повторного административного правонарушения, как «однородность». В Постановлении Пленума ВАС Российской Федерации от 2 июня 2004 года № 10 однородными признаются правонарушения, за которые ответственность установлена одной статьей Особенной части КоАП РФ. Однако Пленумом ВС РФ в Постановлении от 24 марта 2005 г. № 5 таковым считается правонарушение, которое имеет единый родовый объект посягательства. Приведем пример. На основании распоряжения временно исполняющего обязанности руководителя Управления Роспотребнадзора по Республике Карелия в период с 21 сентября по 18 октября 2018 г. в рамках федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора была проведена плановая выездная проверка

МКП «Горводоканал КГО» с целью оценки соблюдения юридическим лицом обязательных требований законодательства в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и технических регламентов.

По результатам проверки 19 октября 2018 г. проверяющим лицом оформлен соответствующий акт 829, 06 ноября 2018 г. в отношении МКП «Горводоканал КГО» составлены протоколы о правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 6.3, 6.5, 8.2 и ч. 2 ст. 8.42 КоАП РФ, и постановлениями от 17 января 2019 г. предприятие признано виновным в их совершении.

Также по делу установлено, что впоследствии 06 ноября 2018 г. уполномоченным должностным лицом было вынесено определение о возбуждении в отношении МКП «Горводоканал КГО» дела об правонарушениях по ст. ст. 6.3, 6.4 и 6.5 КоАП РФ, и проведении административного расследования, основанное на материалах упомянутой выше плановой выездной проверки, в том числе составленном по итогам проверки акте № 829 от 19 октября 2018 г.

В ходе административного расследования 20 ноября 2018 г. в административном здании (офисе) привлекаемого лица произведены измерения физических факторов, включая проверку параметров искусственной освещенности на рабочих местах, в том числе по коэффициенту пульсации, и санитарно-эпидемиологической экспертизой было установлено несоответствие указанных показателей обязательным гигиеническим требованиям. В связи с выявленными нарушениями требований СанПиН 2.2.1/2.1.1.1278-03, пп. 6.3, 6.14 СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 в отношении МКП «Горводоканал КГО» 14 декабря 2018 г. составлен протокол о правонарушении по ст. 6.4 КоАП РФ.

Помимо этого, в процессе административного расследования были установлены многочисленные нарушения обязательных требований, предусмотренных СанПиН. Выявление данных нарушений явилось основанием для составления в отношении МКП «Горводоканал КГО» 14 декабря 2018 г. второго протокола о правонарушении по ст. 6.3 КоАП РФ.

18 января 2019 г. судьей вынесены два самостоятельных постановления о привлечении организации к ответственности [13].

Учитывая, что привлекаемым лицом допущено бездействие, выразившееся в совершении правонарушений по ст. ст. 6.3, 6.4 КоАП РФ, рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же судье, и выявлено при этом одновременно в рамках одного административного расследования, поводом к проведению которого явились результаты упомянутой выше проверки, в данном случае подлежали применению требования ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ, чего судьей при рассмотрении поступивших к нему материалов по упомянутым делам сделано не было.

Рассмотрение судьей в отдельном производстве фактов нарушений, допущенных юридическим лицом при совершении одного бездействия в процессе своей деятельности, искусственно создает множественность административных правонарушений.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии определенных сложностей при производстве по делу об административном правонарушении в отношении юридического лица. Считаем целесообразным для разрешения указанных моментов предусмотреть комплекс мер, в который включить:

- отдельную главу в кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, закрепляющую административную ответственность юридических лиц;
- детализировать положения о применении мер процессуального обеспечения при производстве по делу об административном правонарушении, отразив кто может выступать в качестве иного представителя, предусмотренного ч. 4.ст. 27.8 КоАП РФ, отразив в правовой норме «... сведения с соответствующем юридическом лице, а также его законном представителе либо ином представителе (*при наличии документального подтверждения.*)».

ЛИТЕРАТУРА

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Подгорнов К.Д. Концепция вины как условия административной ответственности юридических лиц // Законность и правопорядок. №1 (21). 2019. 81 с.
3. Панов А.Б. Административная ответственность юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 147 с.
4. Бондарь Е.О., Шурухнова Д.Н. Административная ответственность юридических лиц в Российском и зарубежном законодательстве // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. №1 (3). 2019. 232 с.
5. Крылов Д.В. Особенности административной ответственности юридических лиц // Аллея науки. Т.1. № 4 (31). 2019. 811 с.
6. Канунникова Н.Г. Ответственность юридических лиц за административные правонарушения: учебное пособие. МВД РФ, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2006. 67 с.
7. Катаева О.В. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов: учебник. Белгород: Белгородский юридический ин-т МВД России им. И.Д. Путилина, 2018. 142 с.
8. Кокорев А.И. Подходы к понятию юридической ответственности в современной теории права // Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи: материалы 3-й международной научной студенческой конференции. 2016. С. 128-131.
9. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) разрабатывалась в рамках реализации федеральной целевой программы «Развитие государственной статистики России в 2007-2011 годах» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru>.
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28759/> (дата обращения: 06.04.2021)
11. Проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 30 января 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
12. Решение № А15-1353/2019 от 15 марта 2020 г. по делу № 1353/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V4zE6XqPgIdC/> (дата обращения: 06.04.2021)
13. Решение Верховного суда Республики Карелия от 4 апреля 2019 г. № 12-17/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Евгения Васильевна. Заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: юридические лица; административная ответственность; административное правонарушение; производство по делу; правовые акты; решение суда; постановление по делу.

УДК 351.81+37.01

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ

предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования в журнале
«Научный вестник Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова»

ОБРАЗЕЦ

Иванов И.И.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация на русском языке 500-1000 знаков, включая пробелы.

1. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале должна соответствовать отрасли «Юридические науки».

2. Статья представляется в бумажном варианте, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210x297 мм), заверенном подписью автора. Электронная версия статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см.

Статья должна быть набрана шрифтом Times New Roman (размер основного шрифта – 14 пунктов), межстрочный интервал – 1,5 строки. Абзацный отступ – 1,25 см.

Объем статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен быть не менее 10 стр. и не более 18 стр.

Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов.

Название статьи набирается на русском языке полужирным шрифтом **ЗА-ГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Статья должна быть снабжена аннотацией на русском языке.

В статье не должно быть сведений ограниченного распространения, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и МВД России.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутонном исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1

Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст
-------	-------	-------	-------	-------

Размещение таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

Рисунок

Рис. 1. Название рисунка.

Сведения об авторе на русском языке включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и полный почтовый адрес (**пример см. ниже**).

Статья также должна содержать список ключевых слов на русском языке (пятьдесят основных слов статьи, характеризующих проблематику статьи, через точку с запятой).

В статье должен быть указан код УДК и шифр научной специальности, соответствующий тематике статьи.

Ссылки на литературу оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, **например**: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Затекстовая библиографическая ссылка должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый источник указывается в списке литературы один раз в порядке упоминания в тексте. При повторном использовании в тексте этого источника в квадратных скобках указывается один и тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается. Не допускается в одной ссылке приводить несколько источников или использовать словосочетание «Там же, с. __» и т.п.

Статья должна быть подписана автором, а также научным руководителем при его наличии.

3. К статье прилагаются:

- краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

- рецензия (отзыв) научного руководителя (для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистров).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М.: Юридическая литература, 1976. 166 с.

2. О противодействии терроризму: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. от 6 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ (АХ)

Иванов Иван Иванович. Профессор кафедры уголовного процесса. Доктор юридических наук, профессор.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; ювенальный суд; ювенальная юстиция; обвиняемый; защитник.

УДК 343.1

Научная специальность, по которой подготовлена статья: 12.00.08.

Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения.

подпись

«___» _____ 2021 г.

дата

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.